

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 16 № 4 (125) апрель 2021

В НОМЕРЕ:

Габов А. В.

Цифровой рубль центрального банка
как объект гражданских прав

Болтинова О. В.

Финансовый контроль за реализацией
научных проектов класса «мегасайенс»:
текущее состояние и перспективы совершенствования

Богданова Е. Е., Белова Д. А.

Актуальные проблемы реформирования
законодательства о суррогатном материнстве

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex Russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАНКОВСКИЙ Сергей Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ЧЕРНЫШОВА Ольга Сергеевна — кандидат юридических наук, руководитель юридического отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.
Почтовый адрес: ЕСПЧ, г. Страсбург, Cedex, Франция, 67075.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 28.04.2021 Объем 23,83 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	<i>Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова</i>
Редактор	<i>М. В. Баукина</i>
Компьютерная верстка	<i>Д. А. Беляков</i>

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).

Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.

Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).

Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".

Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Sergey S. ZANKOVSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Sector, Chief Scientific Fellow of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.

Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Olga S. CHERNISHOVA — PhD in Law, Head of Legal Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128
ISSN	1994-1471
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
WEB-SITE	https://aprp.msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 11178 Subscription to the journal is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	28.04.2021 Volume: 23.83 conventional printer's sheets, format 60x84/8 An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
Translators	<i>N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova</i>
Editor	<i>M. V. Baukina</i>
Computer layout	<i>D. A. Belyakov</i>

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Бекин А. В., Збарацкий Б. А.** Проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Российской Федерации 11
- Бурла В. М.** Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии 23

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Нобель Н. А.** Проблемы, возникающие у судей судов общей юрисдикции при подготовке к рассмотрению дел об административных правонарушениях 33

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Болтинова О. В.** Финансовый контроль за реализацией научных проектов класса «мегасайенс»: текущее состояние и перспективы совершенствования 39
- Тугушев Р. И.** Расходы на национальные проекты в системе государственных расходов 47

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Габов А. В.** Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав 55
- Богданова Е. Е., Белова Д. А.** Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве 66
- Гусева А. А.** Объект виндикации: проблемы правоприменения 76
- Зыков С. В.** Телеологическое толкование категории «исключительное право» 94

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Кичигин С. В.** Проблемы аннулирования трудового договора 101

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Хромов Е. В., Зябликов А. Ю.** О причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ 120

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Дражевская Ю. В.** Основания привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика по уголовным делам 133
- Иванов В. И.** Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом 142

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Лазарева Л. В., Покровский С. В.**
К вопросу о доказательности экспертных выводов 152
- Алихаджиева И. С.** О новых тенденциях современной
секс-индустрии и ее криминологических рисках 160
- Михайлова Л. В.** Правовое регулирование деятельности оперативных
подразделений правоохранительных органов в морских пространствах 174

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Шулаков А. А.** Интересы публичного порядка и алгоритм
определения права, подлежащего применению
к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом 184

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Клюканова Л. Г.** К вопросу о месте и значении
лесного права в правовой системе Российской Федерации 193

Contents

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Bekin A. V., Zbaratskiy B. A.** Problems of Implementation
of Principles of Transparency and Accessibility in the System
of Scientific Personnel Certification in the Russian Federation 11
- Burla V. M.** The Value as a Basic Category of Domestic Constitutional Axiology 23

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Nobel N. A.** Problems Encountered by Judges of the Courts
of General Jurisdiction in Preparing for the examination of Administrative Offenses 33

FINANCIAL LAW

- Boltinova O. V.** Financial Control over the Implementation
of the “Megascience” Class Scientific Projects:
Current State and Prospects of Improvement 39
- Tugushev R. I.** Expenditures on National Projects in the Public Spending System 47

CIVIL AND FAMILY LAW

- Gabov A. V.** A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object 55
- Bogdanova E. E., Belova D. A.**
Actual Problems of Reforming Legislation on Surrogacy 66
- Guseva A. A.** An Object of Vindication: Problems of Law Enforcement 76
- Zykov S. V.** Teleological Interpretation of the Category “Exclusive Right” 94

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Kichigin S. V.** Problems of Cancellation of an Employment Contract 101

CRIMINAL LAW

- Khromov E. V., Zyablikov A. Yu.**
On Causal Relationship in Crimes under Art. 264
of the Criminal Code of the Russian Federation 120

CRIMINAL PROCEDURE

- Drazhevskaya Yu. V.** Grounds for Involving
a Legal Entity as a Civil Defendant in Criminal Cases 133
- Ivanov V. I.** Investigation of the Purpose, Goals and Objectives
of the Criminal Procedure by means of Systemic Approach 142

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Lazareva L. V., Pokrovskiy S. V.** On the Issue
of Evidentiary Value of Expert Opinion 152
- Alikhadzhieva I. S.** New Trends in the Modern
Sex Industry and Its Criminological Risks 160
- Mikhaylova L. V.** Legal Regulation of the Activities
of Operational Units of Law Enforcement Agencies in Maritime Spaces 174

INTERNATIONAL LAW

- Shulakov A. A.** Public Policy Interests and Algorithm
for Determining the Law Applicable to Private Law
Relations Complicated by a Foreign Element 184

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Klyukanova L. G.** On Place and Significance of Forestry Law
in the Legal System of the Russian Federation 193

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.011-022

А. В. Бекин*,
Б. А. Збарацкий**

Проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Российской Федерации¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации принципов гласности и доступности в нормативных актах, регулирующих процедуру научной аттестации в России. Выделяются характерные свойства юридических принципов доступности и гласности. Исследуется проявление принципов гласности и доступности в федеральном законодательстве и локальных нормативных актах организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней. Выявляются локальные нормативные акты, подлежащие обязательному официальному опубликованию для реализации принципа гласности. Приводятся примеры нарушений требований действующего законодательства в локальных нормативных актах по вопросам самостоятельного присуждения ученых степеней. Делается вывод о необходимости дополнительной проработки локального регулирования на предмет устранения противоречий и приведения в соответствие принципам гласности и доступности.

Ключевые слова: правовые принципы; доступность; гласность; научная аттестация; ученые степени; локальные нормативные акты; самостоятельное присуждение ученых степеней; опубликование; диссертационный совет.

Для цитирования: Бекин А. В., Збарацкий Б. А. Проблемы реализации принципов гласности и доступности в системе аттестации научных кадров Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 11–22. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.011-022.

---

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00293-20-09, реестровый номер работы «Научно-методическое обеспечение» 730000Ф.99.1.БВ16АА02001.

© Бекин А. В., Збарацкий Б. А., 2021

* *Бекин Александр Валерьевич*, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
avbekin@msal.ru

** *Збарацкий Богдан Анатольевич*, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт отдела научно-правового консалтинга Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
bzbar@mail.ru

Problems of Implementation of Principles of Transparency and Accessibility in the System of Scientific Personnel Certification in the Russian Federation²

Aleksandr V. Bekin, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avbekin@msal.ru

Bogdan A. Zbaratskiy, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), expert of the Department of Scientific and Legal Consulting, Kutafin University Research Institute (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
bzbar@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the implementation of the principles of transparency and accessibility in legal acts regulating the procedure of academic certification in Russia. The authors highlight two characteristic properties of legal principles of accessibility and transparency. The paper examines the manifestation of principles of transparency and accessibility in federal legislation and local regulations of organizations that have the right to award academic degrees independently. The authors have determined local regulations subject to mandatory official publication in order to have the principle of publicity implemented. The paper provides examples of violations of the requirements of the current legislation in local regulations on the issues of independent awarding of academic degrees. The conclusion is made about the need for additional study of local regulation in order to eliminate contradictions and bring it into line with the principles of transparency and accessibility.

Keywords: legal principles; accessibility; publicity; scientific certification; academic degrees; local regulations; independent awarding of academic degrees; publication; dissertation defense committee.

Cite as: Bekin AV, Zbaratskiy BA. Problemy realizatsii printsipov glasnosti i dostupnosti v sisteme attestatsii nauchnykh kadrov Rossiyskoy Federatsii [Problems of Implementation of Principles of Transparency and Accessibility in the System of Scientific Personnel Certification in the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):11-22. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.011-022. (In Russ., abstract in Eng.).

Реализация принципа гласности в нормативных актах является одним из основополагающих условий грамотной и эффективной работы механизма правового регулирования. Любой акт может проходить ступени создания, изменения и прекращения. Указанный порядок обеспечивает своевременное регулирование во всех областях человеческой деятельности. Правотворческий процесс возможен только при своевременном анализе действующей правовой системы и отслеживании необходимых изменений. В случае, если субъект правотворческой деятельности осознает необходимость регулирования тех или иных отношений, принимается соответствующий акт, изменяются

уже действующие нормы или отменяются те, которые признаны неэффективными и устаревшими. Однако указанное трио этапов действий относительно актов может быть существенно нарушено в том случае, если каждый из них будет проходить скрыто от субъектов, которые будут применять акт или на которых он распространяет свое действие. Для защиты от таких негативных последствий существуют принципы гласности и доступности.

Принцип гласности рассматривался различными учеными — представителями теоретических и отраслевых юридических наук. По нашему мнению, наиболее удачное определение было дано О. А. Воробьевой и И. Р. Шарафут-

² The reported study was carried out according to State Assignment № 075-00293-20-09, registry number of the study “Scientific and Methodological Support” is 730000F.99.1.BV16AA02001.

диновым: «Принцип гласности является одним из основополагающих принципов и означает обеспечение открытости и доступности информации о решениях и действиях субъектов публичной власти (деятельности органов представительной и исполнительной власти, судов, органов местного самоуправления, порядка избрания или формирования соответствующих органов, обсуждения законопроектов»³. Стоит отметить, что принцип гласности не является свойственным исключительно для актов, издаваемых субъектами государственной власти, данный механизм применим ко всем действиям субъектов правотворческой деятельности в предусмотренных нормативными актами случаях.

В корпоративном правотворчестве учеными выделялись принцип доступности и понятности корпоративных актов⁴ и принцип доступности информации о деятельности корпорации⁵. В целом авторы отмечают необходимость доводить до сведения членов корпорации информацию о принятии, об изменении и о прекращении действия корпоративных актов, а также обязательность соответствия таких актов общепринятым требованиям юридической техники к понятности и ясности (отсутствие двойного толкования, наличие всей необходимой информации, исключение лишней информации и т.д.). Иными словами, можно заключить, что в общетеоретическом значении принципы гласности и доступности присутствуют в правотворчестве в целом и в нормотворчестве в частности.

Обращаясь к анализу нормативных правовых актов по озвученной тематике, стоит отметить, что принципы гласности и доступности закреплены в большом количестве источников. Преж-

де всего отметим ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации⁶: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются», а опубликование, в свою очередь, должно быть «официально для всеобщего сведения».

Отмеченный этап официального опубликования имеет место во всех актах правотворческой деятельности, будь то Федеральный закон (опубликование в «Российской газете», «Парламентской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение на официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru))⁷ или приказ о приеме на работу в компании либо локальный нормативный акт (обязательное ознакомление конкретного работника с приказом).

Тем не менее ознакомление работника с локальным актом не гарантирует его постоянного размещения в том или ином источнике. По общему правилу именно работодатель несет обязанность по учету и сохранению актов, поскольку это напрямую отражается на процессе деятельности организации. В связи с тем, что работодатель и работник имеют одностороннюю связь соподчинения, обеспечение прав работника должно осуществляться фиксацией локальных актов в каком-либо независимом источнике, что отличительным образом скажется на надлежащей реализации принципа гласности в рамках локального регулирования.

Подытоживая, отметим наличие у принципов гласности и доступности свойств, отличающих их от всех остальных:

1) гласность направлена на обеспечение прозрачности отношений, недопущение сокры-

³ Воробьева О. А., Шарафутдинов И. Р., Принципы публичной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 13.

⁴ Козырева А. Б. Корпоративное правотворчество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 61.

⁵ Соловьева С. В. Сравнительный анализ принципов управления некоммерческими организациями, имеющими и не имеющими членство // Журнал российского права. 2013. С. 95.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁷ Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

- тия информации, необходимой для полной и эффективной их реализации, вовлечение граждан в управление делами государства;
- 2) доступность направлена на создание условий равного взаимодействия в правоотношениях, обеспечение возможности одинакового обращения к актам, отсутствие исключительной привилегии у каких-либо субъектов в доступе к нормам, регулирующим правоотношения;
  - 3) гласность и доступность должны быть обеспечены субъектом, принимающим акт, поскольку именно он вводит его в регулирование (что порождает установление, изменение и прекращение правовых отношений), обладает дискреционными полномочиями на принуждение к исполнению норм и только в его компетенцию входит изменение и прекращение актов;
  - 4) доступность и гласность закрепляются в заранее установленных порядках, создатель акта должен иметь техническое, ресурсное и организационное обеспечение для реализации указанных принципов.

Более подробно стоит остановиться на правовом регулировании официального опубликования и закреплении принципов гласности и доступности в нормативных правовых актах о деятельности советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее — диссертационные советы).

В данной сфере основополагающее место занимают: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», приказ Росстата от 18.07.2019 № 410 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий».

В соответствии со ст. 4 Федерального закона № 127-ФЗ предусматривается два варианта установления правового регулирования деятельности диссертационных советов. На основании ч. 2.1 данной статьи общий порядок присуждения ученых степеней устанавливается Правительством РФ, согласно абз. 3 ч. 3 положение о диссертационном совете утверждается Минобрнауки России. В соответствии с ч. 3.1 определенные в перечне авторитетные организации вправе самостоятельно устанавливать порядок присуждения ученых степеней, а также положение о диссертационном совете, с критериями не ниже закрепленных в федеральных актах. Таким образом, можно выявить федеральное и локальное нормотворчество, регулирующее отношения в сфере аттестации научных кадров.

Согласно п. 18 и 19 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ № 842, диссертация на соискание ученой степени должна быть размещена на официальном сайте организации в сети «Интернет», решения диссертационного совета о допуске или об отказе в допуске к защите также должны быть опубликованы на сайте. Данное положение показывает необходимость прозрачного и гласного подхода в процедуре защиты диссертации. Любое решение совета по защите диссертаций должно быть в обязательном порядке доведено не только до лица, претендующего на получение ученой степени, но и до иных лиц, не позволяя сделать решение диссертационного совета закрытым или тайным. Аналогичные нормы закреплены и в п. 23, 24 и 26 Положения о присуждении ученых степеней, но уже относительно информации об официальных оппонентах, о ведущей организации и порядке опубликования автореферата. Отметим, что источник права закрепляет необходимость обеспечения гласности и доступности информации о защите диссертации на всех этапах процедуры присуждения ученых степеней.

В приказе Росстата № 410 имеются Указания по заполнению формы федерального статистического наблюдения. В разделе 2 Указаний приведен перечень информации о защите кандидатских диссертаций в диссертационных

советах научных организаций, образовательных организаций высшего образования и организаций дополнительного профессионального образования, по которой должна быть предоставлена статистика. Все эти данные обязательно должны быть отмечены в самой организации. Подобный порядок дополнительно подтверждает необходимость обеспечения доступа к информации о ходе защиты диссертации и издаваемым в процессе актам научной организации.

Положение о совете по защите диссертаций, утвержденное приказом Минобрнауки России № 1093, содержит большое количество норм, регулирующих порядок реализации принципов доступности и гласности при осуществлении процедур защиты кандидатских и докторских диссертаций. Условно данные нормы можно разделить на два вида: регулирующие порядок официального опубликования и предоставления доступа к информации о защите диссертации; регулирующие порядок предоставления доступа к информации о самом совете, его статусе, требованиях к членам совета, об их полномочиях и иной информации, раскрывающей правовой статус диссертационного совета организации. Как отмечалось, организация должна реализовать принцип гласности и доступности на каждом этапе защиты диссертации, завершая каждое решение и действие официальной публикацией документов на сайте организации. Уделим внимание второму виду норм, касающихся опубликования информации о правовом статусе диссертационных советов.

В пункте 6 Положения о совете по защите диссертаций присутствует одно из важнейших правил, распространяющее свое действие на регулирование аттестационных процедур на федеральном уровне и обеспечивающее реализацию принципов гласности и доступности. Согласно ему организация обязана размещать на своем сайте информационные материалы в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней и гарантировать гласность работы диссертационного совета. В действительности сложно представить слаженную и квалифицированную работу диссертационного совета в том случае, если отсутствует публикация принятых организацией индивидуально-распорядитель-

ных актов по вопросам научной аттестации. Касательно перечня документов, подлежащих опубликованию, приказ имеет отсылочную норму, подчеркивая необходимость реализации принципа гласности и доступности при издании всех актов, закрепляющих статус аттестационных процедур.

Что же касается нормотворчества авторитетных организаций на локальном уровне по вопросам аттестационных процедур научных кадров, то на основе действующего законодательства для реализации принципов гласности и доступности к таким актам должны относиться документы:

- 1) по созданию на своей базе советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- 2) определению и изменению составов этих советов;
- 3) установлению полномочий этих советов;
- 4) определению перечней научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций к защите;
- 5) осуществлению контроля за деятельностью этих советов;
- 6) приостановлению, возобновлению и прекращению деятельности этих советов;
- 7) установлению порядка присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядка представления, защиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядка лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций и заявлений о необоснованности присуждения ученой степени;
- 8) утверждению положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- 9) установлению форм дипломов об ученых степенях, технических требований к таким документам, порядка их оформления и выдачи;
- 10) индивидуально-распорядительные акты, касающиеся конкретного этапа аттестационной процедуры (решение о принятии диссерта-

ции к защите, заключение диссертационного совета, решение о выдаче диплома и др.).

Помимо указанных основных документов необходима обязательная публикация документов, вносящих изменения в ранее изданные акты. Такие документы принимаются в точно таком же порядке, что и основные, их правотворческий процесс идентичен, следовательно, реализация принципов гласности и доступности обязательна.

Следует разделить позицию профессора С. В. Нарутто, согласно которой «процедурные вопросы экспертизы диссертаций, равно как и другие вопросы, связанные с формированием диссертационных советов и их работой, присуждением ученых степеней, выдачей дипломов, организации закрепляют в локальных нормативных правовых актах, которые создают условия децентрализации нормативно-правового обеспечения реализации государственной политики в этой сфере»⁸. Тем не менее развитие института аттестации научных кадров невозможно без изменения функциональных составляющих «классической» процедуры присуждения ученых степеней. Децентрализация нормативно-правового обеспечения не всегда таит в себе только негативные последствия, однако такое развитие должно происходить в строгом соответствии с действующими нормативными правовыми актами и целями научно-технологического развития государства.

Отдельно отметим связь между достижением гласности и доступности и пределом действия актов во времени. В общей теории права выделяются три основных предела действия нормативных актов: в пространстве, по кругу лиц и во времени. Относительно организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, определение действия их актов в пространстве и по кругу лиц не представляет сложности — их реализация происходит преимущественно в отношении субъектов, имеющих правовые связи с данной

организацией (члены советов; лица, претендующие на получение ученой степени; аспиранты, контрольные органы научной аттестации и т.д.), распространение актов ограничивается только самой организацией.

В свою очередь, понимание действия актов во времени может быть затруднено для участников аттестационных процедур в рамках локального регулирования. В случае, если авторитетная организация издает акт, но при этом не соблюдает требования по обнародованию и официальному опубликованию, то его нормы будут неизвестны всем участникам правоотношений. Даже имея теоретическую возможность в получении доступа к актам на физическом носителе в самой организации, субъекты аттестационных процедур, не находящиеся в непосредственной близости от организации, могут обнаружить преграду в осуществлении своих прав и обязанностей. Более того, если будут внесены изменения в уже действующие акты, но при этом они не будут отвечать принципам гласности и доступности, то существует возможность, что лица будут действовать с нарушениями в отношении этих изменений. Подобная ситуация неприемлема, т.к. противоречит базовым правовым принципам, а также порождает технические трудности и лишние ресурсные затраты. Следует согласиться с М. А. Капустиной в том, что «для адресата же нормативный правовой акт вступает в силу с момента, когда он доведен до его сведения, стал известным ему, после обнародования в надлежащем порядке... необнародованный нормативный правовой акт не обладает юридической силой для адресата, так как не может обладать юридической силой то, что не может быть известно»⁹.

Особенно критично озвученная проблема проявляет себя в периоды физической невозможности доступа к локальным нормативным актам организации, возникшей в период распространения новой коронавирусной инфекции, когда физические лица находились на самоизо-

⁸ Нарутто С. В. Номенклатура научных специальностей и новая модель государственной научной аттестации // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 24–32.

⁹ Капустина М. А. Временные пределы и условия действия нормативных правовых актов // Платон. 2013. № 2. С. 11–18.

ляции. В такие моменты удаленный доступ к документам становится абсолютно необходимым. Нередка ситуация, когда организация может принять акт одной датой, но либо не опубликовать его, либо опубликовать значительно позже издания. По аналогии с реализацией принципов гласности и доступности время действия таких актов должно начинаться с момента официального опубликования либо с более поздней даты, указанной в самом акте. Однако, если разница во времени между фактическим подписанием документа и его официальным опубликованием была значительна, создается вакуум правового регулирования, остается неясной правовая судьба действий субъектов в этот период. Создание таких правовых пробелов непозволительно и должно стремиться к нулю.

Стоит уделить внимание письму Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 08.11.2019 № 557/02 «О типовых нарушениях в деятельности диссертационных советов», в котором отмечаются нарушения реализации принципов гласности и доступности. Пункты 1–3 указывают на наличие проблемы создания вакуума правового регулирования из-за нарушения сроков опубликования. В пункте 5 отдельно отмечается необходимость опубликования организацией на своем сайте документов, обеспечивающих деятельность советов и подтверждающих фиксацию процесса защиты диссертаций.

Помимо указанной проблемы, существует трудность в пользовании представленной информацией. Такие ситуации случаются, когда организация создает невозможность чтения опубликованных документов, размещая их на разных, иногда даже нелогичных страницах (разделах) своего сайта, фиктивно соблюдая требования к опубликованию локальных нормативных актов. В некоторых случаях имеет место создание нескольких сайтов организации, где документы «разбросаны» по разным страницам либо ссылки на них «нечитаемы» или отсутствуют. Подобное опубликование не отвечает принципу доступности, поскольку не позволяет среднестатистическому пользователю (субъекту) получить прямой доступ к информации и создает искусственные трудности в восприятии актов.

Отдельной существенной особенностью обладает и сама форма размещения локальных нормативных актов, регулирующих аттестационные процедуры, на сайте организации. Проводя анализ такого размещения, можно выделить три формы размещения: 1) полноценная отсканированная копия принятого акта; 2) документ в текстовом формате без отличительной идентификации; 3) акт в текстовом редакторе или электронном документе (формата Word или PDF) с идентификационными реквизитами. Первая форма размещения наиболее полным образом соответствует принципу гласности, поскольку не подразумевает внесения изменений в текст документа без фактической замены размещенного файла. Вторая форма полностью противоречит принципу гласности в связи с отсутствием у заинтересованных лиц возможности отследить изменения в документе без использования бумажного носителя оригинала акта, нарушением также выступает и отсутствие идентификационных реквизитов самого акта. Что же касается третьей формы, то документ может быть подвергнут изменениям без его фактической замены, что также нарушает права заинтересованных лиц. Руководствуясь вышеизложенным, можно прийти к выводу, что наиболее успешной формой размещения на сайте организации локальных нормативных актов выступает отсканированная копия документа, принятого в надлежащем порядке.

Подытожим ранее высказанные умозаключения. Авторитетные организации обязаны обеспечить официальное опубликование всех документов, регулирующих деятельность аттестации научных кадров, актов, вносящих изменения в ранее изданные акты, в надлежащем порядке, а также предоставить полный дистанционный и прямой доступ к данной информации.

В практике издания локальных нормативных актов авторитетных организаций в России существует нестабильная тенденция в исполнении указанных выше правил. Нередко выявляются нарушения принципов гласности и доступности при составлении документов, регулирующих деятельность диссоветов. Один из примеров таких нарушений уже был освещен в настоящей статье, когда приводилось письмо ВАК Мин-

обрнауки России. Однако данные нарушения в большей степени связаны с несвоевременной публикацией либо отсутствием публикации диссертационных работ, отзывов официальных оппонентов или авторефератов. Тем не менее проблема гораздо глубже и касается документов, устанавливающих правовой статус самих диссертационных советов.

Разделим эту проблематику на две части: опубликование первых версий документов и изменений к ним.

Касательно первой части озвученной проблемы существует ряд нарушений действующего законодательства. Во-первых, ряд обязательных для публикации документов в принципе отсутствуют. Нередко на сайте организации можно заметить лишь положение о присуждении ученых степеней и положение о совете по защите диссертаций. В некоторых случаях имеются положения отдельных диссертационных советов, при этом отсутствуют нормы, устанавливающие требования к членам диссертационных советов. Довольно часто такая ситуация возникает, когда в организации нет достаточного количества кандидатур на должности членов диссовета, в такие моменты организация может предусмотреть процедуру привлечения сторонних ученых под каждое конкретное заседание, однако отсутствие требований приводит к тому, что теряется возможность отследить научный уровень принятых на диссертационном совете решений, следовательно, существует риск появления диссертаций, не отвечающих установленным требованиям. Сходная ситуация касается требований к официальным оппонентам и ведущим организациям. Существуют документы, в которых отсутствует институт привлечения к процедуре аттестации ведущей организации. В тех случаях, когда наличие данных субъектов прописано в актах организации, обладающей правом самостоятельного присуждения ученых степеней, могут отсутствовать четкие критерии для их отбора. Данная ситуация порождает возможности принимать решения закрыто, что не просто нарушает принципы гласности и доступности, но и создает опасность злоупотребления пробелами в локальном акте.

Отметим, что федеральное законодательство предусматривает процедуры лишения и восстановления ученой степени, подачи апелляции на решение диссертационного совета, рассмотрения заявлений о необоснованности присуждения степени. Данные институты являются основополагающими в спорных ситуациях, которые могут возникать при защите диссертации на соискание ученой степени. Отсутствие документов, регулирующих указанные процедуры, не просто нарушает принцип гласности, но и создает фактическую невозможность каким-либо образом оспорить решение диссовета.

Приказ Минобрнауки России от 14.01.2019 № 2н «Об утверждении Порядка оформления и выдачи дипломов доктора наук и кандидата наук» предусматривает общий порядок регулирования в указанной сфере. В ряде локальных документов организаций подобное регулирование отсутствует, иногда имеет место отсылка к действующему законодательству без указания конкретных актов. Со стороны это выглядит как попытка сэкономить время на установлении четкой процедуры оформления и выдачи дипломов, ссылаясь на вышестоящее законодательство, однако даже в таких случаях присутствуют нарушения. Например, подавляющее большинство авторитетных организаций выдают дипломы без двумерного матричного штрихового кода (QR-код), что нарушает п. 8 приказа Минобрнауки. Наличие такого кода позволяет получить быстрый доступ к открытой информации об обладателе диплома, что существенно повышает доступность данных. Иными словами, образуется нестыковка локального законодательства и реального положения вещей. Указанное обстоятельство на практике приводит к тому, что, с одной стороны, организация утверждает, что диплом издается в соответствии с федеральным законодательством, но, с другой стороны, фактическое исполнение далеко от предписанного.

Авторы настоящей статьи разделяют позицию исследователей, указывающих, что, «несмотря на законодательное признание равенства документов о присуждении ученых степеней, выдаваемых всеми участниками государственной системы научной аттестации,

существенные расхождения качественных критериев, экспертных форм и процедурных механизмов присуждения ученых званий могут привести к проблеме сопоставимости дипломов кандидатов и докторов наук, вызвать вопросы об обоснованности выдачи дипломов и их подлинности»¹⁰. Опираясь на приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации, организациям, обладающим правом самостоятельного присуждения ученых степеней, необходимо неукоснительным образом соответствовать современным тенденциям российского законодательства и выводить статус научно-педагогических кадров на новый уровень, в том числе с учетом имеющегося научного авторитета в общемировом пространстве.

Отдельного упоминания заслуживает отсутствие полноценного регулирования по предварительной защите и апробации результатов диссертационных исследований. Авторитетные научные организации в своем локальном регулировании либо полностью игнорируют установление таких требований, либо отмечают, что результаты апробации должны быть отмечены во введении к диссертации, однако конкретных императивных процедур не устанавливают. Отметим, что процедура предварительного рассмотрения диссертации закреплена в разд. IV приказа Минобрнауки России № 1093. Как отмечалось выше, гласность и доступность на всех стадиях защиты диссертационного исследования могут служить гарантией прозрачности всей процедуры, особенно когда должен решаться вопрос о допуске к защите. Предварительное исследование работы компетентной комиссией служит своеобразным фильтром, защищающим научное сообщество от неблагонадежных и недобросовестных научных изысканий.

Стоит перейти ко второй части глобальной проблемы, которая была отмечена выше, а именно к реализации принципов гласности и доступности применительно к изменениям документов, принятых ранее. Если по содер-

жанию данная проблема во многом дублирует предыдущую, то по процедуре содержит новую составляющую. Зачастую изменения к актам в принципе не публикуются научными организациями. В тех случаях, когда такая публикация есть, отсутствует упоминание обо всех изменениях, которые следовали после издания акта, т.е. представляется только последняя версия. Такая позиция неприемлема, поскольку и первоначально изданные акты, и последующие изменения к ним имеют равную юридическую силу, приняты одним и тем же субъектом и регулируют одни и те же правоотношения. Принципы гласности и доступности существенно страдают, когда информация доходит до адресата «порционно» или вообще в «резанном виде». Субъекты отношений должны иметь равный и своевременный доступ ко всем актам и изменениям к ним, непозволительно допускать закрытость тех или иных изменений, т.к. создается вакуум правового регулирования, который был освещен ранее в статье. Помимо прочего, исчисление сроков действия изменений к актам будет корректно работать только в том случае, когда даты издания акта и официального опубликования будут либо совпадать, либо находиться в пределах нескольких дней. Все участники отношений должны быть своевременно уведомлены об изменениях и должны иметь к ним дистанционный доступ.

Существенной особенностью рассматриваемой проблемы является применение необходимого положения измененного локального нормативного акта во времени. Отсутствие официального опубликования «изменяющего акта» при возникновении спора может привести к коллизии нормативных положений, хотя по отношению к такому потенциальному спору, безусловно, должна применяться именно норма, действующая в момент его возникновения. Если организации злоупотребляет своими правами и не осуществляет опубликование изменяющих документов, указанная ситуация может

¹⁰ Пахомов С. И., Петров М. П., Абалакин К. С., Мацкевич И. М. Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и образования и насущных задач развития системы научной аттестации в стране // Высшее образование сегодня. 2019. № 8. С. 2–12.

привести к административному, а впоследствии и судебному спору. Кроме того, процедура научной аттестации занимает продолжительное время и носит длящийся характер до момента фактического прекращения отношений по различным основаниям, а в связи с тем, что авторитетные организации зачастую производят замену устаревших и противоречащих федеральному законодательству норм, лица, находящиеся на различных этапах аттестации, имеют наиболее незащищенное законодательством и локальными актами правовое положение. Для урегулирования настоящей проблемы федеральному законодателю следует внести ряд изменений в ч. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в части императивного закрепления правила об обязательной официальной публикации любых изданных локальных нормативных актов, регулирующих процедуру «самостоятельного» присуждения ученых степеней.

Отдельным аспектом проблемы является среда, в которой осуществляется официальное опубликование. Федеральное законодательство предусматривает наличие у организации сайта, где в обязательном порядке должны быть опубликованы принятые акты, однако нередко можно встретить ситуацию, когда на сайте организации, в разделе «Нормативная документация», имеется несколько приказов Минобрнауки и два положения по деятельности совета. Чтобы найти остальные акты, необходимо провести ряд на первый взгляд даже нелогичных действий и переходов по страницам сайта, чтобы получить доступ хотя бы к части необходимой документации. Некоторые организации размещают документацию совершенно на других сайтах. Такое положение вещей затрудняет обращение к нормативной документации и нарушает принцип доступности. Как отмечалось выше, все локальные акты должны быть предоставлены в полном объеме и форме, понятной среднестатистическому пользователю, не обладающему специальными техническими знаниями. При действующей ситуации модель официального опубликования в научных организациях далека от идеала и явно испытывает потреб-

ность в пересмотре. Кроме того, отличительными негативными проявлениями размещения локальных нормативных актов, регулирующих процедуру самостоятельного присуждения ученых степеней, на интернет-ресурсе выступают: 1) возможность скорректировать необходимую информацию без реального изменения локальных актов; 2) потенциальная возможность технического сбоя соединения с сайтом организации; 3) сложность объективного использования для всех сторон информации с интернет-ресурса в качестве доказательственной базы. На наш взгляд, размещение локальных нормативных актов на сайте организации должно идти в дополнение к другим средствам официального опубликования.

Безусловно, организация, имеющая право самостоятельного присуждения ученых степеней, не имеет тех же ресурсов и механизмов, которыми обладают государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Проведение указанной аналогии обусловливается наличием полномочия по принятию актов, распространяющих свое действие на неопределенный круг лиц, в том числе по вопросам научной аттестации. Для органов публичной власти, как было рассмотрено ранее, существуют официальные источники опубликования, в качестве наиболее общих и применимых к любой ситуации выступают периодические печатные издания. Для получения права самостоятельного присуждения ученых степеней организация должна отвечать предусмотренным законодательством критериям, включая достижение высоких результатов в научной (научно-технической) деятельности и обладание авторитетом в вопросах подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. На взгляд авторов настоящей статьи, высокие результаты научной деятельности и обладание научным авторитетом могут быть подтверждены, кроме прочего, наличием у организации периодического научного печатного издания. Стоит обратить внимание, что материалы, опубликованные на бумажном носителе, сложнее фальсифицировать, а доступ к ним открыт для неограниченного

количества лиц. В качестве предложения для всесторонней реализации принципов гласности и доступности следует выделить обязательное размещение локальных нормативных актов, регулирующих вопросы аттестации научных кадров, а также изменяющих их актов в периодических печатных изданиях, издаваемых на базе организации. Данная особенность существенно укрепит права субъектов, участвующих в аттестационных процедурах.

Рассмотренные в статье особенности указывают на необходимость продолжения работы по формированию и укреплению единой системы научной аттестации, независимо от уровня ее регулирования (федеральный или локальный), с целью усиления статуса научных кадров в Российской Федерации и за ее пределами. В заключение сошлемся на импонирующее авторам мнение С. А. Васильева, С. С. Зенина: «Для того чтобы тенденции продолжали позитивным образом воздействовать на существующую ситуацию, не снижали уровень научного потенциала России, необходимо законодательно закрепить те критерии, которым отвечает общая система

государственной научной аттестации, а их нарушение представляло для таких организаций негативные последствия»¹¹.

Подводя итоги настоящей работы, можно прийти к выводам, что в действующем локальном регулировании процедуры защиты диссертаций на соискание ученых степеней присутствует ряд проблем. К таковым можно отнести отсутствие локального регулирования по ряду вопросов, несвоевременную публикацию актов либо полное ее отсутствие, отсутствие в официальных источниках перечня всей локальной документации с изменениями к ней, наличие отсылок к федеральному законодательству при нарушении норм, закрепленных в нем, отсутствие удобной и эффективной модели официального опубликования, обеспечивающей доступность к локальным актам организации. Все эти нарушения наносят существенный удар по реализации принципов гласности и доступности, во многом сводя к нулю квалифицированную работу организации, что неизбежно приводит к спорам и лишней затрате ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильев С. А., Зенин С. С.* Тенденции развития государственной системы научной аттестации и возникающие в связи с этим проблемы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». — 2019. — № 15. — С. 79–87.
2. *Воробьева О. А., Шарафутдинов И. Р.* Принципы публичной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. — 2017. — № 2 (29). — С. 13–15.
3. *Капустина М. А.* Временные пределы и условия действия нормативных правовых актов // Платон. — 2013. — № 2. — С. 11–18.
4. *Козырева А. Б.* Корпоративное правотворчество: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 232 с.
5. *Нарутто С. В.* Номенклатура научных специальностей и новая модель государственной научной аттестации // Правоприменение. — 2019. — Т. 3. — № 1. — С. 24–32.
6. *Пахомов С. И., Петров М. П., Абалакин К. С., Мацкевич И. М.* Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и

¹¹ *Васильев С. А., Зенин С. С.* Тенденции развития государственной системы научной аттестации и возникающие в связи с этим проблемы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 79–87.

образования и насущных задач развития системы научной аттестации в стране // Высшее образование сегодня. — 2019. — № 8. — С. 2–12.

7. Соловьева С. В. Сравнительный анализ принципов управления некоммерческими организациями, имеющими и не имеющими членство // Журнал российского права. — 2013. — С. 92–99.

Материал поступил в редакцию 19 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasil'ev S. A., Zenin S. S. Tendencii razvitiya gosudarstvennoj sistemy nauchnoj attestacii i voznikayushchie v svyazi s etim problemy // Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugovovno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty». — 2019. — № 15. — С. 79–87.
2. Vorob'yova O. A., Sharafutdinov I. R. Principy publichnoj vlasti // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Yuridicheskie nauki. — 2017. — № 1 (29). — С. 13–15.
3. Kapustina M. A. Vremennyye predely i usloviya dejstviya normativnyh pravovyh aktov // Platon. — 2013. — № 2. — С. 11–18.
4. Kozyreva A. B. Korporativnoe pravotvorchestvo: teoriya i praktika : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 232 s.
5. Narutto S. V. Nomenklatura nauchnyh special'nostej i novaya model' gosudarstvennoj nauchnoj attestacii // Pravoprimenenie. — 2019. — Т. 3. — № 1. — С. 24–32.
6. Pahomov S. I., Petrov M. P., Abalakin K. S., Mackevich I. M. Pravo na samostoyatel'nost'. Razmyshleniya o pervom opyte samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenyh stepenej vedushchimi centrami nauki i obrazovaniya i nasushchnyh zadach razvitiya sistemy nauchnoj attestacii v strane // Vysshee obrazovanie segodnya. — 2019. — № 8. — С. 2–12.
7. Solov'eva S. V. Sravnitel'nyj analiz principov upravleniya nekommercheskimi organizacijami, imeyushchimi i ne imeyushchimi chlenstvo // Zhurnal rossijskogo prava. — 2013. — С. 92–99.

Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее дискуссионных вопросов современной конституционной аксиологии — определению природы, сущности и роли ценностей. Автор последовательно раскрывает значение категории «ценность» в философском дискурсе, в общей аксиологии права и в контексте конституционного права. Категория «ценность» для конституционной аксиологии предстает как многогранный феномен, в отношении которого сегодня не существует единого понимания. В статье приводятся различные варианты решения философами права и конституционалистами этой непростой задачи — дать оптимальное определение категории «конституционная ценность». Ученые детерминируют конституционные ценности через категории «цель», «приоритет», «принцип», «идеал», «идея», «установка» и иные. На основе оценки существующих подходов автор формулирует позицию в отношении содержания конституционных ценностей и предлагает собственное определение этой базовой категории через отношение к ценностям конституционного порядка как к идеальным моделям развития человека, общества и государства, выступающим в качестве критериев, используемых при реализации и интерпретации Конституции для достижения сбалансированной конституционной защиты человека, его прав и свобод, основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов всех членов общества, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ключевые слова: конституционные ценности; конституционные принципы; конституционная аксиология; конституция; правовые ценности; аксиология права; философия права; ценности; идеалы; идеальные модели.

Для цитирования: Бурла В. М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.023-032.

The Value as a Basic Category of Domestic Constitutional Axiology

Viktoriya M. Burla, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
spiritvictory@list.ru

Abstract. The paper is devoted to one of the most debatable issues of modern constitutional axiology, namely: the definition of the nature, essence and role of values. The author consistently reveals the significance of the category “value” in a philosophical discourse, in general axiology of law, and in the context of constitutional law. For constitutional axiology, the category of “value” appears as a multifaceted phenomenon, for which there is no common understanding today. The paper provides for different ways of solving this difficult task by philosophers

---

© Бурла В. М., 2021

* Бурла Виктория Михайловна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
spiritvictory@list.ru

of law and constitutionalists, i.e. to give an optimal definition of the category “a constitutional value”. Scholars determinate constitutional values through the categories of “purpose”, “priority”, “principle”, “ideal”, “idea”, “goal”, etc. On the basis of an assessment of existing approaches, the author defines her standing concerning the content of constitutional values and proposes her own definition of this basic category based on the attitude to values of the constitutional order as ideal models of the human, social and state development, acting as criterion used in the implementation and interpretation of the Constitution to achieve balanced constitutional protection of the human being, his rights and freedoms, the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and legitimate interests of all members of the society, as well as defence of the country and security of the State.

Keywords: constitutional values; constitutional principles; constitutional axiology; constitution; legal values; axiology of law; philosophy of law; values; ideals; perfect models.

Cite as: Burla VM. Tsennost kak bazovaya kategoriya otechestvennoy konstitutsionnoy aksiologii [The Value as a Basic Category of Domestic Constitutional Axiology]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):23-32. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.023-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Конституционная аксиология выступает в качестве актуальной и относительно самостоятельной части аксиологии права — научного направления, связанного с пониманием и применением ценностного смысла права и целеполагания правовой деятельности на определенных ценностных установках. По словам С. С. Алексеева, аксиология права, или теория правовых ценностей, представляет собой новую «духовно-интеллектуальную форму освещения права»¹.

Важное комплексное значение — нравственное, научное, практическое — обретает аксиологическое изучение конституционного права. Ценностно-ориентированный подход позволяет выкристаллизовать духовно-культурные аспекты государства и права, артикулировать содержащиеся в конституционном праве идеалы. Вне аксиологии невозможно полноценно и всеобъемлюще уяснить предназначение Конституции, понять ее природу и высокую роль для всех сфер общественной жизни. Возможно, именно поэтому, по мнению одного из ведущих исследователей аксиологии права В. И. Крусс, говорить сегодня следует прежде всего об актуальности и о практическом значении науки конституционной аксиологии, а не об аксиологии права в широком смысле.

Базовой категорией конституционной аксиологии, как и аксиологии права в целом, является

категория «ценность», глубинными корнями уходящая в основание европейского правосознания. Использование понятия «ценность» в специальном, аксиологическом смысле восходит к Канту, в трактовке которого ценности — это то, что имеет значение, значимость в нравственном мире должностования и свободы. Априорный мир должного противопоставляется Кантом миру эмпирических явлений («бытию»), где царят причинно-следственные связи и необходимость.

Кантовский подход получил развитие в правовой науке, где противостояние «ценность vs. бытие» порой обретало форму противопоставления аксиологии права ортодоксальному нормативизму (легизму), что нередко приводило к полному взаимному исключению этих направлений. Об этой тенденции прямо говорит В. И. Крусс: «Осмысление природы (сущности) феноменов, <...> имеющих принципиальное значение для практики индивидуальной самореализации — а именно к числу таковых и относится право, — неизбежно выводит субъекта познания за рамки методологии ортодоксального позитивизма (“воспитанного” вульгарным утилитаризмом и политической экономией), а значит — предполагает наличие аксиологической составляющей»².

На наш взгляд, аксиология и нормативизм в исследовании правовых феноменов не ис-

¹ Алексеев С. С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М.: Норма-Инфа-М, 1998. С. 461.

² Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 1.

ключают друг друга всецело, однако вопрос их соотношения сложен и многоаспектен. Еще Н. Неновски было отмечено, что ценности, признаваемые государством, юридически закрепляются посредством правовых норм, а «преимущественной правовой формой, в которой выражаются <...> ценности, являются юридические права и свободы личности»³.

Важно заметить, что для отечественной науки конституционного права доминирующим остается взгляд на конституционные ценности как на явления, выражаемые и закрепляемые посредством конституционных норм наиболее общего, абстрактного характера, таких как, например, нормы-принципы, нормы-цели, нормы-определения и др., то есть посредством конституционных норм общерегулятивного характера, обладающих, по словам Н. А. Михалёвой, «концептуальным содержанием»⁴.

Другая позиция в этой парадигме состоит в восприятии соотношения конституционных ценностей и конституционных норм как содержания и формы: «конституционные ценности воплощаются в определенных нормах Конституции»⁵.

В конституционной аксиологии встречаются и более радикальные точки зрения на соотношение конституционных ценностей и конституционных норм вплоть до отождествления природы этих категорий⁶. Последнее, как и полное противопоставление норм и ценностей, является максимализмом при попытке исследовать и определить конституционные ценности.

Однако подход к ценности как к норме (в том числе как в форме выражения) — не единственный; в юриспруденции существуют самые разнообразные взгляды на природу ценностей, философы и теоретики права, конституционалисты предпринимают попытки дать наиболее

точное и всеобъемлющее определение данной категории — основополагающей для ценностного исследования права, базовой для конституционной аксиологии и столь эфемерной. В этой связи первичной задачей для уяснения места, роли и природы ценностей в конституционной аксиологии становится исследование категорий «правовые ценности» и «ценности в праве».

В данном дискурсе важно также иметь в виду, что и право само по себе является ценностью, и в этом контексте следует обратиться к философским началам категории «право», под которым понимается совокупность этических общественных ценностей (справедливость, порядок, нравственность, правдивость, верность, надежность и т. д.), первоначально покоившихся на идее равенства⁷. В Современном философском словаре указано, что право есть общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженной в системе формально определенных и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных норм (правил) поведения и деятельности социальных субъектов⁸. Иными словами, через призму философской оценки право выступает одновременно мерилом ценного и выразителем ценностей.

Если рассматривать право в качестве социокультурного феномена, его возможно определить как общественную деятельность по созданию формы для того содержания, которое несет в себе общество, заметив, что право аккумулирует идеологическую основу общества, выражает необходимые обществу ориентиры и духовные позиции. В этом заключается ценностное значение права как результата деятельности людей. При этом имеет место своего рода аксиологический дуализм права, выражающийся в том, что право выступает языком коммуникации

³ Неновски Н. Право и ценности / вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. С. 7.

⁴ Михалёва Н. А. Социалистическая конституция (проблемы теории). М., 1981. С. 140.

⁵ Пермиловский М. С. Конституционная ценность как основа судебного усмотрения // Российский судья. 2016. № 3. С. 9.

⁶ См., например: Суханова А. А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. 2015. № 23 (378). С. 54.

⁷ Философский энциклопедический словарь. М., 2001. С. 357.

⁸ Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. Изд. 3-е. М., 2004. С. 539.

между идеальными ценностями, стремлениями, целями общества (самоценность права), и формой их воплощения в нормах (аккумуляция ценностей правом): право формулирует ценности, интегрирует их в общественное сознание. Последнее есть не что иное, как ценности в праве, под которыми понимаются те ценности, которые правом интегрированы⁹.

Итак, ценности в праве олицетворены именно правом, изначально они не суть правовые, но в результате инкорпорации в право становятся таковыми. В этом смысле и сами нормы права имеют ценностный элемент, являясь частным случаем оценки государством (позитивирующим субъектом) поведения человека и общественных отношений. Вот почему, как мы писали выше, ценности и нормы не могут быть совершенно противопоставлены.

Для аксиологии права классической является категория «правовые ценности», под которыми можно понимать такие значимые положительно определенные свойства предметов, явлений, институтов, которые обреты, обоснованы, исторически подтверждены и логически доказаны с помощью правовых средств и присутствуют, воспроизводятся в сфере права¹⁰. К числу правовых ценностей относится совокупность естественных прав человека, которые, по существу, имеют общесоциальный смысл и наполнение нравственным, гуманистическим содержанием, но которые одновременно становятся нормами-принципами, нормами-моделями для законодателя. Кроме того, близкими по природе правовым ценностям являются общеправовые принципы, что особенно ярко проявляется в конституционной аксиологии, о чем мы скажем ниже.

Правовые ценности находят воплощение в нескольких аспектах. Во-первых, они предстают ориентиром для правотворчества, и здесь особая роль принадлежит конституционным принципам организации правовой системы.

Во-вторых, правовые ценности реализуются в правоприменении. Наконец, правовые ценности обретают раскрытие в научной правовой доктрине.

В отечественной правовой науке существуют и весьма оригинальные взгляды на проблему соотношения ценностей и права. Так, В. П. Малахов утверждает, что в сфере права ценностей не существует, что мир ценностей и мир права несовместимы: ценности сугубо субъективны, а право объективно, потому оно неизбежно разрывает свою связь с ценностями. «К самому праву ценности отношения не имеют, оставаясь где-то далеко за его рамками (например, в сфере морали, философии, религии), поскольку абстрактно-идеальный и абсолютно-духовный характер ценностей в мире права реализован быть не может»¹¹.

Тем не менее ключевым остается понимание права как ценности и стремление к ценностному наполнению права, хотя сущность правовых ценностей различными представителями юридической науки объясняется неодинаково. Разнообразие подходов к природе правовых ценностей наиболее четко прослеживается именно в конституционной аксиологии.

Конституционная аксиология как новейшее направление общей аксиологии права, предметом изучения которого являются конституционные ценности, наиболее остро наталкивается на проблематику, связанную с идентификацией категории «ценность», с четким ее именовани-ем и определением сущности, роли и самого понятия конституционных ценностей.

Конституционную аксиологию как форму научного отношения к модели и практике реального конституционализма отличает прежде всего исключительный статус ее источника — Конституции, осмысление и реализация которой предполагают и ценностную интерпретацию. Конституционная аксиология, таким образом, тесно связана с такими понятиями, как содер-

⁹ Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2006. № 1. С. 174.

¹⁰ Философия для юристов : учебник для бакалавриата / под ред. О. Ю. Рыбакова, В. И. Пржиленского. М. : Норма: Инфра-М, 2019. С. 253.

¹¹ Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013. С. 9.

жание, сущность и толкование Конституции, которая, в свою очередь, объединяет в себе и возводит на высший нормативно-правовой уровень основные направления и результаты демократического развития общества и государства в их ценностном проявлении, определяет механизмы нормативной интеграции получающих высшее правовое признание демократических ценностей в политическую, экономическую, социально-культурную жизнь общества, его социальных групп, территориальных общностей и отдельных граждан.

Серьезным импульсом к развитию конституционной аксиологии в современной России стала Конституция 1993 г., закрепившая понятие ценности на высшем формально-юридическом уровне. Регламентированные в Конституции Российской Федерации идеи высшей ценности человека, его прав и свобод, а также находящая отражение ценностная основа правового, социального государства, религиозного, идеологического, политического плюрализма, «оформляют и опосредуют вечные человеческие ценности — Свободу, Справедливость, Равенство»¹².

Как утверждает В. И. Крусс, «для того, чтобы неизбежные противоречия ценностных предпочтений могли быть корректно дезавуированы реализацией какой-либо модели компромисса и консенсуса, правовые ценности должны быть помещены в одно аксиологическое поле и — одновременно — общенормативное пространство должного; такое пространство и такая ценностная однородность задаются и формируются исключительно на конституционном уровне»¹³. Ученый обращает внимание на особую значимость конституционной преамбулы, в которой утверждены ценности, «без композиционно-целостного восприятия которых нельзя уяснить содержание и ценностное значение основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, иных жизненных благ и возможностей, упомянутых в Конституции»¹⁴.

Итак, такие морально-правовые категории, как свобода, равенство, справедливость, могут быть наполнены только конституционно. Именно Конституция как исключительный по статусу и значению источник позволяет «напитать» приведенные категории объективным содержанием.

Но определить конституционные ценности через простое перечисление элементов, наполняющих эту категорию, невозможно. Как видо-вое понятие по отношению к категории «правовые ценности» конституционные ценности также должны быть определены через иные категории — родовые понятия, и здесь недостаточно назвать конституционные ценности видом правовых ценностей.

В современной юридической литературе представлена широкая палитра дефиниций данной категории. Поскольку в аксиологическом измерении порой нечетко прослеживается граница между категориями «ценность», «идеал», «идея», «приоритет», «принцип», «цель», авторы также по-разному используют данные категории в качестве родовых при определении конституционных ценностей, что затрудняет формирование единообразного понимания природы конституционных ценностей, усложняет их систематизацию и обуславливает масштаб дискурса в этом направлении.

Единодушие представителей научного сообщества к определению природы конституционно-правовых ценностей проявляется, пожалуй, только в отношении Конституции как их базовому источнику. При этом речь не только о прямых предписаниях Основного Закона, то есть конституционных нормах; во многом ценностное значение тех или иных феноменов проистекает из духа Конституции.

Н. С. Бондарь заметил эту многосложность конституционных ценностей, указав три блока тех явлений, которые обладают значением конституционных ценностей:

¹² Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 3.

¹³ Крусс В. И. Указ. соч. С. 12.

¹⁴ Крусс В. И. Указ. соч. С. 8.

- 1) сама Конституция как политико-правовой документ, задающий основные императивы правопорядка и государственной организации общества;
- 2) конкретные ценности, получающие прямое закрепление в конституционных нормах и принципах;
- 3) ценности, не названные в тексте Конституции, но имплицитно в нем присутствующие и «сгенерированные» Конституционным Судом РФ (в качестве примеров автор приводит правовую определенность, стабильность условий хозяйствования, баланс публичных и частных интересов)¹⁵.

Многие авторы при определении конституционных ценностей оперируют категорией «принципы». Например, И. А. Карасева понимает конституционные ценности как основополагающие правовые принципы, определяющие приоритеты развития и защиты общественных отношений в различных сферах жизни, закрепленные в Конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования¹⁶. Также и по мнению Г. Б. Ройзмана, конституционные ценности получают «свое отражение через систему конституционных принципов»¹⁷.

Однако, как отмечает Н. С. Бондарь, говоря о конкретных (эксплицитных) ценностях, их воплощение обеспечивается посредством как принципов, так и в первую очередь норм. Некоторые авторы также подчеркивают нормативную природу конституционных ценностей, утверждая, что они суть сложная конструкция, возникающая как результат реализации аксиологической функции Конституции, в процессе которой происходит своеобразный «отбор устойчивых социальных ценностей-идеалов с

их последующим закреплением в виде норм-принципов, норм-целей, норм-задач»¹⁸. И здесь мы возвращаемся к классическому взгляду на ценности как на содержание, воплощенное в правовых нормах, в данном случае в нормах конституционного права.

Существуют альтернативные точки зрения и на этот счет. Так, Е. И. Клочко отмечает, что конституционные ценности по своей правовой природе отличаются от конституционных принципов и конституционных норм ввиду отсутствия у них признаков нормативности, общеобязательности и равной юридической силы по отношению друг к другу¹⁹. Таким образом, автор четко дифференцирует категорию «ценность» от категорий «принципы» и «нормы».

В свою очередь, принимая во внимание градацию Н. С. Бондаря, полагаем возможным согласиться с тем, что конституционные ценности могут включать конституционные нормы наиболее общего характера, а также нормы-принципы, когда речь идет об эксплицитно выраженных ценностях, прямо закрепленных в тексте Конституции. Однако, если иметь в виду ценности имплицитного (скрытого в духе Конституции) характера, отождествлять их исключительно с общими конституционными нормами и нормами-принципами полагаем не совсем корректным. Безусловно, невозможно отрицать, что нормы Конституции обладают ценностным значением, но поскольку и сама Конституция — ценность, имплицитные ценности, генерируемые в результате конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обладают особой природой. Конституционные ценности, которые рождаются в результате деятельности Конституционного Суда, формулиру-

¹⁵ Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013. С. 27.

¹⁶ Карасёва И. А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 10.

¹⁷ Ройзман Г. Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 31. 2012. № 1 (255). С. 24.

¹⁸ Каштанова Е. А. К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категориях // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 151.

¹⁹ Клочко Е. И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : РУДН, 2018. С. 7.

ются как результат анализа конституционных норм и принципов и поиска баланса интересов, прав и целей различных субъектов через призму верховенства Конституции. Такие ценности формируются в результате творческого правоприменительного акта органа конституционного контроля в каждом конкретном случае, потому имплицитные ценности, рождающиеся из сплетения буквы и духа Конституции, а также судебного взвешивания, являются неисчерпаемыми, поскольку варианты ценностного наполнения тех или иных норм Конституции неочевидны.

И здесь следует согласиться с Е. И. Клочко, по мнению которой конституционные ценности могут обладать своего рода актуальностью. По мнению автора, конституционные ценности можно рассматривать как положительно значимые для общества в определенный исторический период его развития конституционно-правовые идеи, содержащиеся в положениях Конституции и выявляемые органами конституционного судебного контроля в их правоприменительной практике²⁰. С. П. Маврин под конституционными ценностями также понимает идеи, «получившие конституционно-правовую фиксацию и обладающие качествами полезности, важности, значимости и в целом благотворности, как правило, для всех субъектов общественных отношений, которые подпадают под действие Конституции либо для какой-то одной или нескольких категорий этих субъектов в определенных случаях»²¹.

Некоторые ученые пробуют определить конституционные ценности сразу через несколько категорий, например как совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности

судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости²². В этом подходе к определению конституционной ценности фигурирует триединая отправная точка — «принцип, цель, установка» и достигаемый результат — «оптимальность, баланс, справедливость».

И здесь мы подходим к важнейшему, на наш взгляд, выводу: определение конституционной ценности следует давать не только через более общее (родовое) понятие, но и через критерии, соблюдение которых позволяет говорить о наличии как результата конституционно значимого ценностного наполнения того или иного феномена. Иными словами, поскольку конституционные ценности есть «категория действующего права»²³, их сущность и роль в полной мере могут быть реализованы только в динамике, когда те или иные «идеи», «идеалы», «принципы», «приоритеты» производят социально и юридически значимый эффект, когда достигается цель их воплощения, имеющая как результат положительное значение для тех или иных субъектов. В противном случае явление, даже определенное в качестве конституционной ценности через иную, более или менее точную категорию, оставаясь без потенции, не воплощая реальную пользу для субъекта (человека, общества, государства), объективно не станет ценностью, поскольку не будет обладать важностью, положительным значением, самой природой ценности, являющейся в философском смысле не свойством (атрибутом), а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта²⁴.

В. В. Комарова отмечает, что конституционные ценности (ценности в Конституции России) представляют собой «предельно обобщенные,

²⁰ Клочко Е. И. Указ. соч. С. 7.

²¹ Маврин С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 10.

²² Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 12.

²³ Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1–11.

²⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 507.

выступающие в качестве целей развития общества и государства приоритеты, которые наполняются конкретным содержанием в текущем законодательстве»²⁵. Автор говорит о ценностях, закрепленных в Конституции, как о критерии сбалансированности различных интересов и ориентире для правового закрепления целей и задач, стоящих перед государством. Профессор Комарова также подчеркивает, что ценности обуславливают возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия²⁶. И здесь также отмечена роль конституционных ценностей как вектора развития общества, как элемента реального механизма правового государства, как категории действующего права.

Действительно, определяя конституционные ценности как цели и приоритеты, принципы и

идеалы, идеи и установки, важно держать фокус на их телеологическом смысле, на практическом значении в качестве критерия поиска и достижения баланса интересов, критерия нравственного, должного и справедливого.

В этом контексте, соглашаясь с В. В. Комаровой, полагаем возможным заключить, что конституционные ценности суть идеальные модели развития человека, общества и государства, выступающие в качестве критериев, используемых при реализации и интерпретации Конституции для достижения сбалансированной конституционной защиты человека, его прав и свобод, основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов всех членов общества, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. — М. : Норма-Инфа-М, 1998. — 618 с.
2. *Бондарь Н. С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — М., 2013. — С. 15–16.
3. *Бондарь Н. С.* Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 6 (12). — С. 1–11.
4. *Каштанова Е. А.* К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категориях // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 1. — С. 148–152.
5. *Ереклинцева Е. В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010. — 26 с.
6. *Карасёва И. А.* Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 7. — С. 9–13.
7. *Клочко Е. И.* Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М. : РУДН, 2018. — 15 с.
8. *Комарова В. В.* Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. — 2015. — № 1-8. — С. 1385–1387.
9. *Комарова В. В.* Демократия в системе конституционных ценностей // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении : материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24–27 сентября 2015 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. — Самара : Самарский университет, 2016. — С. 99–103.
10. *Крусс В. И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 2. — С. 7–14.

²⁵ *Комарова В. В.* Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1385.

²⁶ *Комарова В. В.* Указ. соч. С. 1385.

11. *Маврин С. П.* Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 3. — С. 1–13.
12. *Малахов В. П.* Мифы современной общеправовой теории. — М., 2013. — 152 с.
13. *Михалёва Н. А.* Социалистическая конституция (проблемы теории). — М., 1981. — 152 с.
14. *Мишина И. Д.* Нравственные ценности в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 27 с.
15. *Неновски Н.* Право и ценности / вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. — М. : Прогресс, 1987. — 248 с.
16. *Пермиловский М. С.* Конституционная ценность как основа судебного усмотрения // Российский судья. — 2016. — № 3. — С. 9–13.
17. *Рашиева Н. Ю., Гомонов Н. Д.* Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. — 2006. — № 1. — С. 172–181.
18. *Ройзман Г. Б.* Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. Право. — Вып. 31. — 2012. — № 1 (255). — С. 18–24.
19. *Суханова А. А.* Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. — 2015. — № 23 (378). — С. 53–57.
20. *Философия для юристов : учебник для бакалавриата / под ред. О. Ю. Рыбакова, В. И. Пржиленского.* — М. : Норма: Инфра-М, 2019. — 368 с.

Материал поступил в редакцию 28 мая 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Alekseev S. S.* Pravo: azbuka, teoriya, filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. — M. : Norma-Infa-M, 1998. — 618 s.
2. *Bondar' N. S.* Aksiologiya sudebnogo konstitucionalizma: konstitucionnye cennosti v teorii i praktike konstitucionnogo pravosudiya. — M., 2013. — S. 15–16.
3. *Bondar' N. S.* Konstitucionnye cennosti — kategoriya dejstvuyushchego prava (v kontekste praktiki Konstitucionnogo Suda Rossii) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. — 2009. — № 1 (12). — S. 1–11.
4. *Kashtanova E. A.* K voprosu o konstitucionnyh cennostyah kak aksiologicheskoy i yuridicheskoy kategoriyah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2012. — № 1. — S. 148–152.
5. *Ereklinceva E. V.* Suverenitet i demokratiya kak konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2010. — 26 s.
6. *Karasyova I. A.* Zloupotreblenie pravom kak odna iz prichin mnimoy konkurencii konstitucionnyh cennostej // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2013. — № 7. — S. 9–13.
7. *Klochko E. I.* Konstitucionnye cennosti v doktrine konstitucionnogo prava i praktike organov konstitucionnoj yusticii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M. : RUDN, 2018. — 15 s.
8. *Komarova V. V.* Napolnenie i vidovoe mnogoobrazie pravovoj kategorii «konstitucionnye cennosti» (konstitucionno-pravovoj aspekt) // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. — 2015. — № 1-8. — S. 1385–1387.
9. *Komarova V. V.* Demokratiya v sisteme konstitucionnyh cennostej // Demokraticheskie cennosti v mezhdunarodnom i nacional'nom konstitucionnom izmerenii : materialy i doklady XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Samara, 24–27 sentyabrya 2015 g.) / pod red. V. V. Polyanskogo, V. E. Volkova. — Samara : Samarskij universitet, 2016. — S. 99–103.
10. *Kruss V. I.* Rossijskaya konstitucionnaya aksiologiya: aktual'nost' i perspektivy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2007. — № 2. — S. 7–14.

11. Mavrin S. P. Konstitucionnye cennosti i ih rol' v rossijskoj pravovoj sisteme // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. — 2012. — № 3. — S. 1–13.
12. Malahov V. P. Mify sovremennoj obshchepravovoj teorii. — M., 2013. — 152 s.
13. Mihalyova N. A. Socialisticheskaya konstituciya (problemy teorii). — M., 1981. — 152 s.
14. Mishina I. D. Nravstvennye cennosti v prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1999. — 27 s.
15. Nenovski N. Pravo i cennosti / vstup. st. i per. V. M. Safronova ; pod red. V. D. Zor'kina. — M. : Progress, 1987. — 248 s.
16. Permilovskij M. S. Konstitucionnaya cennost' kak osnova sudejskogo usmotreniya // Rossijskij sud'ya. — 2016. — № 3. — S. 9–13.
17. Rasheva N. Yu., Gomonov N. D. Cennost' prava v kontekste sistemy cennostej sovremennogo rossijskogo obshchestva // Vestnik MGTU. — 2006. — № 1. — S. 172–181.
18. Rojzman G. B. Ponyatie i yuridicheskaya priroda konstitucionnyh cennostej // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — Vyp. 31. — 2012. — № 1 (255). — S. 18–24.
19. Suhanova A. A. Konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii: ierarhiya i konkurenciya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2015. — № 21 (378). — S. 53–57.
20. Filosofiya dlya yuristov : uchebnik dlya bakalavriata / pod red. O. Yu. Rybakova, V. I. Przhilenskogo. — M. : Norma: Infra-M, 2019. — 368 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.033-038

Н. А. Нобель*

Проблемы, возникающие у судей судов общей юрисдикции при подготовке к рассмотрению дел об административных правонарушениях

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, возникающие у судей судов общей юрисдикции в процессе подготовки к рассмотрению дел об административных правонарушениях. Выделяется содержательная и формальная стороны процессуальной деятельности судьи суда общей юрисдикции на этом этапе. Действующий Кодекс РФ об административных правонарушениях, в отличие от иных процессуальных кодексов, осуществляет фрагментарное нормативное правовое регулирование данного вопроса. КоАП РФ не содержит положений о возможности обжалования (опротестования) определения судьи о передаче по подсудности дела об административном правонарушении. Автором на основе конституционных положений, практики Конституционного Суда РФ аргументируется позиция о том, что определения о передаче по подведомственности (подсудности) дел об административных правонарушениях подлежат самостоятельному обжалованию (опротестованию). Предлагается дополнить ст. 29.4 КоАП РФ положениями, предоставляющими возможность заинтересованным лицам обжаловать (опротестовывать) определения о передаче по подведомственности (подсудности) дел об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административный процесс; стадии производства по делам об административных правонарушениях; административная ответственность; административное правонарушение; подведомственность (подсудность); производство по делам об административных правонарушениях; подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении; передача дела об административном правонарушении на рассмотрение по подведомственности (подсудности); определение о передаче дела об административном правонарушении по подведомственности (подсудности); обжалование определения о передаче дела об административном правонарушении по подведомственности (подсудности); срок обжалования определения о передаче дела об административном правонарушении по подведомственности (подсудности).

Для цитирования: Нобель Н. А. Проблемы, возникающие у судей судов общей юрисдикции при подготовке к рассмотрению дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 33–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.033-038.

© Нобель Н. А., 2021

* Нобель Наталья Александровна, федеральный судья Октябрьского районного суда г. Кирова
Московская ул., д. 70, г. Киров, Россия, 610046
tatanobel@gmail.com

Problems Encountered by Judges of the Courts of General Jurisdiction in Preparing for the Examination of Administrative Offenses

Natalia A. Nobel, Federal Judge of the Oktyabrskiy District Court, Kirov
ul. Moskovskaya, d. 70, Kirov, Russia, 610046
tatanobel@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the issues raised by judges of courts of general jurisdiction in the process of preparation for the consideration of administrative offenses. The author highlights the substantive and formal side of the procedural activity of the judge of the court of general jurisdiction at this stage. The current Code of the Russian Federation on Administrative Offences, unlike other procedural codes, carries out fragmentary legal regulation of this issue. The Code on Administrative Offences of the Russian Federation does not contain provisions on the possibility of appealing against (challenging of) the judge's determination concerning referral of an administrative offense case to proper jurisdiction. The author, on the basis of constitutional provisions, jurisprudence of the Constitutional Court of the Russian Federation, argues the stance that determinations on the transfer of administrative cases to proper jurisdiction are subject to an independent appeal (challenge). It is proposed to supplement Art. 29.4 of the Administrative Code of the Russian Federation with provisions stipulating an opportunity for interested persons to appeal (to challenge) the determinations concerning referral of administrative offenses to proper jurisdiction.

Keywords: administrative process; stages of proceedings in administrative offenses; administrative liability; administrative offense; jurisdiction; proceedings in cases of administrative offenses; preparation for consideration of the case of administrative offense; transfer of administrative offense for consideration under jurisdiction; determination on transfer of the administrative offense under jurisdiction; appeal against the decision on transfer of an administrative offense under jurisdiction; term of appeal against the decision on the transfer of an administrative offense under jurisdiction.

Cite as: Nobel NA. Problemy, vznikayushchie u sudov sudov obshchey yurisdiksi pri podgotovke k rassmotreniyu del ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Problems Encountered by Judges of the Courts of General Jurisdiction in Preparing for the Examination of Administrative Offenses]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):33-38. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.033-038. (In Russ., abstract in Eng.).

Рассмотрению дел об административных правонарушениях посвящена глава 29 КоАП РФ. Вместе с тем данный кодифицированный акт не содержит специальной главы, посвященной подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении, что характерно для иных процессуальных кодексов Российской Федерации¹.

Для действующего КоАП РФ характерна лаконичность и упрощенность регулирования подготовки к рассмотрению дела об админи-

стративном правонарушении, включающего всего пять статей гл. 29 КоАП РФ (ст. 29.1–29.5 КоАП РФ), которые регламентируют данный этап в рамках единой процессуальной модели как для судебных, так и для несудебных органов.

Статья 29.1 КоАП РФ определяет перечень вопросов, которые судья разрешает при получении материалов дела об административном правонарушении на рассмотрение, устанавливая для этого определенный алгоритм его действий². Данная норма права напрямую связана

¹ Так, в гл. 14 Гражданского процессуального кодекса РФ («Подготовка дела к судебному разбирательству»), гл. 13 Кодекса административного судопроизводства РФ («Подготовка административного дела к судебному разбирательству»), гл. 33 Уголовно-процессуального кодекса РФ («Общий порядок подготовки к судебному заседанию») содержатся положения, определяющие четкую систему действий, которые необходимо осуществить судье в порядке подготовки по поступившему делу, сроки их осуществления, задачи данного этапа производства, суть и содержание выносимых процессуальных актов.

со ст. 29.4 КоАП РФ, конкретизирующей виды процессуальных решений, принимаемых по итогам этапа подготовки дела к рассмотрению. Таким образом, статья 29.1 представляет собой содержание подготовки дела к рассмотрению, а статья 29.4 регламентирует форму фиксации судьей правовых выводов, осуществленных на данном этапе. Одним из возможных решений, принимаемых судьей при получении на рассмотрение дела об административном правонарушении, является вынесение определения о передаче протокола об административном правонарушении по подведомственности, поскольку дело не относится к компетенции судьи.

Учитывая значительное число несудебных органов и судебных инстанций, уполномоченных на рассмотрение административно-правовых споров, остановимся на проблеме направления дела об административном правонарушении по подведомственности.

Правильное определение субъекта, уполномоченного рассмотреть дело об административном правонарушении, не только находится в прямой корреляции со ст. 47 Конституции РФ, но и является ключевым в оперативном рассмотрении дела, учитывая установленные законом сроки давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 «Давность привлечения к административной ответственности» КоАП РФ).

КоАП РФ не регламентирует возможность передачи дела по подсудности в случае, если су-

дья придет к выводу о невозможности рассмотрения им дела по существу и необходимости его передачи в связи с этим в другой суд. Сам термин «подсудность» используется в данном кодифицированном акте лишь единожды³. Указанное отличает КоАП РФ от иных процессуальных кодексов, поскольку в них термин «подсудность» широко применяется (ст. 23–32 ГПК РФ, ст. 30–34 УПК РФ, ст. 17.1–27 КАС РФ).

Однако полагаем, что, передавая дело об административном правонарушении на рассмотрение в другой суд и следуя формулировкам, закрепленным в п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, судья направляет дело именно по мотивам соблюдения подсудности. При этом он исходит не только из системного толкования закона, но и из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, оперирующих именно данным понятием⁴.

КоАП РФ не содержит положений о том, подлежит ли обжалованию (опротестованию) данное определение судьи, которое является промежуточным и не разрешает публично-правовой спор по существу. При этом в КоАП РФ отсутствует понятие «частная жалоба», характерное, например, для КАС РФ и ГПК РФ.

В связи с этим среди судей⁵ неоднократно поднимался вопрос о том, подлежит ли обжалованию (опротестованию) определение о направлении протокола об административном правонарушении по подведомственности (подсудности), а также вопросы о том, в какие сроки дело подлежит направлению в компетентный

² Законом предусмотрена обязанность судьи (органа, должностного лица) выяснить, относится ли к их компетенции рассмотрение данного дела; нет ли обстоятельств, исключающих возможность рассмотрения ими данного дела; правильно ли составлены протокол об административном правонарушении (другие протоколы), верно ли оформлены иные материалы дела и достаточно ли их для его рассмотрения по существу; имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу, а также ходатайства и отводы.

³ Часть 2 ст. 1.3 КоАП РФ содержит положение о том, что КоАП РФ определяет подсудность дел об административных правонарушениях судам при разграничении предметов ведения РФ и ее субъектов.

⁴ Пунктами 3, 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснены правила территориальной подсудности рассмотрения дел об административных правонарушениях и жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях.

⁵ Согласно проведенному автором анкетированию среди судей Октябрьского районного суда г. Кирова, половина опрошенных считает необходимым направлять дело об административном правонарушении для рассмотрения в другой суд по истечении 10 суток с момента вынесения определения о передаче дела по подведомственности.

суд при вынесении судьей такого определения; необходимо ли предоставление участникам производства по делу об административном правонарушении десятисуточного срока для его обжалования либо можно направлять протокол и иные материалы дела сразу же после вынесения судьей определения.

Обжалование решений процессуального характера предусмотрено КоАП РФ лишь в нескольких случаях⁶. Речь идет о решениях, связанных с установлением залога (ч. 8 ст. 27.18); арестом имущества (ч. 8 ст. 27.20); отказами в возбуждении дела (ч. 4 ст. 30.1) и в восстановлении срока на оплату административного штрафа (ч. 1.3 ст. 32.2)⁷.

Вместе с тем в соответствии с принципом обжалования действий и решений, принимаемых юрисдикционными органами и их должностными лицами, судьями в ходе производства по делу об административном правонарушении, недопустимо создавать препятствия дальнейшему движению дела, а значит, и доступу заинтересованных лиц к правосудию. Таким образом, если закон прямо не предусматривает возмож-

ности обжалования (опротестования) промежуточного судебного акта, такое возможно, если иначе лицо лишается возможности получения судебной защиты права, которое полагает нарушенным⁸.

Анализ судебной практики свидетельствует о неоднозначном подходе к решению данного вопроса.

Так, ряд судей руководствуются положением о невозможности обжалования (опротестования) заинтересованными лицами определений о передаче дел об административных правонарушениях по подсудности. Так, определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2020 по делу № 16-941/2020 прекращено производство по жалобе на определение судьи Кировского районного суда г. Хабаровска от 21.10.2019 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 19.20 КоАП РФ, в отношении ФКУЗ «М.» о передаче на рассмотрение дела об административном правонарушении по подведомственности ввиду отсутствия права обжалования данного судебного акта. По аналогичным осно-

⁶ Обращает на себя внимание положение о том, что КоАП РФ предусматривает исключительно процедуру обжалования указанных определений, не регламентируя возможность их опротестования прокурором.

⁷ Кроме того, из руководящих разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 следует, что, хотя КоАП РФ не предусматривает возможности обжалования определения об отклонении ходатайства о восстановлении срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении, это определение исходя из общих принципов осуществления правосудия может быть обжаловано, поскольку оно исключает возможность дальнейшего движения дела об административном правонарушении, что влечет нарушение права лица, привлеченного к административной ответственности, на защиту (п. 31). Возможно также обжалование потерпевшим и лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, определений о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, поскольку иное исключает возможность дальнейшего движения дела об административном правонарушении (п. 15 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2007 года, утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27.02.2008 // Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁸ Часть 1 ст. 331 ГПК РФ предусматривает, что определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции отдельно от решения суда сторонами и другими лицами, участвующими в деле (частная жалоба), а прокурором может быть принесено представление в случае, если это предусмотрено ГПК РФ либо определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела. Аналогичные правила содержатся в ч. 1 ст. 202 КАС РФ. Сходные правила содержит также часть 3 ст. 389.2 УПК РФ, регламентирующая возможность обжалования судебных решений, затрагивающих права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующих дальнейшему движению дела.

ваниям постановлением заместителя председателя Верховного суда Республики Башкортостан от 26.04.2018 по делу № 4А-727/2018 оставлено без изменения определение судьи Верховного Суда Республики Башкортостан от 22.11.2017 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 5 ст. 8.28.1 КоАП РФ, в отношении индивидуального предпринимателя И., которым оставлена без рассмотрения жалоба И. на определение судьи Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 31.10.2017 о передаче протокола об административном правонарушении на рассмотрение по подведомственности мировому судье соответствующего судебного участка⁹.

Другие судьи придерживаются противоположной позиции о том, что отсутствие в КоАП РФ соответствующих норм, регламентирующих обжалование (опротестование) определений о передаче дел об административных правонарушениях по подсудности, не препятствует рассмотрению соответствующих жалоб и представлений в случае несогласия заинтересованных лиц с соответствующими судебными актами¹⁰.

Однако в последнее время судьи отказываются в рассмотрении жалоб на определения о передаче дела по подведомственности в иной суд, при этом в самих определениях не разъясняется право их обжалования¹¹. Невозможность обжалования таких определений мотивируется тем,

что данный судебный акт не может рассматриваться в качестве итогового документа по делу, содержащиеся в нем выводы не предreshают его исход, а само решение является промежуточным и его вынесение не препятствует движению дела, в рамках которого оно вынесено.

Полагаем, что указанная практика нарушает конституционный принцип, запрещающий ограничение права на рассмотрение дела судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, а также положение Основного закона, предоставляющего право судебного обжалования заинтересованными лицами соответствующих решений¹².

На важность данного положения неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в определениях по конкретным делам, отмечая, что судебное решение не может быть правильным, если оно, вопреки требованиям ч. 1 ст. 47, ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, принято неполномоченным законом судьей, это является фундаментальным нарушением, искажающим суть правосудия¹³.

Таким образом, возможный факт рассмотрения публично-правового спора ненадлежащим судьей по своей сути препятствует доступу к правосудию, исключает постановку законного решения по делу.

Кроме того, законодательно закрепленная возможность обжалования определения, кото-

⁹ Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определением судьи Московского городского суда от 18.07.2012 № 7-1373 рассмотрена по существу жалоба заявителя, несогласного с определением судьи Савеловского районного суда г. Москвы от 04.07.2012, которым дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ в отношении Б. передано на рассмотрение по подведомственности мировому судье соответствующего судебного участка. Обжалуемое определение отменено судьей вышестоящей инстанции (доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹¹ Определение Октябрьского районного суда г. Кирова от 19.10.2019 № 2-256/2019 // Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Ст. 46, 47 Конституции РФ // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 № 2-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Евдокимовой Людмилы Викторовны и Рылькова Максима Анатольевича на нарушение их конституционных прав положениями части 1 статьи 266 и пункта 2 статьи 269 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».

рым дело об административном правонарушении передается на рассмотрение в другой суд, будет, по нашему мнению, коррелировать с положениями иных процессуальных кодексов, допускающих обжалование судебных актов, которыми дело передается по подсудности.

Полагаем, что внесение в соответствующий процессуальный закон¹⁴ положений о возможности обжалования определения о передаче дела на рассмотрение другому судье (органу,

должностному лицу) будет соответствовать принципу правовой определенности и более полной реализации прав и законных интересов участников производства по делу об административном правонарушении.

В связи с этим предлагаем дополнить п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ указанием на возможность передачи дела об административном правонарушении по подсудности и обжалования (опротестования) соответствующего определения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кальницкий В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Салищева Н. Г., Якимов А. Ю. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии возбуждения дела и рассмотрения дела) // Административное право и процесс. — 2016. — № 5.
3. Шергин А. П. Административная юрисдикция. — М., 1979.
4. Щепалов С. В. О дискреционных формах процессуальных действий судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Российская юстиция. — 2017. — № 1.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kal'nickij V. V. Ponyatie i znachenie stadii naznacheniya i podgotovki sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom processe // Dostup iz informacionno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Salishcheva N. G., Yakimov A. Yu. Struktura proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah (stadii vzbuzhdeniya dela i rassmotreniya dela) // Administrativnoe pravo i process. — 2016. — № 5.
3. Shergin A. P. Administrativnaya yurisdikciya. — M., 1979.
4. Shchepalov S. V. O diskreционnyh formah processual'nyh dejstvij sudej pri rassmotrenii del ob administrativnyh pravonarusheniyah // Rossijskaya yusticiya. — 2017. — № 1.

¹⁴ Проект процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает возможность обжалования определений по делу об административном правонарушении (ст. 1.6); обязывает судью в определении указывать порядок и сроки его обжалования (ст. 8.45). Проект подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020. Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Финансовый контроль за реализацией научных проектов класса «мегасайенс»: текущее состояние и перспективы совершенствования¹

Аннотация. Статья посвящена финансовому контролю за реализацией научных проектов класса «мегасайенс». Государство в целях создания инновационной экономики продолжает развивать научные исследования и разработки, в частности создание уникальных проектов класса «мегасайенс». Финансирование таких исследований осуществляется, как правило, за счет средств бюджетов различных уровней бюджетной системы Российской Федерации, в рамках приоритетных национальных проектов или федеральных программ. Поэтому важное значение приобретает государственный финансовый контроль за эффективным и целевым использованием денежных средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В статье рассматривается современное состояние государственного финансового контроля за реализацией научных проектов класса «мегасайенс», определен перечень субъектов, обладающих полномочиями как внутреннего, так и внешнего государственного финансового контроля, выделены их отличия и характерные признаки. Проведен анализ мониторинга как одного из направлений деятельности Счетной палаты Российской Федерации, где сделан акцент на бюджетном мониторинге. Анализируются проблемы и недостатки при осуществлении государственного финансового контроля за реализацией научных проектов. Выявлены особенности современного состояния государственного финансового контроля и определены тенденции его развития и совершенствования.

Ключевые слова: бюджет; национальный проект; мониторинг; бюджетные ассигнования; отчет; контроль; внутренний контроль; внешний контроль; мегасайенс; финансирование; государственный контроль.

Для цитирования: Болтинова О. В. Финансовый контроль за реализацией научных проектов класса «мегасайенс»: текущее состояние и перспективы совершенствования // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 39–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.039-046.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15036.

© Болтинова О. В., 2021

* Болтинова Ольга Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
o.boltinova@mail.ru

Financial Control over the Implementation of the “Megascience” Class Scientific Projects: Current State and Prospects of Improvement²

Olga V. Boltinova, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
o.boltinova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to financial control exercised over the implementation of “megascience” class scientific projects. In order to create an innovative economy, the State continues to develop research and development, in particular the creation of unique projects of the “megascience” class. Funding for such studies is usually carried out from budgets of various levels of the Russian Federation’s budgetary system as part of priority national projects or federal programs. Therefore, state financial control over the effective and targeted use of funds of the budgets of the budget system of the Russian Federation gains importance. The paper discusses the current conditions of state financial control over the implementation of scientific projects of the “megascience” class, defines the list of subjects possessing the powers of both internal and external state financial control, highlights their differences and characteristics. The author carries out the analysis of monitoring as one of the activities of the Accounts Chamber of the Russian Federation, where emphasis is made on budgetary monitoring. The paper analyzes problems and shortcomings in the implementation of state financial control over the scientific projects. It also describes the features of the current state of state financial control and highlights tendencies of its development and improvement.

Keywords: budget; national project; monitoring; budget allocations; report; control; internal control; external control; megascience; financing; state control.

Cite as: Boltinova OV. Finansovyy kontrol za realizatsiyey nauchnykh proektov klassa «megasayens»: tekushchee sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya [Financial Control over the Implementation of the “Megascience” Class Scientific Projects: Current State and Prospects of Improvement]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):39-46. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.039-046 (In Russ., abstract in Eng.).

Одной из важнейших задач, стоящих перед государством, является материальное обеспечение реализации его основополагающих функций. В ходе становления и развития института государства возникли различные способы выполнения его функций, однако неизменной оставалась проблема контроля за законностью и эффективностью действий субъектов, участвующих в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований. В период мировой пандемии, сменяющихся финансовых кризисов, охватывающих мировое сообщество, особенно актуальными и своевременными являются аспекты повышения эффективности финансового контроля за расходами бюджета, в том числе контроля за

расходами бюджета на реализацию проектов класса «мегасайенс».

Современная наука, научные исследования, проекты и разработки направлены на развитие инновационной экономики. Основополагающим фактором функционирования и развития общества являются инновационные процессы. Право в целом и финансовое право в частности направлены на регулирование данного вида общественных отношений, создание инновационной экономики и достижение высокого уровня жизни граждан³.

В развитых странах, в том числе и в Российской Федерации, создаются предпосылки для формирования и развития инновационной экономики. Следует отметить, что в зарубеж-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-15036.

³ Степаненко Д. М. Инновационная функция права: понятие и основные характеристики // Евразийский юридический журнал. 2011. № 8. С. 69.

ных странах за последние годы значительно увеличены бюджетные ассигнования на научные исследования. Так, в США данные расходы были увеличены на 3,2 %. Расходы на НИОКР в Японии, Швеции, Израиле составляют 3,5–4 % от ВВП, в США — 2,7 %, а в РФ — 1 %⁴.

В современных условиях можно обозначить несколько направлений финансово-правового воздействия в целях развития инновационных процессов:

- расширение факультативных элементов налогового закона, включая налоговые льготы, налоговые вычеты, которые могут применяться при использовании и внедрении инноваций;
- предоставление денежных средств в форме субсидий на развитие научных исследований и уникальных проектов;
- получение льготных кредитов;
- совершенствование форм и методов финансового контроля за эффективным и результативным использованием бюджетных средств, выделенных на инновационную деятельность.

Правительство Российской Федерации продолжает развивать научные исследования и разработки в целях создания инновационной экономики, в частности, проводятся международные исследования:

- на уникальных научных установках класса «мегасайенс» на базе высокопоточного реактора ПИК в Международном центре нейтронных исследований;
- комплексе сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов (NICA);
- ИССИ-4 — источнике синхротронного излучения 4-го поколения;
- СКИФ — Сибирском кольцевом источнике фотонов и целый ряд других научных исследований.

Финансирование проектов класса «мегасайенс» осуществляется, как правило, за счет денежных средств, которые могут поступать из бюджетов разных уровней бюджетной системы Российской Федерации в рамках национальных проектов и федеральных целевых программ, а также внебюджетных источников. Например, предоставляются субсидии из федерального бюджета на реализацию отдельных мероприятий федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательских инфраструктур⁵. Одним из шести проектов класса «мегасайенс», которые реализуются на территории Российской Федерации в рамках национального проекта «Наука», является комплекс сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов NICA. Финансирование этого проекта предусмотрено бюджетом Объединенного института ядерных исследований и государственной программой «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы». На реализацию данного проекта было выделено 625 млрд руб. Предполагается создание в Российской Федерации 15 научно-образовательных центров мирового уровня и формирование целостной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Президент Российской Федерации подчеркивает, что для решения сложных технологических задач Россия продолжит развитие исследовательской инфраструктуры, включая объекты класса «мегасайенс»⁶. Для достижения поставленных целей приоритет имеет не только реализация проектов класса «мегасайенс», но и осуществление финансового контроля за реализацией данных проектов.

Финансовый контроль является сложной категорией финансового права, в том числе одной из функций финансов, он сопровождает

⁴ *Примаков Е.* Заботясь о русских, нельзя не учитывать интересы других народов России // Российская газета. 13.01.2011.

⁵ Постановление Правительства РФ от 30.06.2020 № 951 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию отдельных мероприятий федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательских инфраструктур на 2019–2027 годы» // СЗ РФ. 2020. № 28. Ст. 4419.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

все процессы образования, распределения и использования фондов денежных средств — как публичных, так и частных.

Финансовый контроль можно рассматривать и как функцию государственного управления, по отношению к которому контроль выступает средством, инструментом реализации политики государства. В то же время сам финансовый контроль можно определить как управленческую деятельность, имеющую свои методы, способы, формы реализации⁷.

Следует отметить, что в настоящее время принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле»⁸, который вступает в силу с 1 июля 2021 г. Однако данный Закон не применяется к отношениям, регулирующим государственный финансовый контроль и муниципальный финансовый контроль. Отсутствие единого базового закона по основам государственного (муниципального) финансового контроля вызывает множество споров как по вопросу о сущности государственного финансового контроля, так и по соотношению понятий «вид», «форма» и «метод» финансового контроля.

1. В 2013 г. были внесены изменения в гл. 26 Бюджетного кодекса РФ, направленные на его приведение в соответствие со стандартами ИНТОСАИ и закрепляющие основные начала государственного (муниципального) финансового контроля.

2. Государственный финансовый контроль направлен на реализацию финансовой политики государства и его публичных интересов.

Государственный финансовый контроль может быть как внутренним, так и внешним. Внутренний контроль на федеральном уровне

относится к компетенции Федерального казначейства РФ, внешний — прерогатива Счетной палаты РФ.

Среди субъектов, осуществляющих финансовый контроль за целевым и адресным использованием денежных средств по проектам класса «мегасайенс», ведущее место отводится Счетной палате РФ и Федеральному казначейству.

Федеральное казначейство осуществляет кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также предварительный и текущий финансовый контроль за средствами федерального бюджета.

Внутренний государственный финансовый контроль осуществляется в соответствии с федеральными стандартами, разработанными и утвержденными Правительством РФ, которые являются новеллой финансового законодательства. В федеральных стандартах внутреннего государственного финансового контроля установлены процедурные нормы осуществления государственного внутреннего финансового контроля, которые не только детализируют его основные начала, но и регулируют основные этапы его осуществления.

В настоящее время разработаны и утверждены федеральные стандарты внутреннего государственного финансового контроля, которые устанавливают:

- принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного финансового контроля, которые подразделяются на общие и принципы осуществления профессиональной деятельности⁹;
- права и обязанности должностных лиц органов данного контроля и объектов контроля при осуществлении внутреннего государственного финансового контроля¹⁰;

⁷ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит. 1976. С. 150–186.

⁸ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

⁹ Постановление Правительства РФ от 06.02.2020 № 95 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Принципы контрольной деятельности органов внутреннего государственного финансового контроля // СЗ РФ. 2020. № 5. Ст. 699.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 06.02.2020 № 100 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Права и обязанности должностных лиц органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и объектов

- основы планирования проведения проверок, ревизий и обследований¹¹;
- порядок проведения проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов¹²;
- правила досудебного обжалования решений и действий (бездействия) органов данного контроля и их должностных лиц¹³.

Кроме того, с 1 января 2021 г. вступил в силу федеральный стандарт внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, регламентирующий правила реализации результатов проверок, ревизий и обследований¹⁴.

Следует также отметить, что Федеральное казначейство утвердило Стандарты ведомственного контроля и внутреннего аудита, которые используются контрольно-аудиторскими подразделениями казначейства. Федеральное казначейство при осуществлении внутреннего финансового контроля имеет право использовать такие методы контроля, как проверки, ревизии, обследования, назначать дополнительные экспертизы, направлять проверяемым объектам представления и предписания.

В последние годы все больше усиливаются контрольные полномочия Федерального казначейства. Так, с 1 января 2021 г. вступили в силу новые главы Бюджетного кодекса Российской Федерации, посвященные правовому регули-

рованию казначейских платежей и кассовому обслуживанию. Согласно ст. 242.15 БК РФ казначейское обслуживание бюджетов разных уровней осуществляется с открытием единого счета, а также предусмотрено представление Федеральным казначейством информации по исполнению бюджетов финансовым органам.

Исполнительные органы государственной власти продолжают развивать информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет», которая предназначена для реализации принципа прозрачности (открытости) бюджета органами государственной власти и местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями.

Для контрольно-счетных органов функция государственного внешнего контроля является основной. Сущность внешнего государственного финансового контроля определяется следующими направлениями: 1) он позволяет оценить прозрачность и объективность отчетов органов исполнительной власти по исполнению бюджетов, национальных проектов и федеральных программ; 2) аналитическое заключение контрольно-счетных органов оказывает непосредственное воздействие на решения, которые по результатам рассмотрения отчетов принимают органы законодательной власти в виде федеральных законов¹⁵. Таким образом, это подчеркивает важность и необходимость наличия

внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля при осуществлении внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля» // СЗ РФ. 2020. № 7. Ст. 829.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 27.02.2020 № 208 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Планирование проверок, ревизий и обследований”» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1206.

¹² Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Проведение проверок, ревизий и обследование их результатов”» // СЗ РФ. 2020. № 34. Ст. 5462.

¹³ Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Правила досудебного обжалования решений и действий (бездействия) органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и их должностных лиц”» // СЗ РФ. 2020. № 34. Ст. 5464.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 23.07.2020 № 1095 «Об утверждении Федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля “Реализация результатов проверок, ревизий и обследований”» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 2). Ст. 5176.

¹⁵ Мешалкина Р. Е. Теоретические вопросы государственного финансового контроля // Финансы. 2003. № 12. С. 54.

органов государственного внешнего контроля, проверяющих достоверность и надежность отчетной и иной документации.

Одним из методов финансового контроля является мониторинг, который широко применяется наряду с проверками, ревизиями, обследованиями.

Мониторинг национальных проектов — одно из приоритетных направлений деятельности Счетной палаты РФ. Мониторинг национальных проектов включает в себя формирование ежемесячной и ежеквартальной отчетности. Ежеквартальная или ежемесячная отчетность предусматривает наличие достоверной и прозрачной информации о реализации национальных проектов, включая прогноз и фактические данные о выполнении задач, информации о результатах, рисках и иные показатели.

Разновидностью финансового мониторинга является бюджетный мониторинг.

В научной литературе выделяют несколько характерных черт бюджетного мониторинга:

- бюджетный мониторинг осуществляется уполномоченными государственными и муниципальными органами;
- бюджетный мониторинг тесно взаимодействует с бюджетным процессом на всех стадиях;
- бюджетный мониторинг включает в себя несколько методов осуществления, к которым можно отнести сбор данных, оценку информации и обратную связь;
- бюджетный мониторинг направлен не только на выявление бюджетных правонарушений, но и их предупреждение¹⁶.

Счетная палата РФ — это орган высшего внешнего государственного аудита, образование которого предусмотрено нормами Конституции РФ, что, пожалуй, отличает Счетную па-

лату РФ от других органов, обладающих полномочиями в сфере финансового контроля. Одной из основных задач Счетной палаты РФ является контроль за использованием средств федерального бюджета.

По информации Счетной палаты РФ проект «Наука» по итогам первых 10 месяцев 2020 г. вошел в пятерку самых эффективных проектов: его показатель составил 69,8 %. В проекте «Наука» самое высокое исполнение по развитию научной кооперации (79,4 %), самое низкое по развитию кадрового потенциала 30,6 %. В федеральном законе о бюджете на последующие годы выделены следующие суммы бюджетных ассигнований: на 2021 г. — 54 892,6 млн руб., на 2022 г. — 76 225,0 млн руб., в 2023 г. — 91 756,3 млн руб.¹⁷

Следует заметить, что подготовка национальных проектов должна осуществляться с внесением в их паспорта вклада в достижение национальных целей. Но эта норма на практике в национальных проектах не выполняется. Счетная палата в отчетных документах подчеркивает, что на практике отсутствует комплексный мониторинг реализации национальных проектов, что не дает возможности внести корректировки и устранить проблемы. Кроме того, действующими инструментами мониторинга реализации национальных проектов являются объемы средств бюджета, и планы их реализации, где отмечены также недостатки¹⁸.

Как отмечает С. С. Горохова, в большинстве национальных проектов результаты планируются лишь на IV квартал, что практически делает невозможным финансовый контроль на протяжении бюджетного года. Выявлен целый ряд недостатков, а именно:

- наличие малого объема исполнения расходов, в том числе их неиспользования;
- нарушены сроки;

¹⁶ Прошунин М. М. К вопросу о правовой сущности бюджетного мониторинга // Финансовое право. 2020. № 4.

¹⁷ Исполнение расходов бюджета на нацпроекты за 10 месяцев составило 70 % — Счетная палата // URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/ispolnenie-raskhodov-byudzheta-na-nacproekty-za-10-mesyacev-sostavilo-70percent-schetnaya-palata-1029784836> (дата обращения: 15.11.2020).

¹⁸ Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь — сентябрь 2019 // URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-3/index.html> (дата обращения: 31.03.2020).

- существует большой объем заявок, которые предусматривают внесение изменений в паспорта национальных проектов, и влияют на конечные результаты и тем самым способствуют перераспределению денежных средств;
- в некоторых национальных проектах отсутствуют отчеты о ходе их реализации¹⁹.

Для создания эффективной и результативной системы мониторинга за национальными проектами созданы следующие условия: денежные средства, направленные на финансирование национальных проектов, учитываются обособленно; установлены прямые и обратные связи между направлениями расходов на национальные проекты и конкретными результатами; создан информационный ресурс, который обеспечивает регулярный мониторинг; установлена персональная ответственность за достижение задач, целей и результатов национальных проектов; предусмотрена возможность перераспределения бюджетных ассигнований на национальные проекты.

Правительство РФ продолжает работу по развитию проектных принципов управления и выделяет следующие направления развития государственного финансового контроля:

- достижение прозрачности денежных потоков, направленных на реализацию национальных проектов и федеральных программ;
- внесение изменений в порядок составления и представления отчетов об исполнении бюджетов, предусматривающих денежные средства на национальные проекты;

- развитие информационного обмена между Федеральным казначейством и финансовыми органами субъектов РФ для получения своевременной информации об исполнении бюджетов, где выделены средства на реализацию национальных проектов;
- увеличение количества субъектов проектной деятельности, принимающих участие в выполнении результата.

Подводя итоги исследования, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует четко определенный механизм осуществления контроля за наиболее важными, приоритетными научными проектами класса «мегасайенс» — проверка эффективности их реализации и целевого характера расходования денежных средств федерального бюджета осуществляется на базе общей модели бюджетного контроля. Наиболее важное значение в рассматриваемом направлении финансового контроля имеет деятельность Счетной палаты РФ, связанная с проверкой реализации национальных проектов. Между тем считаем, что специфика проектов класса «мегасайенс», связанная с технической сложностью, большим объемом выделяемых бюджетных денежных средств, а также необходимость международной научной кооперации обуславливают необходимость выработки особой модели финансового контроля, которая должна быть направлена не только на проверку достижения количественных показателей, но и оценку качества реализации соответствующих проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М. : Юрид. лит. — 1976. — 264 с.
2. Горохова С. С. Национальные проекты Российской Федерации как инструмент достижения стратегических целей и задач государства // Российская юстиция. — 2020. — № 6. — С. 41–44.
3. Мешалкина Р. Е. Теоретические вопросы государственного финансового контроля // Финансы. — 2003. — № 12. — С. 53–57.
4. Прошунин М. М. К вопросу о правовой сущности бюджетного мониторинга // Финансовое право. — 2020. — № 4. — С. 29–32.

¹⁹ Горохова С. С. Национальные проекты Российской Федерации как инструмент достижения стратегических целей и задач государства // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 41–44.

5. Степаненко Д. М. Инновационная функция права: понятие и основные характеристики // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 8. — С. 68–73.

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. — M. : Yurid. lit. — 1976. — 264 s.
2. Gorohova S. S. Nacional'nye proekty Rossijskoj Federacii kak instrument dostizheniya strategicheskikh celej i zadach gosudarstva // Rossijskaya yusticiya. — 2020. — № 6. — С. 41–44.
3. Meshalkina R. E. Teoreticheskie voprosy gosudarstvennogo finansovogo kontrolya // Finansy. — 2003. — № 12. — С. 53–57.
4. Proshunin M. M. K voprosu o pravovoj sushchnosti byudzhethnogo monitoringa // Finansovoe pravo. — 2020. — № 4. — С. 29–32.
5. Stepanenko D. M. Innovacionnaya funkciya prava: ponyatie i osnovnye harakteristiki // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. — 2011. — № 8. — С. 68–73.

Расходы на национальные проекты в системе государственных расходов

Аннотация. В статье раскрывается категория «государственные расходы», проводится ее сравнительный анализ с категорией «бюджетные расходы» в доктринальном понимании и согласно законодательному определению. На основе относительных и абсолютных данных отмечается тенденция к увеличению доли расходов на финансирование национальных проектов в общей структуре государственных расходов, а также тенденция к ежегодному увеличению объема прямых расходов из федерального бюджета. Сделан вывод о необходимости закрепления тезиса о приоритетности финансирования национальных проектов при распределении бюджетных средств на уровне федерального закона. Проанализировано место ассигнований на реализацию национальных проектов в обновленной Бюджетной классификации, выделен ряд особенностей бюджетного финансирования нацпроектов. На основе законодательства выявлены правовые механизмы корректировки финансирования национальных проектов, отмечена модернизация финансовых инструментов в сфере госзакупок, тенденции в сфере распределения межбюджетных трансфертов при софинансировании. Отмечено значение ретроспективного анализа информации об исполнении бюджетных ассигнований главными распорядителями средств федерального бюджета в предыдущем финансовом году в целях перспективного планирования. Делается вывод об актуализации встраивания формата национальных проектов в систему стратегического планирования со среднесрочной и долгосрочной перспективой.

Ключевые слова: государственные расходы; бюджетные расходы; национальные проекты; бюджет; бюджетные ассигнования; финансирование; софинансирование; Бюджетная классификация; межбюджетные трансферты; стратегическое планирование; модернизация финансовых инструментов; правовые механизмы; финансирование национальных проектов.

Для цитирования: Тугушев Р. И. Расходы на национальные проекты в системе государственных расходов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 47–54. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.047-054.

Expenditures on National Projects in the Public Spending System

Rafail I. Tugushev, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), JSC “AB “Rossiya”
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
r.tugushev@abr.ru

Abstract. The paper is devoted to analyzing the category of “public expenditure”, its comparative analysis with the category “budget expenditures” in doctrinal understanding and according to the legislative definition. On the basis of relative and absolute data, the author highlights the trend towards an increase of the share of national projects

---

© Тугушев Р. И., 2021

* Тугушев Рафаил Измаилович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), АО «АБ «Россия»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
r.tugushev@abr.ru

in the overall structure of public expenditure, as well as the trend towards annual increases in direct expenditures from the federal budget. The author concludes that it is necessary to consolidate the thesis on priority financing of national projects in the allocation of budgetary funds at the federal law level. The author analyzes the place of allocations for the implementation of national projects in the updated Budget Classification and determines a number of features of budget financing of national projects. The paper elucidates the legal mechanisms of adjustment of national projects financing on the basis of the legislation, highlights the modernization of financial instruments in the field of public procurement, trends in the field of distribution of the inter-budgetary transfers with co-financing. The author highlights the importance of retrospective analysis of information on the performance of budgetary allocations by the key spending units of federal budget funds in the previous fiscal year for the purpose of prospective planning. The conclusion is made about facilitating the integration of the format of national projects into the system of strategic planning with the medium and long-term perspective.

Keywords: public expenditure; budget expenditures; national projects; budget; budget allocations; financing; co-financing; Budget classification; interbudgetary transfers; strategic planning; modernization of financial instruments; legal mechanisms; financing of national projects.

Cite as: Tugushev R.I. Raskhody na natsionalnye proekty v sisteme gosudarstvennykh raskhodov [Expenditures on National Projects in the Public Spending System]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):47-54. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.047-054. (In Russ., abstract in Eng.).

Бюджетные ассигнования в системе источников финансирования национальных проектов имеют приоритетное значение. В бюджете страны расходы на них составляют в среднем 10–11 %¹.

Категория «государственные расходы» в специальной литературе раскрывается по разному: как затраты государства на выполнение его задач и реализацию основных функций²; расходы на обеспечение расширенного воспроизводства, удовлетворение социально-экономических и культурных потребностей членов общества, поддержание обороноспособности, государственное управление, т.е. жизнеобеспечение государства³; как процесс использования денежных средств на цели государства⁴; как часть финансовой деятельности государства, урегулированной нормами финансового права⁵.

К сожалению, данные определения не позволяют четко разграничить понятия «государственные расходы» и «расходы бюджета». Как представляется, первое из них шире второго, поскольку источниками государственных расходов помимо бюджетных средств могут быть также внутренние ресурсы государственных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений, т.е. централизованные и децентрализованные денежные фонды. Соответственно, их назначение определяется не только расходными обязательствами бюджетов всех уровней, а также текущими расходами указанных организаций.

Расходы бюджета, являясь преобладающей частью государственных расходов, имеют диалектическую связь с функциями государства и определяются как денежные средства бюджета, предназначенные для выполнения задач и

— Интервью Антона Силуанова каналу Russia Today // URL: https://m.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=36685&area_id=4&page_id=2207&popup=Y (дата обращения: 01.11.2020).

² См.: Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М.: Профобразование, 2003. 158 с.; Финансовое право: учебник / А. Р. Батяева [и др.]; отв. ред. С. В. Запольский. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011. 792 с.

³ См.: Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 267.

⁴ См.: Советское финансовое право: учебник / отв. ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкин. М., 1974. С. 316.

⁵ См.: Влияние отдельных финансово-правовых институтов на инновационное развитие России: монография / Ю. В. Арбатская [и др.]. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 19.

функций государства⁶. Законодательное определение сформулировано в ст. 6 Бюджетного кодекса РФ. Здесь законодатель акцентирует внимание на процессе финансирования и определяет расходы бюджета как «выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся... источниками финансирования дефицита бюджета»⁷. По нашему мнению, было бы более уместно отразить в этой дефиниции суть бюджетных обязательств, как это сделано в доктринальных источниках.

В последнее время наметилась тенденция к увеличению доли расходов на финансирование национальных проектов в общей структуре государственных расходов. Так, в 2020 г. бюджетных ассигнований на эти цели предусмотрено на 19,2 % больше, чем в 2019 г.⁸ По заявлению А. Силуанова, этому направлению финансирования отдан приоритет. По сравнению с 2020 г., в 2021 г. его доля вырастет на 15 %, а в 2023-м — на 40 %⁹. Для так называемых дотационных субъектов предусмотрен предельный уровень софинансирования из федерального бюджета на период 2019–2021 гг. не менее 95 %. Отмечается устойчивая тенденция к ежегодному увеличению объема прямых расходов из федерального бюджета. Так, если в 2006 г. на достижение целей и задач нацпроектов было

выделено около 120 млрд руб., то в 2020 г. этот объем суммарно составил 1 876,5 млрд руб., а на 2021 г. плановый лимит этих средств установлен в размере 2 101,8 млрд руб.¹⁰

Примечательно, что продекларированная в подзаконных нормативных правовых актах¹¹ приоритетность финансирования национальных проектов при распределении бюджетных средств не формализована на уровне федерального закона. В этой связи согласимся с мнением М. И. Куделича о том, что целесообразно было бы закрепить данное положение в БК РФ — одном из основных источников бюджетного права¹².

Появление в стратегическом планировании нового механизма в виде национальных проектов привело к усложнению планирования бюджета и расходных операций, связанных с его исполнением. Дополнительное структурирование Бюджетной классификации, вопреки ожиданиям, не привело к ее редуцированию. На сегодняшний день она имеет 4 уровня детализации: разделы (4–5-й разряды); подразделы (6–7-й разряды); целевые статьи расходов (8–14-й разряды); виды расходов (15–17-й разряды). Анализ данной классификации позволяет делать выводы о тяготении законодателя к так называемому программному бюджетированию, что при-

⁶ См.: Болтинова О. В. Расходы федерального бюджета на создание установок класса «мегасайенс» в национальных проектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5 (114). С. 42–47.

⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 15.10.2020) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁸ Оперативный доклад за январь — сентябрь 2020 г. // URL: <https://ach.gov.ru/audit/> (дата обращения: 26.11.2020).

⁹ Антон Силуанов на заседании Правительства рассказал о бюджетной политике на 2021–2023 годы // URL: <http://government.ru/news/40420/> (дата обращения: 09.11.2020); Силуанов А. Г. Национальные проекты — это приоритет финансирования // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37125-natsionalnye_proekty_eto_prioritet_finansirovaniya (дата обращения: 15.11.2020).

¹⁰ Федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. II–VI). Ст. 7531.

¹¹ П. 6 Положения об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288; п. 24 Положения о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. постановлением Правительства РФ от 02.03.2019 № 234.

¹² См.: Куделич М. И. Система нормативных требований к оценке эффективности национальных проектов: актуальные проблемы // Финансовый журнал. 2019. № 4. С. 36–49.

водит к затруднениям в понимании механизмов финансирования нацпроектов в этом формате¹³. Это порождает определенные проблемы в правоприменительной практике, особенно в социальной сфере, связанные с получением бюджетных средств на текущие расходы без «внедрения» в те или иные программы, подпрограммы. Отсюда представляется необходимой двухколейная система распределения расходов бюджета с дифференциацией на текущие расходы и финансирование программных и проектных мероприятий.

Для уяснения механизмов бюджетного финансирования нацпроектов, по нашему мнению, следует отталкиваться от положения, что сами они интегрированы в госпрограммы. Отсюда в Бюджетной классификации ассигнования на реализацию национальных проектов обособлены на уровне основных мероприятий государственных программ Российской Федерации в коде целевой статьи расходов федерального бюджета (4–5-й разряды кода)¹⁴. Каждый национальный проект имеет уникальное буквенное обозначение, которое присутствует в коде соответствующих федеральных проектов как структурных элементов государственных программ. Это сделано для обеспечения максимальной транспарентности и подконтрольности использования бюджетных средств на реализацию национальных проектов.

Выделение финансовых ресурсов из бюджета на реализацию национальных проектов обусловлено направленностью последних на решение приоритетных целей государства и имеет ряд особенностей: 1) множественность субъектов администрирования при распределении бюджетных средств (от 3 до 30 главных распределителей бюджетных средств по отдельным проектам); 2) централизованная координация их деятельности; 3) преобладание в структуре расходов на национальные проекты межбюджетных трансфертов¹⁵.

Отметим, что расходы на финансирование нацпроектов в общей структуре государственных расходов отдельно выделены впервые в федеральном бюджете на 2019–2021 гг. Соответственно, при разработке Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов¹⁶ эти расходы не были конкретизированы. Таким образом, источником бюджетного финансирования нацпроектов могли быть только бюджетные ассигнования по государственным программам. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 и плановый период 2022 и 2023 годов¹⁷ данной статье государственных расходов уделено гораздо больше внимания. Появился отдельный информационный блок под названием «Развитие проектных

¹³ См.: Запорожан А. Я. Непрограммная классификация расходов программного бюджета // Управленческое консультирование. 2016. № 5. С. 53–58; Федотова Г. В. Программный бюджет в региональном стратегическом планировании // Дайджест-Финансы. 2013. № 12. С. 29–34; Чулков А. С. Программный бюджет: проблемы и перспективы развития на региональном и местном уровнях // Финансы и кредит. 2014. № 39. С. 11–20.

¹⁴ Письмо Минфина России от 05.10.2018 № 02-05-11/71918 «О формировании кодов бюджетной классификации Российской Федерации при отражении бюджетных ассигнований (расходов) бюджетов субъектов Российской Федерации (местных бюджетов) на выполнение региональных проектов, направленных на реализацию федеральных (национальных) проектов и достижение соответствующих целей и показателей» // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=124809-pismo_minfina_rossii_ot_05.10.2018_02-05-1171918_o_formirovanii_kodov_byudzhetnoi_klassifikatsii_rossiiskoi_federatsii_pri_otrazhenii_byudzhetnykh_assignovanii_raskhodov_byu (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁵ Приказ Минфина России от 06.06.2019 № 85н (ред. от 28.09.2020) «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 09.07.2019.

¹⁶ URL: <https://www.minfin.ru> по состоянию на 02.10.2018 (дата обращения: 28.11.2020).

¹⁷ URL: <https://minfin.gov.ru> по состоянию на 06.10.2020 (дата обращения: 28.11.2020).

принципов управления», посвященный вопросам контроля движения бюджетных средств, повышения эффективности взаимодействия субъектов администрирования путем совершенствования нормативного регулирования. Отдельное внимание уделено механизмам внесения изменений в бюджетную роспись федерального бюджета в части финансирования нацпроектов и методологическим основам разработки, реализации и оценки эффективности национальных проектов.

На сегодняшний момент существует несколько правовых механизмов корректировки финансирования национальных проектов, в том числе за счет направления для этих целей дополнительных ассигнований. Во-первых, необходимо упомянуть п. 9 ст. 130 БК РФ, согласно положениям которого Правительство РФ может направлять в Парламент проекты правовых актов, касающиеся распределения и предоставления межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ из средств, не распределенных согласно приложениям Федерального закона № 380¹⁸. Решение по данным вопросам принимается с учетом мнения трехсторонней комиссии по вопросам межбюджетных отношений¹⁹.

Во-вторых, благодаря изменениям, внесенным в бюджетное законодательство Федеральным законом от 28.11.2018 № 457-ФЗ²⁰, появилась возможность перераспределения бюджетных ассигнований не только между отдельными нацпроектами, но и между реализующими их регионами — путем внесения изменений в сводную бюджетную роспись федерального бюд-

жета без изменения параметров Федерального закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» при соблюдении лимитов бюджетных средств в пределах общего объема расходов федерального бюджета на соответствующий финансовый год.

В-третьих, этим же нормативным актом предусматривается механизм уменьшения бюджетных ассигнований на иные цели с перенаправлением их на финансирование нацпроектов.

В-четвертых, в мае 2019 г. на парламентских слушаниях обсуждался вопрос о внесении законопроекта о направлении целевых отчислений из профицитной части бюджета на региональные проекты по развитию территорий, такие как импортозамещение, при условии жесткого контроля²¹. Хотя Минфин прогнозирует на предстоящие два года снижение показателя профицита бюджета вследствие падения цен на нефть с 0,8 % в 2020 г. до 0,2 % в 2022 г., тем не менее планомерно заложено, что 3/4 дополнительных расходов захватят социальная политика, здравоохранение и образование²².

Отметим, что за финансовым обеспечением нацпроектов стоит целая цепочка деловой активности иного рода: осуществление госзакупок, реализация госконтрактов, взаимосвязанных гражданско-правовых сделок, трудовых правоотношений, деятельности государственных и частных инвесторов и т.п. Соответственно, изменение некоторых финансовых инструментов, описанных выше, повлекло необходимость актуализации законодательства о контрактной системе. В частности об этом говорилось на

¹⁸ Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // СЗ РФ. 2019. № 49 (ч. I–IV). Ст. 6939.

¹⁹ Регламент трехсторонней комиссии по вопросам межбюджетных отношений от 26.09.2013 // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=20593-reglament_trehstoronnei_komissii_po_voprosam_mezhbudzhethnykh_otnoshenii (дата обращения: 29.10.2020).

²⁰ Федеральный закон от 28.11.2018 № 457-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения федерального бюджета в 2019 году» // Российская газета. 03.12.2018.

²¹ Профицит бюджета предложили направлять на прорывные проекты в регионах // URL: <https://pnp.ru.turbopages.org/pnp.ru/s/economics/proficit-byudzheta-predlozhili-napravlyat-na-proryvnye-proekty-v-regionakh.html> (дата обращения: 13.11.2020).

²² Опубликован проект бюджета России на ближайшие три года // URL: <https://tass.ru/ekonomika/6928986> (дата обращения: 13.11.2020).

расширенном заседании Госсовета 23 ноября 2018 г., где обсуждались задачи, поставленные в Указе Президента о национальных целях и стратегических задачах развития страны на период до 2024 г. В свете поручений Президента РФ Минфином был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”», рассмотренный и одобренный на заседании Правительства РФ 4 апреля 2019 г.²³ Основной его идеей стало ускорение закупочных процедур.

Возвращаясь к анализу категории «расходы на национальные проекты» в системе государственных расходов, отметим, что их планирование на предстоящий период осуществляется на основе ретроспективного анализа информации об исполнении бюджетных ассигнований главными распорядителями средств федерального бюджета в предыдущем финансовом году. Оценке подвергается и количество освоенных ресурсов, и, самое главное, эффективность в достижении целевых показателей нацпроектов. Так, по результатам расходования бюджетных ассигнований на эти нужды в январе — октябре 2020 г. Счетная палата РФ подготовила отчет, где отражен ряд недостатков, таких как низкий уровень исполнения расходов на нацпроекты, нарушение сроков и (или) недостижение результатов, значительное количество запросов на изменение паспортов национальных и федеральных проектов, предусматривающих корректировку показателей и результатов, перераспределение их финансового обеспечения. Наибольшее количество изменений расходов отмечено по национальным проектам «Цифровая экономика Российской Федерации» (на 26 779,6 млн руб., или на 18,1 %), «Демография» (на 23 635,4 млн руб.,

или на 16 %), «Экология» (на 18 736,7 млн руб., или на 12,7 %) ²⁴.

Однако наряду с ретроспективным анализом расходования бюджетных средств при реализации национальных проектов одним из ведущих принципов их финансового обеспечения является прогнозный расчет предстоящих расходов на ближайшие три года, что в нашем представлении является не чем иным, как одним из начальных элементов стратегического бюджетного планирования в части, касающейся реализации национальных целей. Поскольку эффект от реализации нацпроектов, как правило, рассчитан на относительно отдаленную перспективу, расходы на их реализацию необходимо учитывать при формировании бюджетных прогнозов страны, регионов и муниципалитетов на долгосрочный период, при этом заблаговременно закладывая определенные финансовые «люфты» на свободу действий в рамках нацпроектов, в особенности это касается тех направлений, которые в наименьшей степени предполагают точность прогнозирования. Считаем, что именно стратегическое бюджетное планирование «является необходимым условием для проведения ответственной налогово-бюджетной и долговой политики, межбюджетного регулирования, повышения эффективности управления государственными и муниципальными финансами» ²⁵.

Основными источниками бюджетного финансирования национальных проектов выступают межбюджетные трансферты, в том числе субсидии и субвенции из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ. Правовую основу здесь составляют нормы БК РФ и целый ряд подзаконных актов ²⁶.

Концепция софинансирования национальных проектов основана на идее снижения нагрузки на региональные бюджеты в случаях,

²³ Правительство внесло в Госдуму законопроект о совершенствовании законодательства о контрактной системе в сфере госзакупок // URL: http://government.ru/dep_news/36286/ (дата обращения: 15.11.2020).

²⁴ Оперативный доклад за январь — сентябрь 2020 г.

²⁵ Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию (по сост. на 04.12.2015) // URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 23.11.2020).

²⁶ Например: постановление Правительства РФ от 30.09.2014 № 999 (ред. от 30.10.2020) «О формировании, предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам Российской Федерации».

когда их собственные возможности ограничены. Например, в 2019 г. межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации превысили на 9 % объем доходов консолидированных бюджетов регионов, их сумма составила 2 272,2 млрд руб. Одним из главных принципов здесь выступает дифференцированный подход к объемам финансирования в соответствии с различной степенью собственных доходов и экономического развития. Здесь нельзя не упомянуть распоряжение Правительства РФ от 01.09.2020 № 2221-р²⁷, которым утвержден предельный уровень софинансирования расходного обязательства субъекта РФ и г. Байконура из федерального бюджета по субъектам РФ и г. Байконуру на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. В соответствии с ним, доля средств федерального бюджета в расходных обязательствах по реализации нацпроектов может достигать с 2021 г. до 99 %, что представляется оправданным. Важно отметить, что при софинансировании данных расходов из средств федерального бюджета нельзя допускать две крайности — избыточность, порождающую эффект иждивенчества и инертности регионов в решении национальных задач, и

недостаточность, что чревато недостижением поставленных целей.

Подводя итоги, необходимо выделить ряд значимых моментов. Доля расходов на реализацию нацпроектов в системе государственных расходов постепенно увеличивается, что подчеркивает приоритетность их финансирования. Созданы новые правовые механизмы, обеспечивающие гибкость и оперативность корректировки финансовых потоков, направляемых из федерального бюджета на финансирование национальных проектов. Используя инструменты софинансирования в достижении национальных целей, государство ориентировано не только на экономическое выравнивание регионов, но и на стимулирование их к более эффективному взаимодействию, инвестиционной активности, о чем свидетельствует возрастание роли таких форм межбюджетных трансфертов, как субсидии и субвенции. Вместе с тем насущными остаются проблемы правоприменения как прежних правовых инструментов, так и новелл законодательства. Всё более актуальными становятся вопросы встраивания формата национальных проектов в систему стратегического планирования со среднесрочной и долгосрочной перспективой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болтинова О. В. Расходы федерального бюджета на создание установок класса «мегасайенс» в национальных проектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 5 (114). — С. 42–47.
2. Влияние отдельных финансово-правовых институтов на инновационное развитие России : монография / Ю. В. Арбатская [и др.]. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, — 2014. — 166 с.
3. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. — М. : Профобразование, 2003. — 158 с.
4. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право : учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М., 2013. — 272 с.
5. Запорожан А. Я. Непрограммная классификация расходов программного бюджета // Управленческое консультирование. — 2016. — № 5. — С. 53–58.

Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 41. Ст. 5536 ; письмо Минфина России от 06.11.2014 № 06-06-05/3/56168 «О Методических рекомендациях по применению положений Правил формирования, предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30.09.2014 № 999» // URL: <https://base.garant.ru/70785454/> (дата обращения: 15.11.2020).

²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 01.09.2020 № 2221-р «О признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2020. № 36. Ст. 5693.

6. *Куделич М. И.* Система нормативных требований к оценке эффективности национальных проектов: актуальные проблемы // Финансовый журнал. — 2019. — № 4. — С. 36–49.
7. *Силуанов А. Г.* Национальные проекты — это приоритет финансирования // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37125-natsionalnye_proekty__eto_prioritet_finansirovaniya (дата обращения: 15.11.2020).
8. Советское финансовое право : учебник / отв. ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкин. — М., 1974. — 351 с.
9. *Федотова Г. В.* Программный бюджет в региональном стратегическом планировании // Дайджест-Финансы. — 2013. — № 12. — С. 29–34.
10. Финансовое право : учебник / А. Р. Батяева [и др.] ; отв. ред. С. В. Запольский. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2011. — 792 с.
11. *Чулков А. С.* Программный бюджет: проблемы и перспективы развития на региональном и местном уровнях // Финансы и кредит. — 2014. — № 39. — С. 11–20.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boltinova O. V. Raskhody federal'nogo byudzheta na sozдание ustanovok klassa «megasajens» v nacional'nyh proektah Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — Т. 15. — № 1 (114). — С. 42–47.
2. Vliyanie otdel'nyh finansovo-pravovyh institutov na innovacionnoe razvitie Rossii : monografiya / Yu. V. Arbatskaya [i dr.]. — Irkutsk : Izd-vo BGUEP, — 2014. — 166 s.
3. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo i finansovyj monitoring v sovremennoj Rossii. — М. : Profobrazovanie, 2003. — 158 s.
4. Gracheva E. Yu., Sokolova E. D. Finansovoe pravo : uchebnik. — 4-e izd., ispr. i dop. — М., 2013. — 272 s.
5. Zaporozhan A. Ya. Neprogrammnaya klassifikaciya raskhodov programmogo byudzheta // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. — 2016. — № 5. — С. 53–58.
6. Kudelich M. I. Sistema normativnyh trebovanij k ocenke effektivnosti nacional'nyh proektov: aktual'nye problemy // Finansovyj zhurnal. — 2019. — № 4. — С. 36–49.
7. Siluanov A. G. Nacional'nye proekty — eto prioritet finansirovaniya // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37125-natsionalnye_proekty__eto_prioritet_finansirovaniya (data obrashcheniya: 15.11.2020).
8. Sovetskoe finansovoe pravo : uchebnik / отв. ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкин. — М., 1974. — 351 с.
9. Fedotova G. V. Programmnyj byudzheth v regional'nom strategicheskom planirovanii // Dajdzhest-Finansy. — 2013. — № 12. — С. 29–34.
10. Finansovoe pravo : uchebnik / А. R. Batyaeva [i dr.] ; отв. ред. S. V. Zapol'skij. — 2-e izd., ispr. i dop. — М., 2011. — 792 s.
11. Chulkov A. S. Programmnyj byudzheth: problemy i perspektivy razvitiya na regional'nom i mestnom urovnjah // Finansy i kredit. — 2014. — № 39. — С. 11–20.

Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав

Аннотация. Цифровизация в последние годы является одним из основных драйверов изменения финансовой сферы и в мире в целом, и в России. Сначала развитие — вне государственного контроля и скорее при весьма критическом отношении по стороны официальных регуляторов — получило явление, названное «криптовалюта» (по существу, то, что экономисты называют «частными деньгами»). Однако позднее к цифровым экспериментам подключились государства и центральные банки. Так появился феномен «цифровой валюты центрального банка» — Central Bank digital currencies (CBDC). В новом инструменте центральные банки увидели новые возможности, прежде всего в части отказа от бумажного (наличного) оборота и контроля. В настоящее время многие центральные банки в мире проводят соответствующие исследования, а некоторые вышли на уровень тестирования соответствующих решений. Не остался в стороне и Центральный Банк Российской Федерации: в 2019 г. был подготовлен первый доклад — исследование о перспективах цифровых валют центральных банков, а в 2020 г. был опубликован доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». Введение такого финансового инструмента сопряжено со значительными изменениями в правовой сфере. Статья посвящена анализу таких изменений, а также основных недостатков доклада.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка; деньги; цифровое право; валюта; денежные средства; безналичные денежные средства; центральный банк; гражданское право; объекты гражданского права; доклад для общественных консультаций.

Для цитирования: Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 55–65. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065.

© Габов А. В., 2021

* Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права РАН, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
gabov@igpran.ru

A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object

Andrey V. Gabov, Dr. Sci. (Law), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in Energy, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Academic Director, Law Institute, Belgorod State National Research University
ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019
gabov@igpran.ru

Abstract. In recent years digitalization is one of the main drivers of changing the financial field in the world as a whole and in Russia. At first, the phenomenon called "cryptocurrency" (in essence, it is what the economists call "private money") developed beyond state control and was subjected to a very critical attitude on the part of official regulators. However, state and central banks later joined digital experiments. Thus, the phenomenon of the "digital currency of the Central Bank" — Central Bank digital currencies (CBDC) — appeared. The Central Bank saw new opportunities, primarily in terms of abandoning paper (cash) circulation and control, in the new instrument. Many central banks in the world are currently conducting research, and some have reached the level of testing relevant solutions. The Central Bank of the Russian Federation does not stand aside as well: in 2019, the first report was prepared — a study on the prospects of digital currencies of central banks; in 2020 the report "Digital Ruble" was published for public consultation. The introduction of such a financial instrument entails significant changes in the legal field. The paper analyzes such changes as well as the main shortcomings of the Report.

Keywords: digital currency of the Central Bank; money; digital law; currency; cash; cashless money; Central Bank; civil law; objects of civil law; report for the public consultation.

Cite as: Gabov AV. Tsifrovoy rubl tsentralnogo banka kak obekt grazhdanskikh prav [A Digital Ruble of the Central Bank as a Civil Rights Object]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):55-65. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.055-065. (In Russ., abstract in Eng.).

В октябре 2020 г. Центральный банк Российской Федерации (Банк России) опубликовал доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль»¹ (далее — Доклад).

В Докладе (на 47 страниц) представлено в общих чертах видение регулятора по вопросам: что такое цифровой рубль центрального банка (далее также — цифровой рубль), его роль в денежном обращении, возможности его использования гражданами и юридическими лицами, инфраструктуры для учета и оборота данного финансового инструмента.

Желание монетарного регулятора создать цифровой рубль не является пионерским —

скорее мы здесь находимся в конце длинного перечня государств, которые либо находятся на стадии концептуальной проработки вопроса о собственной *sovereign digital currency* (SDC) или *Central Bank digital currencies* (CBDC), либо уже экспериментируют с SDC (CBDC)².

Выгоды от введения такого финансового инструмента понятны — *большая прозрачность финансовой сферы*, о чем в Докладе написано предельно ясно: «цифровой рубль расширяет для государства возможности контроля целевого расходования средств, в том числе получаемых экономическими субъектами для исполнения государственных контрактов..

¹ Официальный сайт Центрального банка (Банка России). URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

² По этим вопросам см., например: *Didenko A., Zetzsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P. After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems* (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020, University of Hong Kong, Faculty of Law, Research Paper No 2020/036, UNSW Law Research Paper No 20-59. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (дата обращения: 17.02.2021).

Упрощенно цифровой рубль можно описать как традиционные банкноты и монеты, которые выпускаются, и передаются в электронном виде. Каждая банкнота и монета при этом сохраняют свою уникальность, и система цифрового рубля позволяет проследить их движение... Применение цифрового рубля позволит государству автоматически отслеживать движение денежных средств, выделяемых в рамках государственных контрактов или иных бюджетных платежей, запретить их расходование на цели, не соответствующие их назначению...»³, «использование цифрового рубля повысит прозрачность расчетов и будет способствовать снижению рисков ОД/ФТ/ФРОМУ⁴... Одним из преимуществ введения цифрового рубля является возможность проведения анализа на основе больших массивов данных об экономических субъектах и их платежах»⁵.

Есть и иные выгоды, которые напрямую в Докладе не написаны, но просматриваются из описания моделей, к тому же хорошо описаны в специальных исследованиях, посвященных вопросам экспериментов с SDC (CBDC), — замена посредников, снижение рисков их несостоятельности. В свою очередь, такие посредники (банки) уже увидели в соответствующих предложениях риски и высказали свои сомнения относительно предложений, изложенных в Докладе (к примеру, см.: заключение АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»⁶).

Среди иных вопросов, которые освещены в Докладе, — правовые аспекты введения цифрового рубля, которые как встроены в отдельные части текста, так и составляют отдельный раздел Доклада — «Законодательные и регуляторные изменения для внедрения цифрового рубля»⁷.

Одним из интересных аспектов, которые требуют анализа среди вопросов правового характера, — вопрос о том, что будет представлять собой цифровой рубль как объект гражданских прав.

В Докладе по этому вопросу есть множество фрагментов. Причем часть из них не в полной мере взаимосвязаны между собой (а некоторые противоречат друг другу).

Первое, на что обратим внимание, — постоянная подмена в тексте Доклада понятия «цифровой рубль» понятием «цифровая валюта центрального банка»⁸. Возможно, это просто следствие использования в тексте Доклада соответствующих частей из англоязычных текстов и прямого перевода с английского слов Central Bank digital currencies; возможно, это просто неаккуратность с терминологией, но восприятие от это однозначное: для авторов Доклада «цифровой рубль» = «цифровая валюта центрального банка». Между тем такой подход требует некоторых пояснений.

Желание следовать общемировым тенденциям, стремление не быть в конце потока инноваторов — дело благое и может быть поддержано. Но надо понимать: любая, даже самая передовая инновация будет внедряться в отечественные условия, с той системой права, которая сложилась у нас, а потому требуется такое ее изложение, которое не создаст проблем в будущем.

В этом смысле понятие «цифровая валюта» нельзя признать удачным. Слово «валюта» обращает нас скорее к той части ст. 140 ГК РФ, где речь идет о валюте иностранной; в этой статье «валюта» и «иностранная валюта» — синонимы. Таким образом, слова «цифровая валюта» предполагают оппозицию к рублю (т.е. это не рубль,

³ Доклад... С. 16.

⁴ ОД — отмыwanie денег; ФТ — финансирование терроризма; ФРОМУ — финансирование распространения оружия массового уничтожения.

⁵ Доклад... С. 18.

⁶ URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_bank_a_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 18.02.2021).

⁷ Доклад... С. 37.

⁸ Доклад... С. 37 и др.

а нечто иное)⁹. Интересно и то, что не так давно законодатель дал специальное определение понятию «цифровая валюта» (ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о цифровых финансовых активах). Соотнесение содержательных признаков цифрового рубля, указанных в Докладе, и определения цифровой валюты, данного в Законе о цифровых финансовых активах¹⁰, показывает следующее:

- с предлагаемым авторами Доклада определением цифрового рубля («*уникальный цифровой код, который будет храниться на специальном электронном кошельке*»¹¹) очевидно, совпадает одна из частей определения, данного в Законе о цифровых финансовых активах («*цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения)*»);
- однако иные фрагменты определения цифровой валюты в Законе о цифровых финансовых активах ясно показывают: *цифровая валюта не может быть цифровым рублем*, поскольку цифровая валюта не может быть денежной единицей Российской Федерации («*которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства пла-*

тежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации...»).

Говоря иначе:

- цифровая валюта — это не денежная единица РФ, т.е. это не рубль;
- если же цифровой рубль — это рубль, но только в иной форме, как утверждается в одной части Доклада, то *цифровой рубль не может быть назван цифровой валютой*. По крайней мере, это делать некорректно до того момента, как будет изменено действующее законодательство, в том числе Закон о цифровых финансовых активах.

О цифровом рубле в Докладе говорится как о «*форме российской национальной валюты*»¹². Соответствующий тезис повторяется в разном виде по всему тексту Доклада, как то:

- «*цифровой рубль — это все тот же российский рубль, который будет выпускаться Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег*»¹³;
- «*единая система денежного обращения, объединяющая три формы российского рубля — наличную, безналичную и цифровую — будет в полной мере удовлетворять современные потребности экономики...*»¹⁴;
- «*цифровой рубль будет представлять собой цифровую форму национальной валюты*»¹⁵;

⁹ Любопытно заметить, что статья 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», в которой дается определение понятия «валюта Российской Федерации», слово «рубль» для описания не использует, а говорит о «денежных знаках» и «средствах на банковских счетах и в банковских вкладах».

¹⁰ «Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

¹¹ Доклад... С. 5.

¹² Доклад... С. 3.

¹³ Доклад... С. 3.

¹⁴ Доклад... С. 3.

¹⁵ Доклад... С. 5.

— «в современной российской экономике деньги... существуют в двух формах — наличные рубли... и безналичные рубли... *Цифровой рубль будет дополнительной формой российской национальной валюты и будет эмитироваться центральным банком (Банком России) в цифровой форме*»¹⁶.

Говоря о предполагаемом по итогам реализации проекта триединстве форм рубля (наличный, безналичный, цифровой), авторы Доклада поясняют, что «*все три формы российского рубля будут абсолютно равноценными*»¹⁷.

Итак, указанные приведенные (и некоторые иные) фрагменты прямо указывают: в виде цифрового рубля перед нами новый феномен финансового рынка, но отнюдь не новый объект гражданских прав. В ситуации с цифровым рублем *данные фрагменты указывают, что прежний (существующий) объект приобретает новую форму*.

Такой подход авторов Доклада выглядит логичным и обоснованным, т.к. авторы (в данных фрагментах) пытались остаться в рамках ст. 75 Конституции РФ («денежной единицей в Российской Федерации является рубль») и ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ («официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль»). Указанная статья 27 Закона содержит и еще одно важное

положение, которое повлекло такой подход: она прямо и недвусмысленно говорит, что «*введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются*». *То есть укажи авторы Доклада, что «цифровой рубль» — это не рубль, то они прямо признались бы в том, что они нарушают указанные правила, и предлагают выпуск денежного суррогата*.

Но каков он — существующий — объект, модернизацию которого в виде внедрения новой его формы (наряду с существующими двумя) задумали авторы Доклада?

В указанных фрагментах Доклада он обозначен или как «*рубль*», или как «*российская национальная валюта*»¹⁸.

Такой подход требует определенных комментариев. Понятие «*российская национальная валюта*» для описания объектов гражданских прав не используется вообще. На «*рубль*» как объект гражданских прав указывает ст. 140 ГК РФ («Деньги (валюта)»), в которой говорится о «*рубле*» как законном платежном средстве, которым можно осуществлять на территории Российской Федерации платежи путем наличных и безналичных расчетов¹⁹. Таким образом, «*рубль*» — это «*деньги*». Ранее, до 2013 г., такая простота изложения ст. 140 ГК РФ коррелировала с простотой подхода к отнесению денег

¹⁶ Доклад... С. 5.

¹⁷ Доклад... С. 6.

¹⁸ Помимо этого, обратим внимание на то, что в Докладе (с. 37) говорится о цифровом рубле как «*обязательстве Банка России*». Использование такого рода терминологии можно видеть в ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», где говорится о том, что «*безусловными обязательствами Банка России*» являются «*банкноты и монета Банка России*». Но что понимается под словом «*обязательство*», если смотреть более ранние аналитические документы Банка России (см.: *Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков? : Аналитическая записка. Апрель 2019 // URL: https://cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf (дата обращения: 24.02.2020)*), — неясно. Так, в указанной аналитической записке цифровая валюта центрального банка определялась как «*обязательства ЦБ, номинированные в национальной валюте, имеющие цифровое представление и способные выступать в качестве средства платежа, меры и сохранения стоимости*» (с. 3). По существу, перед нами определение не денег, а именно обязательств, ценных бумаг.

¹⁹ Как оппозиция рублю в этой статье используется понятие «*иностранная валюта*», случаи, порядок и условия использования которой на территории Российской Федерации определяются законом или в установленном им порядке (в настоящее время — Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»).

к объектам гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, где было указано, что «к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги...» (т.е. для «денег» родовым объектом были «вещи»).

С учетом изменений 2013 г.²⁰ и 2019 г.²¹ действует новая редакции ст. 128 ГК РФ, определяющая следующую систему объектов гражданских прав:

- вещи (включая *наличные деньги* и документарные ценные бумаги);
- иное имущество, в том числе имущественные права (включая *безналичные денежные средства*, бездокументарные ценные бумаги, *цифровые права*);
- результаты работ и оказание услуг;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);
- нематериальные блага.

С учетом того, что статья 140 ГК РФ осталась неизменной, отметим следующее.

Ни слово «деньги», ни слово «рубль» не используются в ст. 128 ГК РФ как родовой (основной) объект²². Если в ст. 140 ГК РФ как было изначально, так и говорится просто о «деньгах», то для ст. 128 ГК РФ «просто денег» нет — есть «наличные деньги» и «безналичные денежные средства». Любопытно обратить внимание, что, когда говорится о «наличных», используется слово-маркер — «деньги», а вот с прилагательным «безналичные» используются слова «денежные средства». При таких изменениях можно было бы ожидать, что законодатель введет новое родовое понятие для денег — «денежные

средства», которое используется в большой массе норм ГК РФ и федеральных законов²³ и которое лежит в основе определения «электронных денежных средств» в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Но ничего подобного ни в ГК РФ, ни в иных законах нет — понятие «денежные средства» *не используется в качестве родового объекта*.

Конечно, здесь проблемы, связанные с оценкой потенциальной идеи цифрового рубля, пересекаются с проблемой полного отсутствия системы в изложении того, что такое деньги в нашем праве. Но именно поэтому, как думается, авторы Доклада должны были (и это надо будет делать далее, когда работа перейдет в плоскость подготовки концептуальных положений и конкретных правовых решений) проявить известную аккуратность и скрупулезность в используемой терминологии, равно как и понимание того, *как их идеи выглядят на фоне хаоса с отражением денег как объекта прав*. Однако этой аккуратности нет.

На фоне того, что происходит с «деньгами» в отечественном праве, просто введение еще одного их вида (формы? еще чего?) — цифрового рубля — ведет к усилению неясности с «объектностью» денег. Если признавать цифровой рубль формой денег, то тогда возникает вопрос о том, как будет этот объект прав попадать в оборот? Информацию об этом нам дают с. 26–32 Доклада. На них мы встречаем (в описании моделей) упоминание о «покупке ЦВЦБ» (ЦВЦБ — цифровой рубль). Буквально это означает, что или финансовые посредники, или сами граждане в

²⁰ См.: Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²¹ См.: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

²² Как иногда это отмечают — ошибочно — некоторые исследователи. Так, Р. М. Янковский пишет, что «согласно ст. 140 ГК РФ и Закону “О валютном регулировании и валютном контроле”, категория денег включает наличные деньги и безналичные денежные средства» (см.: Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 54–55). На самом деле ничего подобного в ст. 140 ГК РФ и тем более в Законе о валютном регулировании и валютном контроле не написано.

²³ Например, согласно ст. 861 ГК РФ путем перевода именно «денежных средств» (но не безналичных денежных средств) осуществляются безналичные расчеты банками и иными кредитными организациями.

зависимости от модели будут покупать «цифровой рубль» у Банка России. Но если это так, то возникают вопросы:

- что покупают (и у кого) в виде цифрового рубля граждане, юридические лица и/или финансовые посредники;
- как такой объект купли-продажи вписывается в модель договора купли-продажи?

Говоря иначе, возникает вопрос о том, как объект права возникает. И он в Докладе оставлен без ответа.

На этом фоне нельзя не затронуть еще один аспект, который явно возникает при оценке положений Доклада: *цифровой рубль и цифровые права в ст. 128 и 141.1 ГК РФ*.

Как мы уже отметили, описание в Докладе сущности цифрового рубля (валюты) как «уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке», и семантически («цифровой»), и по сути сближает этот потенциально новый объект прав с таким (тоже новым) объектом гражданских прав, как «цифровые права». Однако в Докладе об этой близости ничего не сказано — никакой анализ не проведен. Отчасти это объяснимо — чтобы избежать возможных последствий. Ведь цифровые права — это уже (со всех точек зрения) не деньги (не денежные средства); т.е. определение цифрового рубля как цифрового права прямо отрицало бы возможность использования цифрового рубля как денег и логику авторов Доклада, что цифровой рубль — всё тот же рубль.

Таким образом, парадоксально, но получается, что родовой объект для цифрового рубля (если его рассматривать в первом значении, в котором его описывают авторы Доклада, как еще одной «формы денег») как бы есть, но одновременно его как бы нет.

Отсюда вывод: указанные фрагменты Доклада не имеют обоснования в правовом материале и, если его разработчики хотят «привязать» своего Франкенштейна к какому-либо роду объектов гражданских прав, им придется предложить реформу множества нормативных положений как общего, так и частного характера.

Вообще, применительно к тезисам Доклада о деньгах хотелось бы подчеркнуть смешение экономических воззрений на деньги и правовых понятий. Так, авторы Доклада говорят о «формах денег» («выпускаться Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег»). С экономической точки зрения все верно, но с правовой точки зрения это утверждение не наполнено содержанием: *форм денег наше гражданское законодательство не знает*. Не будем вдаваться глубоко в суть вопроса. Достаточно сказать, что традиционно существуют разные подходы к тому, как экономическое понимание того или иного явления и его правовое отражение должны между собой соотноситься²⁴, однако важно отметить, что для такого уровня документов необходимо как минимум не смешивать по тексту оба понимания, в противном случае выводы получаются весьма неоднозначными.

Теперь обратимся к тем фрагментам Доклада, где цифровой рубль называют безналичными деньгами (денежными средствами). Так, на С. 6 Доклада о цифровом рубле говорится как о феномене, имеющем «благодаря цифровой форме... свойства безналичных денег». А на с. 37 авторы Доклада более категоричны: «так как цифровая валюта центрального банка не будет иметь натуральной формы, то есть не будет существовать в виде вещи, а будет представлять собой обязательство Банка России, ее

²⁴ В литературе ранее высказывались точки зрения о том, что экономическая и юридическая категория денег различны (см., например: Башкатов М. Л. Деньги в гражданском праве: очерк некоторых проблем теории // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 12 / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М., Норма, 2008. С. 56). Хотя есть и иной подход, суть которого (как минимум) в необходимости сближения экономического и правового понятия денег, причем «приближаемой» должна быть именно правовая теория, поскольку экономика первична (см., например: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., Юридический центр-Пресс, 2002. С. 391–392). Впрочем, в той же работе В. А. Лапач отмечал, что полного совпадения быть не может и система объектов гражданских прав «лишь частично» соответствует «описываемым эмпирическим явлениям» (с. 184).

правомерно рассматривать в качестве вида безналичных денежных средств».

Итак, в противовес ранее приведенным утверждениям о том, что цифровой рубль — это еще одна форма денег наряду с безналичными деньгами (денежными средствами), здесь утверждается ровно обратное.

При этом последовательными авторами Доклада остаются недолго — и на той же С. 37 Доклада мы находим (следом за приведенной формулой) следующий фрагмент: «Поскольку цифровая валюта центрального банка будет являться обязательством Банка России, у *обладателя цифрового рубля возникнет право потребовать его обмена как на наличные рубли, так и на безналичные денежные средства*». Конечно, тут же возникает вопрос: если в предыдущем фрагменте цифровой рубль признается *видом безналичных денежных средств* (т.е., собственно, безналичными денежными средствами), то зачем его менять... на безналичные денежные средства — т.е. на тот же самый объект? Получается, что авторы отрицают то, что такой цифровой рубль — это безналичные денежные средства²⁵.

На той же С. 37 Доклада появляется фрагмент, в котором авторы Доклада формулируют такую задачу: «*главный правовой вопрос, который требует разрешения при внедрении цифровой валюты центрального банка, — это вопрос ее правового статуса*». Ну, положим, статуса у «валюты» (любой) быть не может в принципе — это ведь не субъект, а объект. Но это не основное замечание. После прочтения этого тезиса Доклада возникает вопрос: если ранее в Докладе его авторы принципиально указали на то, что цифровой рубль — это тот же рубль, но в иной форме, о каком еще «правовом статусе» надо говорить? Что еще не хватает авторам Доклада, если они уже «маркировали» свой феномен, сказав, что новый феномен находится в рамках ст. 75 Конституции РФ и ст. 27 Фе-

дерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ»: цифровой рубль уже ими был назван рублем в ином виде (форме).

На С. 37 Доклада встречается еще более интригующий фрагмент: о необходимости ревизии на предмет внедрения цифрового рубля ГК РФ «в части *включения цифрового рубля в перечень объектов гражданских прав...*». Итак, разработчикам показалось мало, что они выше назвали сначала цифровой рубль формой рубля, т.е. учитывая его физические характеристики (запись), а затем «привязали его через ст. 128 ГК РФ к безналичным денежным средствам, или имущественным правам, а более широко — к иному имуществу. Они хотят, чтобы цифровой рубль стал отдельным объектом гражданских прав. Но тогда вопрос, а что это за объект в той системе объектов гражданских прав, которая есть в ст. 128 ГК РФ? Этого авторы Доклада не проясняют.

Попробуем разобраться. «Объект» в философском плане — это часть реальности, на которую человек обращает свою деятельность или направляет свои познания²⁶; говоря иначе, понятие объект — это часть субъект-объектной системы координат, в которой существует человеческое общество. Соответственно, понятие «объект гражданских прав» — это отражение такой системы, в которой право описывает частные (горизонтальные) отношения: есть субъекты, между ними возникают отношения по поводу присвоения в разных формах явлений внешнего (к субъектам) мира.

Объект гражданских прав — это прежде всего определенная идея, которая появляется путем абстрагирования признаков различных явлений (объектов) внешнего мира, не относимых к субъектной его части, с «маркированием» определенной группы объектов каким-то единым родовым понятием (к примеру, «земля»).

Внутри общего рода может быть затем определенное структурирование (и даже в форме

²⁵ И кстати, не только в этом фрагменте. Приведем еще вот этот: «Цифровой рубль имеет все шансы стать широко распространенным платежным инструментом и использоваться *наряду с наличными деньгами и средствами на счетах в коммерческих банках*» (с. 12).

²⁶ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемеров. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт, 1998. С. 601.

иерархизации), с выделением внутри родового объекта каких-то его видов, не выходящих по своим признакам за пределы родовых характеристик.

Абстрагирование, «маркировка» может иметь серьезные допуски, «зазоры», когда то или иное явление внешнего мира, объект относится к определенному роду объектов для достижения определенных политико-правовых задач (пример — отнесение к недвижимости подлежащих регистрации морских судов).

Так складывается определенная система объектов гражданских прав — «иерархически структурированная система правовых понятий»²⁷, в рамках которой на определенном этапе развития конкретного общества «раскладывается» на отдельные части (объекты) внешний (по отношению к конкретному субъекту) мир.

Такая система — отраженных в системе правовых понятий явлений внешнего мира — позволяет объяснить:

- разность субъективных прав, которые возникают у субъектов (вещные, обязательственные и исключительные), создав систему таких прав;
- разные возможности субъектов;
- систему ограничений;
- систему защиты прав и т.д.

Таким образом, *рациональная, адекватная, логичная система объектов гражданских прав — это одна из основ для построения релевантной системы гражданского права в целом.*

Субъект-объектная система координат изменчива, она сильно зависит от уровня развития общества, культуры; от того, кто признается субъектом права²⁸.

Соответственно, изменчива и система объектов гражданских прав. Чем сложнее общественная жизнь — тем сложнее эта система. Научно-технический прогресс — довольно существенный фактор, способный вызвать радикальное изменение в этой системе. Собственно, и появление явлений цифрового мира в этой

системе — это не что иное, как его следствие. Система объектов гражданских права поэтому не статична, а весьма подвижна; законодатель должен вовремя реагировать на изменения внешнего мира и отражать их в праве.

При этом любые изменения не должны нарушать логику системы, в противном случае возникают проблемы с правами, которыми могут обладать лица, с возможностями, которыми они обладают, со способами защиты, с границами правомерного и неправомерного поведения.

История с цифровым рублем грозит вылиться как раз в такое изменение (по крайней мере в нынешнем виде), которое логику системы нарушает:

- по своему определению, данному в Докладе, цифровой рубль — это цифровое право; однако по тем «привязкам», которые делаются авторами Доклада, — это то форма рубля, то вид безналичных денежных средств (вид иной формы). *Таким образом, понять, какое место цифровому рублю уготовили авторы Доклада, невозможно;*
- если определять цифровой рубль как самостоятельный объект гражданских прав, то это исключает его квалификацию и в качестве денег (денежных средств), и в качестве цифрового права, *говоря иначе, отдельным объектом гражданских прав быть не может;*
- если относить цифровой рубль к какому-либо из существующих объектов, что, как мы убедились, очень сомнительно, то для этого придется переписывать и ст. 128 ГК РФ; если относить его к деньгам (денежным средствам), то тогда указанную статью надо переписывать определенным образом, а также переделывать ст. 140 ГК РФ и целый ряд иных статей ч. I и II ГК РФ и основные законы в части правового положения Банка России и денежного обращения.

Дело в том, что у такого объекта возникает значительная специфика, и она должна быть учтена в части его правового режима.

²⁷ См.: Лапач В. А. Указ. соч. С. 184.

²⁸ Достаточно сказать, что и сам субъект в этой системе координат в определенных государствах и при определенных обстоятельствах мог поменять свой «маркер» с субъекта на объект.

Такой подход возможен, более того — он допустим, поскольку внутри крупных и сложных родовых объектов гражданских прав возможна специфика их правовых режимов. Типичный пример — недвижимость, которая имеет множество видов, которые, в свою очередь, имеют значительную специфику их возникновения, учета, обращения и прекращения существования в качестве объектов прав.

Однако пока Доклад оставляет больше вопросов, причем часть из них традиционно для текущего момента прикрывается новомодной терминологией. К примеру, как видно из описания моделей цифровой валюты, большую роль в этих моделях играет «*платформа центрального банка или платформа ЦВЦБ*»²⁹. Но что означает это понятие? В настоящее время слово «платформа» настолько бессистемно используется в нормативном материале и литературе — им обозначают значительное число феноменов, что утрачивается смысл: мы говорим сегодня «платформа» — и это значит, мы говорим ни о чем.

При этом «сокрытие» (или непонимание) этого аспекта внедрения цифрового рубля может привести к тому (ввиду особенностей некоторых их моделей цифрового рубля), что эта платформа будет позиционироваться как замена существующей банковской системы, что при определенных условиях может иметь негативные последствия для экономики. Как проблемная эта часть Доклада отмечена и в *Заключении АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»*³⁰, где констатировано, что «должны быть предусмотрены все детали построения и функционирования платежной платформы (кто будет оператором платформы, как будет осуществляться выпуск, как и кем будет выполняться валидация платежей, как будет происходить

обмен цифрового рубля на иные формы денег и т. п.)»;

— при анализе правового режима (потенциального) цифрового рубля может возникнуть проблема тождества — явления, которое не может быть в системе объектов гражданских права. В частности, неясно, чем предлагаемые новации отличаются от «электронных денежных средств» и множества иных феноменов, составляющих понятие «национальная платежная система»? Авторы Доклада сами время от времени обращаются здесь к аналогиям. К примеру, когда оценивается модель А (ст. 27) в части ее негативных моментов (из-за которых от нее отказываются авторы), указывается, что она «не несет дополнительных преимуществ... по сравнению с существующими платежными системами». Отсюда вопрос: не имеем ли мы в виде цифровой валюты игру словами, затемняющими смысл? Или все-таки отличия есть? Если так, хотелось бы понять, в чем они состоят.

Наконец, нельзя не обратить внимание на необходимость учета рисков, которые реализация положения может вызвать в части банковской системы³¹. Эти моменты пока не отражены в полной мере в Докладе.

Подводя итоги, заметим: то, что сегодня написано в Докладе о цифровом рубле как потенциальном объекте гражданских прав, выглядит неудовлетворительно и не позволяет оценить Доклад положительно.

Понятно, что доклад — это только первый этап из семи обозначенных этапов «от идеи до реализации» (с 1), однако надо понимать уже сейчас, как раз перед этапом разработки концепции цифрового рубля, что правовая часть — это, по существу, сегодня «пустое место» Доклада.

²⁹ В Докладе это сокращение словосочетания «цифровая валюта центрального банка».

³⁰ URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_banka_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 18.02.2021).

³¹ См.: Заключение АРБ по докладу Банка России «Цифровой рубль»; Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля? : Аналитическая записка. Январь 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Башкатов М. Л. Деньги в гражданском праве: очерк некоторых проблем теории / Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей. Вып. 12 / под ред. О. Ю. Шилохвоста — М. : Норма, 2008. — 336 с.
2. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 544 с.
3. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемерова. — 2-е изд., испр. и доп. — Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт, 1998. — 1064 с.
4. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 43–77.
5. Didenko A., Zetsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P. After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020. University of Hong Kong Faculty of Law. Research Paper No 2020/036. UNSW Law Research Paper No 20-59. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (дата обращения: 17.02.2021).

Материал поступил в редакцию 1 марта 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bashkatov M. L. Den'gi v grazhdanskom prave: ocherk nekotoryh problem teorii / Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava : sbornik statej. Vyp. 12 / pod red. O. Yu. Shilohvosta — M. : Norma, 2008. — 336 s.
2. Lapach V. A. Sistema ob"ektov grazhdanskih prav: teoriya i sudebnaya praktika. — SPb. :Yuridicheskij centr-Press, 2002. — 544 s.
3. Sovremennyy filosofskij slovar' / pod obshch. red. d. f. n. prof. V. E. Kemerova. — 2-e izd., ispr. i dop. — London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Lyukseburg, Moskva, Minsk : Panprint, 1998. — 1064 s.
4. Yankovskij R. M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i cifrovye den'gi // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. — 2020. — № 4. — S. 43–77.
5. Didenko A., Zetsche D. A., Arner D. W. and Buckley R. P. After Libra, Digital Yuan and COVID-19: Central Bank Digital Currencies and the New World of Money and Payment Systems (June 1, 2020). European Banking Institute Working Paper Series 65/2020. University of Hong Kong Faculty of Law. Research Paper No 2020/036. UNSW Law Research Paper No 20-59. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3622311> (data obrashcheniya: 17.02.2021).

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.066-075

Е. Е. Богданова*,
Д. А. Белова**

Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве¹

Аннотация. Статья посвящена анализу и оценке законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства», направленного на совершенствование законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Авторы отмечают положения законопроекта, заслуживающие поддержки ввиду их направленности на обеспечение интересов ребенка, и обосновывают целесообразность их закрепления в нормах российского права, в частности установление возрастных ограничений для потенциальных родителей, запрет коммерческого посредничества в сфере искусственной репродукции и др. В то же время выявляются положения, нуждающиеся в изменении в целях обеспечения баланса интересов всех участников складывающихся общественных отношений, и приводится соответствующая аргументация. Критическому анализу подвергнуты положения об ограничении доступа одиноких граждан к технологиям суррогатного материнства ввиду их необоснованности, противоречия положениям Конституции РФ и концептуальным подходам к пониманию семьи, материнства и детства.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; лечение бесплодия; суррогатное материнство; интересы ребенка; суррогатная мать; семья; материнство; отцовство; права и обязанности родителя; договор о суррогатном материнстве; установление происхождения ребенка; потенциальные родители; искусственная репродукция; эмбрион.

Для цитирования: Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 66–75. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.066-075.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14014.

© Богданова Е. Е., Белова Д. А., 2021

* Богданова Елена Евгеньевна, доктор юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
bogdanova.ee@yandex.ru

** Белова Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
dabelova@msal.ru

Actual Problems of Reforming Legislation on Surrogacy²

Elena E. Bogdanova, Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
bogdanova.ee@yandex.ru

Dina A. Belova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
dabelova@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis and evaluation of the draft law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regulating Surrogate Motherhood Issues” aimed at improving legislation in the field of assisted reproductive technologies. The authors highlight the provisions of the draft law that deserve support due to their focus on ensuring the interests of the child and substantiate the appropriateness of enshrining provisions under consideration in the rules of Russian law, in particular, provisions consolidating age restrictions for potential parents, the prohibition of commercial mediation in the field of artificial reproduction, etc. At the same time, the provisions that need to be changed in order to balance the interests of all participants in the emerging public relations are identified and substantiated. The authors subject to critical analysis provisions restricting access of single individuals to surrogacy technologies due to their unreasonableness, contradiction to the provisions of the Constitution of the Russian Federation and conceptual approaches to understanding the family, motherhood and childhood.

Keywords: assisted reproductive technologies; infertility treatment; surrogacy; child interests; surrogate mother; family; motherhood; paternity; rights and obligations of the parent; surrogacy contract; establishment of the child’s origin; potential parents; artificial reproduction; embryo.

Cite as: Bogdanova EE, Belova DA. Aktualnye problemy reformirovaniya zakonodatelstva o surrogatnom materinstve [Actual Problems of Reforming Legislation on Surrogacy]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):66-75. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.066-075. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время ведется работа над совершенствованием законодательства в области вспомогательных репродуктивных технологий. Одним из ее результатов стала разработка законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства», получившего зна-

чительный резонанс как в профессиональных кругах³, так и в обществе в целом⁴. Положения законопроекта заслуживают тщательного анализа ввиду их практической значимости и влияния не только на правовой статус, но и судьбы миллионов граждан.

Сам факт разработки законопроекта, регулирующего отношения, связанные с суррогат-

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14014.

³ Например: *Тягай Е.* Неестественный отбор: почему изменения в законодательстве о суррогатном материнстве не похожи на защиту семьи // URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/419043-neestestvennyy-otbor-pochemu-izmeneniya-v-zakonodatelstve-o-surrogatnom?fbclid=IwAR2EtjnapWAvhpjybWi-s-Wv0Xd8iLafXjE6xAVSoCJf0QpziU4kN-YPyqA> (дата обращения: 28.01.2021) ; *Дергунова В.* Правовые пробелы регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // URL: <https://advokatdergunova.ru/public/pravovie-probeli-gerulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rossii/> (дата обращения: 28.01.2021).

⁴ Например: *Замахина Т.* Иностранцам и одиноким не предлагать // URL: <https://rg.ru/2021/01/20/gosduma-izmenit-pravila-surrogatnogo-materinstva.html> (дата обращения: 28.01.2021) ; Юристы нашли в законо-

ным материнством, заслуживает безусловной поддержки. Действующее законодательство в рассматриваемой сфере включает отдельные нормы, не обеспечивающие интересы ни ребенка, ни суррогатной матери, ни потенциальных родителей. Требуется разработка законоположений, обеспечивающих охрану жизни, здоровья и имущественных интересов суррогатной матери, интересов потенциальных родителей в приобретении ими родительских прав, а также интересов будущего ребенка. Причем интересы будущего ребенка не просто должны быть учтены в нормах о вспомогательных репродуктивных технологиях, им необходимо обеспечить приоритет над интересами иных лиц, участвующих в данных отношениях.

На необходимость приоритетной защиты прав и интересов ребенка указывают положения как международного, так и национального законодательства (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ). Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, судами, исполнительными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка (ст. 3 Конвенции о правах ребенка 1989 г.⁵). Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения (положения Преамбулы Декларации прав ребенка 1959 г.⁶, Конвенции о правах ребенка 1989 г., Женевской декларации прав ребенка 1924 г.). Согласно ст. 67.1 Конституции РФ⁷ дети являются важнейшим приоритетом государственной по-

литики России. Названные положения диктуют необходимость первоочередного обеспечения интересов ребенка в случае возникновения конфликта его интересов, с одной стороны, и интересов потенциальных родителей в приобретении родительских прав — с другой.

В связи с этим представляется обоснованным положение законопроекта об установлении возрастных ограничений для потенциальных родителей. Разработчики законопроекта предлагают предоставить право на применение технологий суррогатного материнства мужчине и женщине в возрасте не старше 55 лет и не младше 25 лет. В пояснительной записке к законопроекту обоснование данного положения отсутствует, но на необходимость возрастного ценза для потенциальных родителей неоднократно обращалось внимание в доктрине⁸.

В соответствии с действующим законодательством ребенок имеет право на воспитание своими родителями (абз. 2 п. 2 ст. 54 СК РФ). В свою очередь, на родителей возлагается корреспондирующая обязанность как национальным законодательством, так и международными правовыми актами. Согласно ст. 18 Конвенции о правах ребенка родители несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Согласно п. 2 ст. 38 Конституции РФ забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы. Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей (ст. 63 СК РФ). Однако по объективным причинам (ввиду значительного возраста) родители рискуют не исполнить свою основную обязанность перед ребенком, оставив

проекте о суррогатных матерях нарушения Конституции // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007d4899a79477167e078cc> (дата обращения: 28.01.2021).

⁵ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

⁶ Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://pravo.gov.ru/>.

⁸ Например: *Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В.* Проблемы правового регулирования применения методов вспомогательных репродуктивных технологий // *Медицинское право.* 2006. № 3; *Романовский Г. Б.* Право на искусственное оплодотворение и экология размножения // *Законность.* 2003. № 7. С. 31–32.

его без родительского попечения. Безусловно, смерть родителей возможна и в молодом возрасте, однако ее риск неизбежно возрастает в более зрелом возрасте. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении за 2019 г., по данным Федеральной службы государственной статистики РФ, составляет 73,34 года⁹. Для исполнения родительских обязанностей до достижения ребенком возраста 18 лет родители должны быть не старше 55 лет на момент его рождения. В связи с этим закрепление возрастного ценза для потенциальных родителей на уровне 55 лет представляется обоснованным.

Законопроект устанавливает также нижнюю возрастную границу для допуска лиц к технологиям суррогатного материнства. Она составляет 25 лет и, на наш взгляд, обусловлена соображениями медицинского характера и необходимостью правовой охраны жизни и здоровья потенциальных родителей. Анализ медицинской литературы приводит к выводу, что формирование организма человека завершается примерно к 25 годам¹⁰. Воздействие лекарственных препаратов, инвазивных процедур, применяемых при искусственной репродукции, может оказать неблагоприятные последствия на растущий организм. Кроме того, поскольку только к 25 годам формируются все системы человеческого организма, включая его репродуктивную систему, лишь по его достижении медики могут дать обоснованную оценку репродуктивных способностей лица.

Ограничение права на применение технологий суррогатного материнства достижением определенного возраста само по себе не является незаконным. Согласно п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека¹¹ при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения спра-

ведливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо, в том числе в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц. Таким образом, в целях защиты прав и законных интересов будущего ребенка как слабой стороны регулируемых отношений, нуждающейся в особой защите со стороны государства, федеральным законом могут быть введены известные ограничения репродуктивных прав потенциальных родителей, в том числе и ограничения возраста доступа к технологиям суррогатного материнства.

В то же время рассматриваемое положение законопроекта представляется нам недостаточно полным и последовательным. Во-первых, установление возрастного ценза потенциальных родителей в интересах будущего ребенка необходимо при применении не только метода суррогатного материнства, но и иных вспомогательных репродуктивных технологий. Во-вторых, обеспечение интересов будущего ребенка требует не только установления возрастных ограничений, но и исключения из числа родителей лиц при наличии на стороне родителя одного из следующих обстоятельств:

- 1) лишение по суду родительских прав или ограничение судом в родительских правах;
- 2) отстранение от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей;
- 3) отмена усыновления судом по вине лица;
- 4) лицо имеет или имело судимость, подвергается или подвергалось уголовному преследованию (за исключением прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также за пре-

⁹ URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.01.2021).

¹⁰ Капилевич Л. В., Кабачкова А. В., Дьякова Е. Ю. Возрастная морфология : учебное пособие. Томск : Томский государственный университет, 2009. С. 77, 78, 80–83 и др.

¹¹ Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

ступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, а также имеет судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Подобные ограничения известны законодательству зарубежных стран. Например, закон штата Виктория (Австралия) предусматривает презумпции, не допускающие лицо к применению ВРТ, если женщина или ее партнер имеют: а) доказанные обвинения в сексуальных или насильственных преступлениях; б) в их адрес вынесены постановления об изъятии ребенка. Однако исключенное по таким основаниям лицо может обратиться в специализированный орган (Коллегия по проверке пациентов), которая вправе принять решение о его допуске к ВРТ¹².

В целом заслуживает безусловной поддержки предложение авторов законопроекта о запрете любой коммерческой посреднической деятельности в сфере отношений суррогатного материнства. Обозначенные посредники извлекают прибыль, вовлекая в товарный оборот физиологические способности женщин (суррогатных матерей), а значит, самих женщин, поскольку невозможно рассматривать репродуктивные способности человека в отрыве от него самого. Функции организма, среди которых значимую роль играет репродуктивная функция, точно так же, как органы и ткани организма, являются составляющими человека как субъекта права. Вынашивание и рождение ребенка, являясь функцией женской репродуктивной системы, не могут отчуждаться в пользу иных лиц по договору, а также быть предме-

том посреднической деятельности третьих лиц и почвой для извлечения ими прибыли.

Заслуживает поддержки предложение о необходимости нотариального удостоверения договоров о суррогатном материнстве. В то же время оно является, на наш взгляд, неполным. **Следует в нормативном порядке определить не только форму, но и содержание договора о суррогатном материнстве.** Условия, на которых заключаются соответствующие договоры на практике, вызывают существенные возражения ввиду их противоречия положениям действующего законодательства.

В частности, стороны договора о суррогатном материнстве предусматривают обязанность суррогатной матери по передаче рожденного ею ребенка потенциальным родителям, а также санкции за ее нарушение. В то же время передача ребенка не может составлять объект обязательства. Во-первых, дети, являясь субъектами права, не могут быть предметами гражданско-правовых соглашений. Во-вторых, вопросы установления происхождения детей, а также их правового статуса императивно урегулированы положениями семейного законодательства и не могут быть предметом договорного регулирования. Согласно ст. 54, п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации¹³ ребенок должен проживать со своими родителями и воспитываться ими. Родители не вправе заключать соглашения с иными лицами о передаче им ребенка. В свою очередь, вопрос о том, кто является родителями ребенка, решен законодателем императивно в нормах гл. 10 СК РФ, которые не могут быть изменены соглашением заинтересованных лиц.

В частности, лица, давшие письменное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями только с согласия суррогатной матери, выраженного ею *после рождения ребенка* (абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ). Соответственно, если суррогатная мать даст согласие на запись потен-

¹² Assisted Reproductive Treatment Act 2008 (No. 76 of 2008) // Victorian Numbered Acts. URL: http://classic.austlii.edu.au/au/legis/vic/num_act/.

¹³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

циальных родителей родителями рожденного ею ребенка, то последние приобретут родительские права, в том числе право на воспитание и совместное проживание с ребенком, и вправе будут потребовать ребенка от любого лица, незаконно удерживающего его у себя (п. 1 ст. 68 СК РФ). Если же суррогатная мать не выразит соответствующее согласие после рождения ребенка, она будет записана в качестве матери рожденного ею ребенка и будет осуществлять в отношении него родительские права и обязанности. В этом случае потенциальные родители не вправе требовать передачи им ребенка независимо от содержания договора о суррогатном материнстве, поскольку рассмотренные правила определения личности родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, носят императивный характер и не могут быть изменены или дополнены соглашением сторон. Таким образом, вопросы установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, места его проживания не могут составлять предмет договорного регулирования, а соответствующие условия договора о суррогатном материнстве являются недействительными.

В договорах о суррогатном материнстве достаточно часто предусматривается обязанность суррогатной матери дать согласие на запись контрагентов родителями ребенка после его рождения. Более того, условиями договора на суррогатную мать возлагаются меры ответственности на случай невыражения ею указанного согласия. Подобные условия договора о суррогатном материнстве также противоречат положениям действующего законодательства.

Во-первых, согласие на запись иных лиц родителями ребенка суррогатная мать выражает *после его рождения*, что прямо следует из абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об актах гражданского состояния»¹⁴. Закрепляя данные правила, законодатель исходил из того, что в процессе *вынашивания и рождения ребенка* у суррогатной матери могут возникнуть по отношению к нему материнские чувства. Соответственно, воля суррогатной матери, выра-

женная ею до имплантации эмбриона, может претерпеть под влиянием данных обстоятельств существенные изменения. Именно с волей, сформированной суррогатной матерью *после вынашивания и рождения ребенка*, законодатель связывает правовую возможность возникновения родительских прав у потенциальных родителей. Следовательно, воля суррогатной матери на запись иных лиц родителями рожденного ею ребенка, сформированная при иных жизненных обстоятельствах, не может связывать суррогатную мать и не имеет правового значения.

Во-вторых, суррогатная мать, отказывающаяся дать согласие на запись потенциальных родителей родителями рожденного ею ребенка, действует правомерно. В свою очередь, правомерное поведение не может влечь возложения на лицо неблагоприятных имущественных последствий, являющихся мерами гражданско-правовой ответственности, если иное прямо не предусмотрено законом. Таким образом, можно сформулировать вывод о необходимости законодательного закрепления правового режима договора о суррогатном материнстве, разработанного с учетом интересов как сторон договора, так и ребенка, который будет рожден суррогатной матерью.

Некоторые положения рассматриваемого законопроекта вызывают сомнения и возражения. В частности, авторами предлагается при государственной регистрации органами ЗАГС ребенка, рожденного суррогатной матерью, обязать заявителей предъявлять документы, подтверждающие гражданство (вид на жительство) Российской Федерации и регистрацию брака родителей, а также медицинское заключение, дающее основание на применение родителями технологий суррогатного материнства. В то же время ***предъявление документов, подтверждающих право на применение технологий суррогатного материнства, целесообразно не на момент государственной регистрации рождения ребенка, а перед началом проведения программы суррогатного материнства.*** Если необходимые документы отсутствуют, по-

¹⁴ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

тенциальным родителям должно быть отказано в применении технологий суррогатного материнства, а не в регистрации уже рожденного ребенка. Подход разработчиков законопроекта нарушает интересы будущего ребенка, лишая его родительского попечения в случае несоблюдения потенциальными родителями условий допуска к методам ВРТ.

Категорические возражения вызывает положение законопроекта, ограничивающее допуск к технологиям суррогатного материнства одиноким гражданам. Разработчики законопроекта наделили правом на применение технологий суррогатного материнства исключительно мужчину и женщину, состоящих в зарегистрированном браке между собой, не ранее чем через год после регистрации брака. Данное положение законопроекта обосновывается в пояснительной записке тем, что российское законодательство не признает незарегистрированный союз мужчины и женщины браком (п. 2 ст. 1 СК РФ). Взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности порождает только союз мужчины и женщины, зарегистрированный в органах ЗАГС. При этом разработчики законопроекта не учитывают ряд концептуальных положений.

Во-первых, рождение детей связано не с реализацией супружеского статуса, а с осуществлением права на частную жизнь, принадлежащего каждой отдельной личности (ст. 150 ГК РФ). Содержание права на частную жизнь составляет возможность гражданина по своему усмотрению определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности, в том числе решать вопросы, связанные с деторождением. В деле «P. и S. против Польши»¹⁵ Европейский

Суд по правам человека подтвердил, что понятие частной жизни по смыслу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁶ применяется к решениям становиться или не становиться родителем. Аналогичные выводы сделаны ЕСПЧ в решениях «Эванс против Соединенного Королевства» (§ 71), «Диксон против Соединенного Королевства» (§ 66), «Парадизо и Кампанелли против Италии» (§ 163 и 215). При этом частная жизнь граждан как объект правовой охраны названа Конституцией РФ (ст. 23, 24). Неприкосновенность частной жизни провозглашена в Декларации прав и свобод человека и гражданина¹⁷ (ст. 9), а также нормах международного права (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека¹⁸, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁹, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). В связи с этим одиноким гражданам должна быть предоставлена возможность по своему усмотрению решать вопросы, связанные с деторождением, в том числе путем применения вспомогательных репродуктивных технологий при постановке диагноза «бесплодие».

Во-вторых, вспомогательные репродуктивные технологии, в том числе суррогатное материнство, представляют собой методы лечения бесплодия. В свою очередь, согласно п. 1 ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Следовательно, ограничение права одиноким гражданам на применение технологий суррогатного материнства представляет собой ограничение их права на медицинскую помощь.

Возможно, предвидя подобные контраргументы, разработчики законопроекта попытались избежать применения термина «лечение»

¹⁵ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng> (дата обращения: 28.01.2021).

¹⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁷ Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 26.12.1991. № 52. Ст. 1865.

¹⁸ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

¹⁹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 7. Ст. 291.

при определении вспомогательных репродуктивных технологий, заменив его понятиями «преодоление и замещение бесплодия». Однако замена понятий не меняет сути явлений. При применении методов ВРТ осуществляется комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни. Комплекс подобных вмешательств составляет понятие лечения согласно п. 8 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁰.

Более того, ч. 2 ст. 7 Конституции РФ гарантирует государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Формой такой государственной поддержки является и применение вспомогательных репродуктивных технологий. Конституционный Суд РФ в определении № 880-О от 15.05.2012 отметил, что значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии. Правовое регулирование в сфере использования репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство, осуществляется на основе предписаний ст. 7, 38 (ч. 1) и 41 (ч. 1) Конституции РФ. Таким образом, позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе технологии суррогатного материнства, обеспечивает и материнство, и отцовство, а потому исключение одиноких граждан из числа субъектов права на применение технологий суррогатного материнства будет противоречить конституционным положениям (ч. 1, 3 ст. 19, ч. 2 ст. 7 Конституции РФ).

Иной подход будет означать дискриминацию по признаку семейного положения, не

обеспечивая при этом интересы детей, так как в настоящее время отсутствуют данные, что воспитание детей одинокими гражданами препятствует формированию физически и психологически здоровой личности. В современной России 5 млн (около трети) детей воспитываются одинокими женщинами и 600 тыс. — одинокими отцами²¹.

Кроме того, одинокие граждане не лишены права на усыновление ребенка (ст. 127 Семейного кодекса РФ). В связи с этим представляется нелогичным ограничение их права на доступ к технологиям суррогатного материнства с целью рождения генетически связанного с ними ребенка. Закрепление подобного положения на уровне закона приведет к нарушению системности действующего законодательства.

В-третьих, ограничение права одиноких граждан на применение технологий суррогатного материнства вряд ли приведет к укреплению брака и семьи, как декларируют разработчики законопроекта. Скорее, оно будет содействовать заключению браков лишь для цели осуществления права на ВРТ, ставя под сомнение добровольность их совершения. Вряд ли в рамках подобной вынужденной правовой формы будут развиваться здоровые семейные отношения.

Более того, законодательный запрет на применение одинокими гражданами технологий суррогатного материнства приведет к значимому сокращению рождаемости, учитывая число одиноких мужчин и женщин детородного возраста²².

В-четвертых, ошибочной представляется позиция авторов законопроекта, согласно которой возможность применения суррогатного материнства одинокими мужчинами и одинокими женщинами не направлена на поддержку семьи, материнства и детства, не соответствует традиционным понятиям семьи и материнства. Материнство — это биологическая и правовая связь между женщиной и ребенком, происходящим от нее. Аналогичным образом

²⁰ Российская газета. № 263. 23.11.2011.

²¹ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5899c3949a7947cd04125cc5>.

²² URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf.

конструируется понятие отцовства. Существование отношений материнства и отцовства не ставится в зависимость от супружеского статуса матери или отца. Отношения матери и ребенка, отца и ребенка являются семейными, опять же независимо от того, состоят ли мать или отец ребенка в браке. В связи с этим именно ограничение возможности применения суррогатного материнства одинокими гражданами не соответствует конституционным положениям о защите государством семьи, материнства и детства (ст. 38), а также о государственной поддержке семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7).

В этой связи можно сформулировать вывод о необходимости надления одиноких граждан РФ правом на применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства.

Определенную угрозу семейным отношениям может представлять действующее в настоящее время законоположение о том, что право на применение ВРТ могут *совместно* осуществлять мужчина и женщина, не состоящие в браке между собой. Во-первых, такие лица могут состоять в близкой степени родства, что представляет угрозу здоровью потомства, поскольку накопление патологических генов увеличивает риск рождения детей с тяжелыми заболеваниями. Государства, проявляя заботу о здоровье потомства супругов, традиционно в качестве препятствия к заключению брака рассматривали наличие близкой степени родства (абз. 3 ст. 14 СК РФ, § 1307 Гражданского уложения Германии, ст. 161–163 Гражданского кодекса Франции). Целесообразно закрепление соответствующего обстоятельства в качестве препятствия к совместному осуществлению права на применение ВРТ мужчиной и женщиной, не состоящими в браке между собой.

Во-вторых, мужчина и женщина, не состоящие в браке между собой и обращающиеся за применением ВРТ, могут состоять при этом в браке и, соответственно, в семейных отношениях с иными лицами. Допущение подобной возможности противоречит п. 1 ст. 38 Конституции РФ, п. 1 ст. 1 СК РФ, поскольку приводит не к укреплению семьи, уже созданной такими лицами с иными гражданами и находящейся под защитой государства, а к ее разрушению. Более того, это нарушает законные интересы ребенка, который родится в таком «союзе» в результате применения ВРТ. Согласно п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, но если у каждого из его генетических родителей создана семья с иными лицами, возникает вопрос, найдется ли место этому ребенку хотя бы в одной из них. Учитывая обозначенные обстоятельства, законодатель не допускает совместного усыновления ребенка лицами, не состоящими в браке между собой (п. 4 ст. 127 СК РФ). В целях обеспечения системности законодательства и защиты законных интересов детей, рожденных в результате применения ВРТ, в том числе суррогатного материнства, стоит закрепить требование о том, чтобы мужчина и женщина, не состоящие в браке и обращающиеся за применением ВРТ, не состояли в браке с иными лицами.

Таким образом, действующее законодательство в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, нуждается в совершенствовании. Однако разработанный законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов суррогатного материнства» нуждается в доработке, а также пересмотре ряда положений с целью обеспечения прав и законных интересов всех участников отношений, подлежащих регламентации, и в первую очередь будущего ребенка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Дергунова В.* Правовые пробелы регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // URL: <https://advokatdergunova.ru/public/pravovie-probeli-gerulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rossii/> (дата обращения: 28.01.2021).
2. *Замахина Т.* Иностранцам и одиноким не предлагать // URL: <https://rg.ru/2021/01/20/gosduma-izmenit-pravila-surrogatnogo-materinstva.html> (дата обращения: 28.01.2021).
3. *Капилевич Л. В., Кабачкова А. В., Дьякова Е. Ю.* Возрастная морфология : учебное пособие — Томск : Томский государственный университет, 2009.
4. *Романовский Г. Б.* Право на искусственное оплодотворение и экология размножения // Законность. — 2003. — № 7. — С. 30–33
5. *Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В.* Проблемы правового регулирования применения методов вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. — 2006. — № 3. — С. 3–9
6. *Тягай Е.* Неестественный отбор: почему изменения в законодательстве о суррогатном материнстве не похожи на защиту семьи // URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/419043-neestestvennyy-otbor-pochemu-izmeneniya-v-zakonodatelstve-o-surrogatnom?fbclid=IwAR2EtjnapWAvhpjybWi-sWv0Xd8iLafXjE6xAVSoCJf0QpziU4kN-YPyqA> (дата обращения: 28.01.2021).
7. Юристы нашли в законопроекте о суррогатных матерях нарушения Конституции // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007d4899a79477167e078cc> (дата обращения: 28.01.2021).

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dergunova V. Pravovye probely regulirovaniya surrogatnogo materinstva v Rossijskoj Federacii // URL: <https://advokatdergunova.ru/public/pravovie-probeli-gerulirovaniya-surrogatnogo-materinstva-v-rossii/> (data obrashcheniya: 28.01.2021).
2. Zamahina T. Inostrancam i odinokim ne predlagat' // URL: <https://rg.ru/2021/01/20/gosduma-izmenit-pravila-surrogatnogo-materinstva.html> (data obrashcheniya: 28.01.2021).
3. Kapilevich L. V., Kabachkova A. V., D'yakova E. Yu. Vozrastnaya morfologiya : uchebnoe posobie — Tomsk : Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2009.
4. Romanovskij G. B. Pravo na iskusstvennoe oplodotvorenie i ekologiya razmnozheniya // Zakonnost'. — 2003. — № 7. — S. 30–33
5. Sergeev Yu. D., Pavlova Yu. V. Problemy pravovogo regulirovaniya primeneniya metodov vspomogatel'nyh reproductivnyh tekhnologij // Medicinskoe pravo. — 2006. — № 3. — S. 3–9
6. Tyagaj E. Neestestvennyj otbor: pochemu izmeneniya v zakonodatel'stve o surrogatnom materinstve ne pohozhi na zashchitu sem'i // URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/419043-neestestvennyy-otbor-pochemu-izmeneniya-v-zakonodatelstve-o-surrogatnom?fbclid=IwAR2EtjnapWAvhpjybWi-sWv0Xd8iLafXjE6xAVSoCJf0QpziU4kN-YPyqA> (data obrashcheniya: 28.01.2021).
7. Yuristy nashli v zakonoproekte o surrogatnyh materyah narusheniya Konstitucii // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2021/6007d4899a79477167e078cc> (data obrashcheniya: 28.01.2021).

Объект виндикации: проблемы правоприменения

Аннотация. В статье рассматриваются объекты гражданских прав с целью установления их возможности быть объектом виндикации. Проведен анализ таких объектов, как вещи, «бестелесные вещи», безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, объекты интеллектуальной собственности, доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, цифровые права, криптовалюта и др. Выявлена правовая природа указанных объектов с учетом теории права и правовых позиций судов. Как следствие, приведена аргументация относительности возможности или невозможности их виндикации по правилам ст. 301 Гражданского кодекса РФ. Рассмотрены также вопросы наличия специальных механизмов защиты прав правообладателей бездокументарных ценных бумаг и долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью на предмет их соотношения с виндикацией. Проведен анализ судебной практики по вопросу истребования объектов гражданского права из чужого незаконного владения. Сделаны выводы относительно того, какие объекты могут быть объектом виндикации непосредственно на основании ст. 301 ГК РФ, какие объекты могут быть истребованы по аналогии закона и какие объекты являются невиндицируемыми.

Ключевые слова: виндикация; истребование; защита права; вещи; бестелесные вещи; объекты гражданских прав; вещное право; гражданское право; владение; право; актуальные проблемы; цифровые права; криптовалюта.

Для цитирования: Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 76–93. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.076-093.

An Object of Vindication: Problems of Law Enforcement

Anastasia A. Guseva, Graduate Student (LL.M.), National Research University Higher School of Economics; Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000
aguseva_legal@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to examining objects of civil rights in order to establish whether it is possible to subject them to vindication. The paper analyzes such objects as things, “incorporeal things”, non-cash funds, uncertified securities, intellectual property, shares in the authorized capital of limited liability companies, digital rights, cryptocurrency, etc. The author determines the legal nature of the objects under consideration with due regard to the theory of law and legal stances of courts. As a consequence, the author substantiates the relativity of the possibility or impossibility of their vindication under Art. 301 of the Civil Code of the Russian Federation. Also, the author examines the issues of existence of special mechanisms for protection of rights holders of uncertified

© Гусева А. А., 2021

* Гусева Анастасия Александровна, магистр права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», бакалавр права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
aguseva_legal@mail.ru

securities and shares in the authorized capital of limited liability companies to find the interrelation between them and vindication. The paper provides the analysis of judicial practice on the issue of claiming civil law objects from someone else's illegal possession. Conclusions are drawn as to which objects can be subject to vindication under Art. 301 of the Civil Code of the Russian Federation, which objects can be claimed by analogy of the law and which objects cannot be subjected to vindication.

Keywords: vindication; claim; protection of law; things; incorporeal things; objects of civil rights; property law; civil law; ownership; law; actual problems; digital rights; cryptocurrency.

Cite as: Guseva AA. Obekt vindikatsii: problemy pravoprimereniya [An Object of Vindication: Problems of Law Enforcement]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):76-93. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.076-093. (In Russ., abstract in Eng.).

Виндикационный иск как способ защиты нарушенного права закреплен в ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. По своей природе он является вещно-правовым и определяется как иск невладельца собственника к владеющему несобственнику².

В рамках спора об истребовании имущества из чужого незаконного владения исследуются следующие обстоятельства: 1) наличие у истца права собственности (иного вещного титула) на истребуемое индивидуализированное имущество; 2) наличие спорного имущества в натуре; 3) характер выбытия имущества из владения собственника (по воле / помимо воли); 4) отсутствие между истцом и ответчиком отношений обязательственного характера по поводу истребуемой вещи и 5) недобросовестность ответчика.

В то же время важную роль в споре об истребовании имущества из чужого незаконного владения играет объект виндикации, так как именно принадлежность к тому или иному объекту гражданских прав предопределяет саму возможность удовлетворения иска. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть объект виндикации с теоретической и практической точек зрения. Поскольку если тот или иной объект не может быть объектом виндикации, то виндикационный иск не приведет к восстановлению нарушенного права и реальной защите.

Автором исследуются объекты гражданских прав на предмет их возможности быть виндцированными как таковыми на основании ст. 301, 302 ГК РФ. Анализ судебной практики показывает, что в некоторых случаях квалификация спорных отношений является неправильной, и использование вещно-правового способа защиты права не соответствует природе возникших отношений.

При этом в отношении некоторых объектов не вызывает сомнений, что они не могут быть объектом виндикации (например, нематериальные блага (п. 1 ст. 150 ГК РФ) ввиду неразрывности связи с личностью конкретного субъекта правоотношений). Поэтому они подробно не исследуются в настоящей статье.

1. Вещи

Объекты гражданских прав легально закреплены в ст. 128 ГК РФ. Первыми поименованными объектами являются вещи, которые исторически появились ранее всех остальных объектов.

В цивилистике вещь определяется как «предмет материального мира, могущий быть в обладании человека и служащий удовлетворению большинства его потребностей»³. Отмечается, что вещь рассматривается как материальный,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/document/343/> (дата обращения: 01.06.2020).

² Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

³ Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. Т. 1.

телесный объект имущественного оборота⁴, а «существенным свойством вещи [является] ее телесность, т.е. принадлежность к физическим телам»⁵.

Еще в начале XX в. Ю. С. Гамбаров выделил следующие признаки вещи: телесность (находится в пространстве, ограничивается пространством, воспринимается непосредственно нашими органами чувств), имущественная ценность, оборотоспособность и самостоятельность⁶.

С. А. Сеницын указывает, что «возможно разграничить вещи на две большие группы: индивидуально-определенные вещи по природе и объекты, в отношении которых действует нормативно установленный режим вещи в силу норм объективного права и которые по своим физическим характеристикам не отвечают идентифицирующим признакам вещи. Речь идет о специфических объектах (энергия, газ, ткани и органы человека, микроорганизмы)»⁷.

В связи с вышеуказанным делением стоит остановиться на концепции так называемых бестелесных вещей. Некоторыми учеными высказывается позиция о возможности существования в отношении них вещных прав. Однако подобная позиция подвергается критике, в связи с чем С. В. Бородкин пишет, что «защи-

та интересов обладателя прав на бестелесные объекты... в российском праве не может быть осуществлена посредством вещно-правовых способов»⁸.

Ю. С. Гамбаров, рассматривая римскую концепцию деления вещей на телесные (*res corporales*) и бестелесные (*res incorporales*), указывал, что европейской юриспруденцией в данные понятия вкладывается иной смысл, нежели римскими юристами. В связи с этим создается «новая категория “бестелесных вещей”, охватывающая собой все блага, не имеющие телесного бытия, но защищаемые объективным правом»⁹. Ученый отмечал, что указанная категория является фикцией, в результате чего «бестелесные вещи» приравниваются к вещам, не обладая при этом признаками вещи, что является неправильным, поскольку «бестелесная вещь заключает в себе внутренне противоречие»¹⁰.

Например, традиционно в качестве бестелесной вещи рассматривается электрическая энергия¹¹. А. Д. Жанэ пишет, что «с гражданско-правовой точки зрения энергию следует относить к категории вещей (так называемому бестелесному имуществу), обладающих рядом специфических свойств»¹². Некоторые ученые также придерживаются позиции принадлежности энергии к объектам вещного права¹³.

⁴ Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М. : Деловой двор, 2010 ; Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.

⁵ Васильев Г. С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2007. С. 278–325.

⁶ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права: Часть Общая. СПб., 1911. Т. 1. С. 571–574.

⁷ Сеницын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

⁸ Бородкин С. В. Новый подход к классификации объектов вещных прав // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 50–58.

⁹ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 577–578.

¹⁰ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 579.

¹¹ Однако стоит отметить, что Ю. С. Гамбаров полагал, что электрическая энергия относится к телесным вещам (Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 575).

¹² Цит. по: Богданова Е. В. Проблемы предмета договора энергоснабжения // Современное право. 2006. № 5.

¹³ Шведкова О. В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 52–57.

Полагаем, что квалификация электрической энергии в качестве вещи (пусть даже бестелесной) не имеет практического смысла, поскольку применение в отношении электрической энергии вещно-правовых способов защиты (например, виндикации) представляется явно невозможным. В связи с этим рассуждения о вещной, но бестелесной природе электрической энергии бесперспективны. Для обязательственных же прав (например, для договора энергоснабжения) подобная квалификация не является необходимой.

По нашему мнению, бестелесная вещь — не что иное, как оксюморон, в результате которого предпринимается безрезультатная попытка распространить правовой режим вещи на объекты, которые вещами не являются. Поэтому полагаем, что неотъемлемым признаком категории «вещь» является ее телесность (осязаемость)¹⁴.

Установление правовой природы объекта в качестве вещи влечет важное практическое последствие — возможность существования в отношении этого объекта вещных прав. В науке подчеркивается, что объектом вещных прав могут служить только вещи, при этом только индивидуально определенные, «ибо осуществление хозяйственного господства невозможно в отношении неиндивидуализированного, абстрактно представляемого имущества»¹⁵.

В то же время нельзя не отметить, что не любой осозаемый объект гражданское право наделяет правовым режимом вещи. Это объясняется тем, что «вещь в физике» и «вещь в цивилистике» — не тождественные понятия, но, безусловно, в какой-то части пересекающиеся.

К. И. Скловский же отмечает, что «в природе вообще не существует вещей. Вещь — это продукт социальности, результат деятельности человеческого общества, направленной на разрыв природных связей и создание явлений, чуждых природе, утративших с ней связь»¹⁶. Однако, на наш взгляд, принадлежность объекта к право-

вой категории вещей все-таки изначально предопределяется именно физическими свойствами.

Вещь является вещью не только в силу осозаемости, но и потому, что правовой порядок признал ее таковой. Например, с точки зрения физики звезду (небесное тело) можно охарактеризовать как вещь, но для гражданского права такие вещи являются невидимыми. Фактически существует категория «физических вещей», которые для цивилистики в целом и для гражданского оборота в частности вещами не являются. В данном случае речь идет о таком признаке вещи, как оборотоспособность.

Гражданское право опосредует оборот, поэтому если какой-то объект в нем не участвует, то даже при наличии свойства телесности квалификация его в качестве вещи лишена всякого смысла. Выявление принадлежности объекта к тому или иному объекту гражданских прав в результате должно влечь практическую значимость и применимость, поскольку классификация ради классификации и квалификация ради квалификации — бессмысленные и схоластические явления.

Ученые отмечают, что «объектом виндикации во всех *без исключения* случаях является индивидуально-определенная вещь, сохранившаяся в натуре»¹⁷ (выделено курсивом автором). Подобной категоричности можно возразить лишь в той части, что объектом виндикации может быть и родовая вещь, но индивидуализированная (то есть обладающая признаками, позволяющими ее выделить среди вещей того же рода).

Важно отметить, что момент появления вещи в российском юридическом пространстве обусловлен юридическим фактом физического первоначального создания. Недвижимая же вещь возникает только после государственной регистрации (ст. 219 ГК РФ), за исключением ряда случаев, прямо указанных в законе.

Р. С. Бевзенко отмечает, что «незарегистрированное здание же не вещь, а часть участка; на

¹⁴ Далее по тексту статьи автором под вещью понимается только телесная (осозаемая) вещь, за исключением специального указания на категорию «бестелесная вещь».

¹⁵ Суханов Е. А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 1.

¹⁶ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М. : Статут, 2010. С. 856.

¹⁷ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017.

часть вещи собственности не бывает, так как не может быть вещного права на не вещь»¹⁸.

Таким образом, виндикационный иск, являясь вещно-правовым, может быть предъявлен в отношении вещей, к которым относятся в том числе наличные денежные средства и документарные ценные бумаги.

Наибольшие проблемы истребования наличных денег связаны с возможностью их индивидуализации. Суды откажут в виндикации наличных денежных средств, если истцом не представлены доказательства их индивидуализации: например, доказательства того, что купюры были пронумерованы и они обладают характеристиками, позволяющими индивидуально определить каждую из купюр¹⁹.

Документарные ценные бумаги представляют собой документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права (ст. 142 ГК РФ). Требование собственника (уполномоченного собственником лица) о возврате ценных бумаг носит виндикационный характер и может быть удовлетворено лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 302 ГК РФ²⁰.

Истребование документарных ценных бумаг от незаконного владельца осуществляется по правилам ГК РФ об истребовании вещи из чужого незаконного владения (ст. 301–303 ГК РФ) с особенностями, предусмотренными ст. 147.1 ГК РФ²¹. Наличные денежные средства и документарные ценные бумаги не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя даже в том случае, когда они выбыли из владения правообладателя помимо его воли (п. 3

ст. 302 ГК РФ). Не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя также ордерные и именные ценные бумаги, удостоверяющие денежное требование (п. 3 ст. 147.1 ГК РФ).

Стоит отметить, что объектом виндикации может быть только вещь в целом, истребование части вещи невозможно в силу правовой природы виндикационного иска, а также в силу того, что вещное право не может существовать в отношении части вещи. Например, не может быть объектом истребования из чужого незаконного владения часть земельного участка или часть помещения, поскольку они не являются самостоятельными объектами гражданских прав²².

2. Доля в общей долевой собственности

В науке существует несколько концепций относительно правовой природы доли в общей долевой собственности: концепции доли в праве, идеальной доли, реальной доли и доли в стоимости вещи²³. Наибольшей же поддержки в науке получили первые две, однако и они подвергаются критике.

Не ставя своей задачей детальный анализ достоинств и недостатков указанных подходов, отметим, что в современном гражданском праве доля в праве общей долевой собственности однозначно не является вещью. В связи с этим она не может быть истребована напрямую на основании ст. 301, 302 ГК РФ.

Автор настоящей работы придерживается концепции идеальной доли, поскольку в российской цивилистике долевая собственность не

¹⁸ Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем : Введение в российское право недвижимости. М. : М-Логос, 2017. С. 48.

¹⁹ Постановление 17 ААС от 12.04.2018 по делу № А60-41793/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

²⁰ П. 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

²¹ П. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²² Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.12.2019 по делу № А53-38783/2018 ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 06.04.2016 по делу № А32-20217/2011 ; постановление 6 ААС от 31.10.2019 по делу № А37-1774/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

предполагает деления вещи в натуре или выделение каких-либо частей вещи в собственность долевых собственников.

Российское гражданское законодательство исходит именно из идеальности долей, то есть долей, существующих в правовом поле, а не в привязке к каким-либо физическим границам (очертаниям) вещи. Например, в одном из дел суд указал, что по смыслу п. 1 и 2 ст. 244 ГК РФ доля в общей собственности простирается на все имущество в целом и не локализуется в какой-то конкретной его части²⁴.

Между тем природа доли в праве общей долевой собственности имеет тесную связь с вещью, что обуславливает возможность ее виндикации на основании ст. 301, 302 ГК РФ по аналогии закона²⁵.

3. Безналичные денежные средства

Правовая природа безналичных денежных средств долгое время вызывала дискуссии в науке. В связи с этим ряд ученых уже давно отстаивали позицию, согласно которой безналичные денежные средства являются правами требования имущественного характера, а не ве-

щами и, как следствие, в их отношении не могут возникнуть никакие вещные права (в том числе право собственности)²⁶.

На сегодняшний же момент действующая редакция ст. 128 ГК РФ однозначно относит безналичные денежные средства к имущественным правам.

Судебная практика также исходит из того, что по своей правовой природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт счет²⁷.

Е. А. Суханов отмечает невозможность использования вещно-правовых способов защиты права в отношении имущественных прав (безналичных денежных средств и т.п.)²⁸.

Стоит отметить, что обязательственные права (право требования, право аренды), будучи имущественными правами, не могут быть объектом виндикации, поскольку действующим законодательством не предусмотрен такой вещно-правовой способ защиты для правообладателей обязательственных прав как виндикация. Указанная позиция поддерживается и судебной практикой²⁹.

²³ Зарубин А. В. Природа доли в праве общей долевой собственности // Нотариус. 2018. № 7. С. 31–34.

²⁴ Постановление 7 ААС от 27.03.2008 по делу № А03-8597/2007 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

²⁵ П. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

²⁶ Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., 1996. С. 37 ; Суханов Е. А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 21–22.

²⁷ Постановление АС Московского округа от 25.09.2018 по делу № А40-129253/2017 ; постановление АС Московского округа от 25.07.2019 по делу № А40-172988/2018 ; постановление АС Московского округа от 28.12.2015 по делу № А40-99892/2014 ; постановление АС Поволжского округа от 25.02.2016 по делу № А55-1648/2015 ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 27.02.2017 по делу № А53-3967/2016 ; постановление АС Уральского округа от 03.03.2015 по делу № А76-26516/2013 ; постановление АС Уральского округа от 04.03.2013 по делу № А76-9088/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

²⁸ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017.

²⁹ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 20.08.2018 по делу № А03-339/2018 ; определение ВС РФ от 17.12.2018 № 304-ЭС18-20431 ; постановление АС Поволжского округа от 02.03.2016 по делу № А57-12490/2010 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

Относительно возможности истребования безналичных денежных средств суды отмечают, что безналичные денежные средства не являются вещами, поэтому они не могут быть объектом вещных прав³⁰, вследствие чего не может быть признано право собственности на безналичные денежные средства³¹, а их возврат не может быть осуществлен посредством вещно-правовых способов защиты права³².

Таким образом, природа безналичных денежных средств предопределяет невозможность их виндикации в порядке ст. 301, 302 ГК РФ.

4. Бездокументарные ценными бумаги

Бездокументарные ценные бумаги представляют собой обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона (ст. 142 ГК РФ). В отличие от документарных, бездокументарные ценные бумаги не имеют материального носителя.

Тем не менее в практике судов можно встретить указание на «право собственности на бездокументарные ценные бумаги»³³, что является ошибочным. Поскольку право собственности, будучи вещным правом, возникает в отношении вещей, к которым бездокументарные цен-

ные бумаги не относятся ввиду их бестелесного существования.

В юридической литературе иногда указывается на возможность существования права собственности на иные (помимо вещей) объекты. Между тем указанная позиция вызывает сомнения у ученых³⁴ и не поддерживается автором настоящей статьи.

Е. А. Суханов указывает, что способы гражданско-правовой защиты напрямую зависят от объекта гражданских прав, виндикация бездокументарных ценных бумаг невозможна, а «попытка распространения режима объектов вещных прав на... бездокументарные ценные бумаги... окончилась закономерной неудачей»³⁵.

Рассматривая споры об истребовании бездокументарных ценных бумаг, некоторые суды ссылаются на ст. 301, 302 ГК РФ, Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³⁶ и п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33, цитируя его содержание с *искажением*, добавляя следующую фразу «бездокументарные ценные бумаги, в число которых входят акции, по правовому статусу приравниваются к документарным ценным бумагам и могут быть предметом виндикации»³⁷. Однако в позиции ВАС РФ подобная формулировка отсутствует.

Можно выделить в том числе следующие особенности защиты нарушенных прав право-

³⁰ Постановление 11 ААС от 14.02.2019 по делу № А65-33381/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

³¹ Постановление 5 ААС от 12.02.2020 по делу № А51-10138/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

³² Постановление 17 ААС от 22.08.2018 по делу № А71-2519/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

³³ Постановление 13 ААС от 20.09.2011 по делу № А21-14156/2009 ; постановление АС Московского округа от 31.01.2019 по делу № А40-75384/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

³⁴ Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2018. Т. 2.

³⁵ Суханов Е. А. Указ. соч.

³⁶ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

³⁷ Постановление 5 ААС от 03.12.2015 по делу № А59-2884/2014 ; постановление 12 ААС от 10.05.2011 по делу № А57-3562/2008 ; постановление 5 ААС от 01.12.2016 по делу № А59-81/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

обладателей бездокументарных ценных бумаг: 1) иск содержит требование о возврате ценных бумаг, а не об их истребовании (поскольку бездокументарная ценная бумага в бумажной форме не существует, хранится в виде учетной записи, то есть вещью не является); 2) правообладатель вправе требовать те ценные бумаги, в которые конвертированы принадлежащие ему бездокументарные ценные бумаги и др. Однако несмотря на обозначенные особенности, суды отмечают, что это не вступает в противоречие с правилами ст. 301, 302 ГК РФ и не исключает их применение³⁸.

Кроме того, встречается позиция, что виндикация бездокументарных ценных бумаг не противоречит природе права собственности, а невозможность виндикации бездокументарных ценных бумаг явилась бы несоразмерным и несправедливым ограничением прав их правообладателей³⁹.

Подобный подход заслуживает критики и является, на наш взгляд, необоснованным, поскольку невозможность *виндикации* бездокументарных ценных бумаг не препятствует ее правообладателям защищать свои права с помощью специального механизма, предусмотренного в ст. 149.3 ГК РФ. В силу указанной нормы правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе требовать от лица, на счет которого ценные бумаги были зачислены, возврата *такого же количества* соответствующих ценных бумаг. Механизм же виндикационного иска заключается в возврате конкретной вещи, а не замены ее другой вещью или вещами того же рода и качества⁴⁰. Данный факт также подтверждает необходимость разграничения виндикационного иска (ст. 301 ГК РФ) и иска

о возврате бездокументарных ценных бумаг (ст. 149.3 ГК РФ), который в то же время имеет сходные условия удовлетворения.

Кроме того, виндикационный иск направлен на истребование имущества из чужого незаконного *владения*, что предполагает наличие *возможности владеть* истребуемым имуществом. Однако ВАС РФ указал, что исходя из специфики бездокументарной акции невозможно владеть ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания⁴¹.

Таким образом, полагаем, что бездокументарные ценные бумаги не могут быть виндцированы в порядке ст. 301, 302 ГК РФ. Для их возврата в ст. 149.3 ГК РФ предусмотрен специальный механизм. При этом представляется, что отсутствует необходимость применения виндикации по аналогии закона ввиду урегулирования механизма защиты правообладателей бездокументарных ценных бумаг.

5. Интеллектуальная собственность

Согласно статье 128 ГК РФ объектом гражданских прав являются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность). Понятие «интеллектуальная *собственность*», хотя и широко используется, с точки зрения теории является неточным. Это влечет лингвистическое смешение с правом собственности (вещным правом), хотя интеллектуальная собственность собственностью не является.

Результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации различны по признакам, правообладателям, правовому режиму

³⁸ Постановление АС Дальневосточного округа от 20.03.2020 по делу № А59-7663/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

³⁹ Постановление АС Поволжского округа от 17.04.2012 по делу № А57-5821/2011 ; постановление АС Уральского округа от 23.06.2005 по делу № А60-15758/2001 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁰ Постановление 14ААС от 21.01.2019 по делу № А05-7158/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁴¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.07.2012 № 1944/12 по делу № А55-11353/2010 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

и др. Однако общей чертой указанных объектов является их нематериальный характер.

Ученые отмечают, что «объекты интеллектуальной собственности, представляющие собой продукты духовной, мыслительной деятельности людей, не подвержены влиянию времени, не могут погибнуть, способны одновременно удовлетворять потребности множества людей и т.п. Поэтому их правовой режим не имеет ничего общего с режимом вещей»⁴².

В силу особой природы интеллектуальных прав к ним неприменим виндикационный иск, что обусловлено, в частности, тем, что «объекты интеллектуальной собственности не определяются с помощью таких вещно-правовых категорий, как масса, вес, длина и т.п.»⁴³. Это также прямо следует из п. 3 ст. 1227 ГК РФ, согласно которому к интеллектуальным правам не применяются положения разд. II ГК РФ (где и расположены положения о виндикационном иске).

Нормы ч. IV ГК РФ, регулирующие права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, не предусматривают их истребование из чужого незаконного владения в качестве способа защиты.

Приведем некоторые примеры из судебной практики. Суд отказал в удовлетворении иска об истребовании проектной документации, поскольку значение (потенциальную потребительскую ценность) проектной документации имеет не материальный носитель, а зафиксированная информация, а информация не виндицируется⁴⁴. Проект в своей архитектурной части является объектом исключительных, но не вещных прав.

В другом деле суд отказал в виндикации интернет-сайта ввиду нематериального характера данного объекта. Однако суд указал, что при суждению в указанной части в пользу истца подлежит документ, подтверждающий принадлежность обществу определенного сайта и его право пользования им, а именно договор на разработку, обслуживание и сопровождение интернет-сайта с приложением ключей, паролей, актов выполненных работ, сертификата правообладателя⁴⁵.

Также стоит отметить, что доменное имя хотя и не отнесено к числу результатов интеллектуальной деятельности⁴⁶, но в силу того, что оно является нематериальным объектом, «права на доменное имя нельзя рассматривать в качестве разновидности права собственности»⁴⁷. Следовательно, виндикация доменных имен также невозможно в силу их правовой природы.

6. Результаты работ и оказание услуги

Ранее в ГК РФ к объектам гражданских прав относились «работы и услуги». На настоящий момент объектами являются результаты работ и оказание услуг⁴⁸. Не ставя своей задачей проведение детального анализа различий между указанными объектами, отметим следующее.

При выполнении работы имеет значение ее результат, имеющий материальное выражение, который направлен на удовлетворение потребностей участников оборота. Услугой же является деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются

⁴² *Сергеев А. П.* Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 87–95.

⁴³ Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. Т. 1 : Общие положения.

⁴⁴ Постановление АС Северо-Западного округа от 01.11.2016 по делу № А32-34061/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁵ Постановление 15 ААС от 23.04.2012 по делу № А32-18386/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁶ Абз. 2 п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

⁴⁷ Право в сфере Интернета : сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018.

⁴⁸ Изменения были внесены Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ.

ются в процессе осуществления этой деятельности (п. 4 и 5 ст. 38 Налогового кодекса РФ). Несмотря на то что указанные дефиниции закреплены в налоговом законодательстве, они являются релевантными и для целей гражданского права.

Отношения по поводу выполнения работ и оказания услуг опосредуются в форме разных договоров. Если заказчик требует выполнения работы, обусловленной договором подряда, то подобное требование вытекает из договорного обязательства (ст. 702 ГК РФ), а следовательно, исключается его квалификация в качестве виндикационного. Работы и услуги не могут быть объектами виндикации.

Если результатом работы является вещь, то она может быть объектом виндикации третьим лицом. Однако объектом виндикации в данном случае является не результат работ, а непосредственно сама вещь.

7. Доля в уставном капитале ООО

Существует позиция, что доля в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью

не относится к имуществу⁴⁹, а является юридической фикцией, символом набора правомочий, которые имеются у участника корпорации⁵⁰.

На наш взгляд, утверждение о фикционной природе доли в уставном капитале ООО является необоснованным. Доля является активным объектом гражданского оборота (может быть предметом продажи и залога, может быть включена в наследственную массу и др.). Не может существовать оборот юридических фикций. В связи с этим считаем, что необходимо согласиться с теми учеными, которые полагают, что доля в уставном капитале ООО является имуществом⁵¹.

Не вызывает споров и сомнений, что доля в уставном капитале ООО не является вещью. В то же время существуют различные подходы относительно ее правовой природы. Доля в уставном капитале ООО определяется как имущественное право⁵², иное имущество⁵³, способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества⁵⁴, комплекс имущественных и неимущественных прав⁵⁵, совокупность прав и обязанностей, существующих в неразрывном единстве⁵⁶.

⁴⁹ Письмо Минфина России от 27.10.2011 № 03-04-06/4-288 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁵⁰ Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169; Добровольский В. И. Применение корпоративного права: практическое руководство для корпоративного юриста. М.: Волтерс Клувер, 2008.

⁵¹ Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019.

⁵² Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 18.09.2015 по делу № А58-1581/2012; постановление АС Центрального округа от 15.05.2018 по делу № А83-4747/2016; постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 № 5950/11 по делу № А40-66193/10-83-605 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020); Бобков С. А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2002. № 7.

⁵³ Постановление АС Дальневосточного округа от 16.05.2019 по делу № А51-19728/2014; постановление АС Центрального округа от 03.12.2018 по делу № А08-13821/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020); Лапач В. А. Доля в уставном капитале как имущество // ЭЖ-Юрист. 2005. № 28; Новоселова Л. А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданских прав: сборник статей. М., 2007.

⁵⁴ Постановление АС Московского округа от 15.07.2014 по делу № А40-88422/2013 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁵⁵ Шевченко С. Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. 2004. № 10. С. 54–55.

⁵⁶ Гонгало Б. М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права: сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича

Полагаем, что доля в уставном капитале ООО должна рассматриваться как иное имущество ввиду явного экономического и имущественного содержания, а также широкого толкования такой категории, как «иное имущество».

Б. М. Гонгало подчеркивает, что доля в уставном капитале ООО не является вещью, в связи с чем делает «важный практический вывод: нормы законодательства о собственности... к ней отношения не имеют»⁵⁷.

Тем не менее в судебных актах можно встретить формулировку «право собственности на долю в уставном капитале ООО»⁵⁸, что является ошибочным (по тем же причинам, что были ранее указаны относительно бездокументарных ценных бумаг).

Для истребования долей в уставном капитале ООО предусмотрен механизм⁵⁹ в ч. 17 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁶⁰. В судебной практике, на наш взгляд, происходит необоснованное смешение указанного механизма и ст. 301, 302 ГК РФ.

Суды, мотивируя принятое решение одновременно нормами о восстановлении корпора-

тивного контроля и нормами о виндикации, указывают, что законодательством предусмотрен специальный способ защиты прав лица, у которого доля в уставном капитале хозяйственного общества изъята по незаконным основаниям, но при этом отмечают со ссылкой на позицию ВАС РФ⁶¹ материально-правовую квалификацию требования как виндикационного⁶².

Между тем доля в уставном капитале ООО, не являясь вещью, объектом виндикации быть не может⁶³. А положения ст. 301, 302 ГК РФ могут быть применены лишь по аналогии закона. В то же время считаем излишними ссылки на положения гражданского законодательства об истребовании имущества из чужого незаконного владения, поскольку Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусмотрен детальный механизм защиты.

В практике имеются судебные акты, мотивированные исключительно положениями корпоративного законодательства⁶⁴. Подчеркивается существование специального способа защиты прав лица, утратившего долю в уставном капитале ООО, представляющего собой восстановление положения, существовавшего до нару-

Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М.: Статут, 2011.

⁵⁷ Гонгало Б. М. Указ. соч.

⁵⁸ Постановление 6 ААС от 12.08.2019 по делу № А20-5782/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁵⁹ Указанный механизм введен Федеральным законом от 30.12.2008 № 312-ФЗ (СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 20), вступившим в силу с 1 июля 2009 г.

⁶⁰ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁶¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 29.08.2006 № 1877/06 по делу № А40-10648/05-100-77; постановление Президиума ВАС РФ от 14.07.2009 № 5194/09 по делу № А60-10028/2008-С2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁶² Постановление 14 ААС от 01.12.2015 по делу № А05-1215/2015; постановление АС Северо-Западного округа от 16.01.2017 по делу № А56-73759/2015; постановление АС Дальневосточного округа от 25.08.2016 по делу № А04-8228/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁶³ Постановление АС Уральского округа от 26.04.2004 по делу № А60-23684/2003; постановление АС Восточно-Сибирского округа от 30.11.2004 по делу № А74-2109/2004 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁶⁴ Постановление АС Московского округа от 15.08.2018 по делу № А40-169075/2016; постановление АС Северо-Западного округа от 27.02.2018 по делу № А21-565/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

шения права. В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, споры, связанные с истребованием доли в уставном капитале ООО, должны рассматриваться исключительно как требования о восстановлении корпоративного контроля (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ).

8. Цифровые права

Цифровые права являются новым объектом гражданских прав (ст. 141.1 ГК РФ)⁶⁵. В науке критикуется новый объект как с точки зрения самой концепции, так и с точки зрения итогового текста закона.

С. В. Сарбаш отмечает, что законодательные новеллы являются «фундаментальной законодательной ошибкой и не выдерживают критики перед лицом теории гражданского права»⁶⁶. Не вдаваясь в оценку целесообразности введения цифровых прав в гражданское законодательство, в рамках данной статьи рассмотрим их правовую природу для целей выявления возможности или невозможности виндикации.

Под цифровыми правами понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Цифровые права подчинены принципу легалитета, который требует закрепления конкретных их видов. В связи с этим ст. 141.1 ГК РФ фактически имеет рамочный характер, поскольку

многие аспекты должны быть урегулированы другим законом⁶⁷.

Цифровые права не обладают самостоятельной, уникальной природой, т.к. фактически предоставляют лишь форму их существования (форму оформления). В ГК РФ указано, что к ним относятся обязательственные и иные права. Ввиду отсутствия практики применения законодательства в данной сфере и активного оборота цифровых прав сложно сказать, какие «иные права» имел в виду законодатель (вещные, корпоративные или исключительные).

Цифровые обязательственные права не могут быть объектом виндикации, поскольку, как ранее указывалось, действующим законодательством не предусмотрен такой вещно-правовой способ защиты для правообладателей обязательственных прав, как виндикация. Кроме того, на наш взгляд, все цифровые права не могут быть объектом виндикации, учитывая их сходство с бездокументарными ценными бумагами, а также их нематериальный характер.

9. Криптовалюта

Среди ученых и практикующих юристов ведутся дискуссии относительно места криптовалюты в системе объектов гражданских прав.

В пояснительной записке к проекту федерального закона⁶⁸, которым в ГК РФ введены цифровые права как новый объект гражданских прав, указывалось, что криптовалюта и токены являются новыми объектами экономических отношений, при этом криптовалюта рассматри-

⁶⁵ Цифровые права введены в ГК РФ Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ (СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224), вступившим в силу с 1 октября 2019 г.

⁶⁶ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. А., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

⁶⁷ Ряд аспектов будет урегулирован Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018).

⁶⁸ Проект закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 19.05.2020).

валась как цифровые деньги. Однако в окончательной редакции криптовалюта так и не была включена в текст закона.

В то же время нельзя не отметить, что 31 июля 2020 г. был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепивший новое для российского права понятие — цифровая валюта. Данный Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2021 г., за исключением одной нормы, вступающей в силу с 10 января 2021 г.

Цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), отвечающих определенным признакам, указанным в п. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах...». Между тем, на наш взгляд, закрепленное в Законе определение не решает проблему квалификации цифровой валюты в качестве объекта гражданских прав.

Законом (п. 5 ст. 14) также закреплено, что российские лица⁶⁹ не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Фактически указанная норма ставит под сомнение не только оборотоспособность цифровой валюты, но и целесообразность закрепления ее в законе.

Учитывая то, что данный Закон, на наш взгляд, не только не решил, но еще больше запутал регулирование в данной области, полагаем необходимым остановиться на вопросе анализа криптовалюты с точки зрения граж-

данского права исключительно на основе норм ГК РФ.

Полагаем, что не требуется специальное указание гражданского законодательства для признания криптовалюты объектом гражданских прав ввиду реально существующего их экономического оборота, а ключевой вопрос заключается лишь в том, к какому именно объекту ее следует относить. В то же время практика арбитражных судов заставляет многих юристов обосновывать и аргументировать, что криптовалюта является объектом гражданских прав, поскольку позиция некоторых судей заключается в том, что статья 128 ГК РФ прямо не называет криптовалюту в качестве объекта гражданских прав, в связи чем криптовалюта к ним не относится и находится вне правового поля на территории Российской Федерации⁷⁰. Подобная позиция является, на наш взгляд, неправильной, так как основана на непонимании открытого перечня такого объекта, как имущество (ввиду установления в статье категории «иное имущество»).

В науке предлагается несколько подходов к определению правовой природы криптовалюты.

По мнению А. И. Савельева, криптовалюта *не является* вещью, результатом работ или оказания услуг, результатом интеллектуальной деятельности, нематериальным благом, законным средством платежа, денежным суррогатом, электронным денежным средством, бездокументарной ценной бумагой, валютной ценностью⁷¹. По мнению ученого, криптовалюта могла бы быть отнесена к такому объекту, как информация, однако в настоящее время она не поименована как объект гражданских прав, в связи с чем в силу положений действующей

⁶⁹ Под «российскими лицами» автором статьи понимаются юридические лица, личным законом которых является российское право; филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации; физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев.

⁷⁰ Постановление АС Поволжского округа от 18.10.2018 по делу № А57-21957/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁷¹ Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

ст. 128 ГК РФ криптовалюта относится к иному имуществу.

В судебной практике также высказывается правовая позиция, что криптовалюта является иным имуществом, поскольку эта категория допускает максимально широкое толкование, и в силу диспозитивности норм гражданского права в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав⁷².

Е. Н. Абрамова определяет правовую природу криптовалюты как квазивещь⁷³. А. В. Саженов предлагает рассматривать криптовалюту как бестелесную вещь, обосновывая свою позицию тем, что вещь «не следует сводить исключительно к материальному миру»⁷⁴.

С подобной квалификацией не согласна Л. Г. Ефимова, которая под вещью понимает «материальные физически осязаемые объекты», а термин *res incorporales*, по ее мнению, является не более чем фигурой речи. Предлагается рассматривать криптовалюту как совершенно новый объект гражданского права⁷⁵.

Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что нельзя квалифицировать криптовалюту как объект *sui generis*. При этом отмечается, что криптовалюта может иметь признаки безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг. Поэтому наиболее рациональным вариантом авторы считают распространение на криптовалюту правового режима указанных объектов⁷⁶.

Криптовалюта имеет явное экономическое содержание и постепенно включается в гражданский оборот, в связи с этим представляется логичным рассматривать ее в качестве иного имущества.

По нашему мнению, криптовалюта однозначно не относится к такому объекту гражданских прав, как вещи. Это обусловлено классическим представлением о вещи и необходимом ее телесном (осязаемом) содержании. Квалификация же криптовалюты в качестве бестелесной вещи или квазивещи не имеет практических последствий для регулирования отношений и разрешения споров. В связи с этим возникает вопрос: зачем квалифицировать какой-либо объект как вещь, если возникновение в отношении него вещных прав и применение вещно-правовых способов защиты права по меньшей мере является сомнительным, а по большей мере — противоречит их сущности?

По мнению А. В. Саженова, «применение виндикации к криптовалютам... представляется возможным только в случае, если криптовалюты не будут смешиваться с иными криптовалютами так, чтобы их было невозможно идентифицировать. Если технически нельзя совершить обратную транзакцию тех же самых единиц криптовалюты, что ранее были зачислены, виндикация будет невозможной»⁷⁷.

Однако, на наш взгляд, учитывая, что в отношении криптовалюты не возникают вещные права, виндикационный иск также недоступен для защиты нарушенных прав. Подобного мнения придерживается и А. И. Савельев⁷⁸.

Например, арбитражный суд отказал в удовлетворении иска об обязанности ответчиков обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки контрибьюторов пропорционально размеру вклада каждого контрибьютора, поскольку такой способ защиты права не предусмотрен

⁷² Постановление 9 ААС от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁷³ Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 18–22.

⁷⁴ Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 106–121.

⁷⁵ Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.

⁷⁶ Арнаутков Д. Р., Ерохина М. Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 148–157.

⁷⁷ Саженов А. В. Указ. соч. С. 106–121.

⁷⁸ Савельев А. И. Указ. соч. С. 136–153.

ст. 12 ГК РФ⁷⁹. Суд также отметил, что истец не обращается с иском о признании незаконным владения флешек с доступом к криптокошельку (передать пароль). При этом в судебном акте интересны рассуждения суда о правовой и технической природе криптовалюты: суд указывает, что понятие криптовалюты действующим законодательством не определено, но в то же время указывает, что она (криптовалюта) не может быть не чем иным, кроме как иным имуществом.

В другом деле суд, рассмотрев заявление арбитражного управляющего по правилам ст. 66 АПК РФ, определил «истребовать имущество (биткойны) для включения в конкурсную массу, а именно: обязать передать данные доступа к биткойн-кошельку (сайт доступа к кошельку, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку)»⁸⁰.

Виндикация же самой криптовалюты невозможна ввиду ее бестелесного существования, невозможности владения ею и несуществования в отношении нее вещных прав.

Кроме того, стоит отметить, что в силу п. 6 ст. 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах...» требования российских лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите *только при условии* информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. На наш взгляд, подобная формулировка значительно ограничивает право на судебную защиту и влечет чрезмерные риски для потенциальных приобретателей цифровой валюты, превращая обязательства с ее участием в натуральные.

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, можно отметить, что **объектом виндикации могут быть только вещи** (индивидуально-определенные или родовые, но индивидуализированные).

В арбитражном процессе требования истца к ответчику должны быть указаны со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты (п. 4 ч. 2 ст. 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ). Однако это не препятствует арбитражному суду руководствоваться иными нормами при принятии решения с указанием мотивов, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле (п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

В случае, если истцом заявлено требование со ссылкой на ст. 301, 302 ГК РФ в отношении объектов, которые не имеют материального, вещно-правового субстрата, суд обязан мотивировать принятое им решение только теми нормами права, которые предусматривают специальный механизм защиты объектов гражданских прав (бездокументарных ценных бумаг, долей в уставном капитале ООО). Ссылка же на ст. 301, 302 ГК РФ для истребования не вещей, а иных объектов может быть лишь субсидиарной, по аналогии закона в том случае, если это обусловлено необходимостью, вызвано отсутствием прямой нормы и не противоречит сущности виндикации (например, виндикация долей в общей долевой собственности).

Действующая редакция ст. 301 ГК РФ закрепляет, что собственник вправе истребовать свое *имущество* из чужого незаконного владения. Проект изменений в ГК РФ в части вещных прав предлагал закрепить в ст. 227, что собственник вправе истребовать *вещь* из чужого незаконного владения⁸¹. При этом законопроектом предлага-

⁷⁹ Постановление 9 ААС от 04.02.2020 по делу № А40-164942/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁸⁰ Определение АС г. Москвы от 18.02.2019 по делу № А40-12639/2016, оставленное без изменения постановлением 9 ААС от 18.04.2019 по делу № А40-12639/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2020).

⁸¹ Проект закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 01.06.2020).

лось прямо закрепить, что объектами вещных прав являются вещи (ст. 222 проекта).

Представляется, что предлагаемая проектом изменений в ГК РФ формулировка виндикационного иска является более удачной, а прямое указание на объекты вещных прав отвечает

потребностям правоприменения во избежание неточностей при квалификации отношений, в связи с чем указанные нормы, на наш взгляд, подлежат включению в гражданское законодательство в ходе реформы вещных прав в будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова Е. Н.* К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. — 2019. — № 3. — С. 18–22.
2. *Арнаутов Д. Р., Ерохина М. Г.* Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. — 2019. — № 4. — С. 148–157.
3. *Бевзенко Р. С.* Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. — М. : М-Логос, 2017. — 80 с.
4. *Бевзенко Р. С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 11. — С. 127–169.
5. *Бобков С. А.* Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. — 2002. — № 7.
6. *Богданова Е. В.* Проблемы предмета договора энергоснабжения // Современное право. — 2006. — № 5.
7. *Бородкин С. В.* Новый подход к классификации объектов вещных прав // Журнал российского права. — 2018. — № 2. — С. 50–58.
8. *Васильев Г. С.* Движимые вещи // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — С. 278–325.
9. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права : Часть Общая. — СПб., 1911. — Т. 1.
10. *Гонгало Б. М.* Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М. : Статут, 2011.
11. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — Т. 1. — 528 с.
12. *Добровольский В. И.* Применение корпоративного права: практическое руководство для корпоративного юриста. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 576 с.
13. *Ефимова Л. Г.* Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. — 2019. — № 4. — С. 17–25.
14. *Зарубин А. В.* Природа доли в праве общей долевой собственности // Нотариус. — 2018. — № 7. — С. 31–34.
15. Корпоративное право : учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2019. — 735 с.
16. Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 990 с.
17. *Лысенко А. Н.* Имущество в гражданском праве России. — М. : Деловой двор, 2010. — 200 с.
18. *Новоселова Л. А.* Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. — М., 1996. — 160 с.
19. *Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. А., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А.,*

- Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А.* Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31–54.
20. Право в сфере Интернета : сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2018. — 528 с.
21. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017. — Т. 1 : Общие положения. — 512 с.
22. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М. : Статут. — 2011. — Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 958 с.
23. *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136–153.
24. *Саженов А. В.* Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. — 2018. — № 9. — С. 106–121.
25. *Сергеев А. П.* Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. — 2018. — № 12. — С. 87–95.
26. *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. — 5-е изд., перераб. — М. : Статут, 2010. — 893 с.
27. *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. — 2016. — № 11. — С. 7–17.
28. *Суханов Е. А.* Вещное право : научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
29. *Суханов Е. А.* Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. — 1996. — № 7.
30. *Суханов Е. А.* К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. — 2005. — № 1.
31. *Шведкова О. В.* Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. — 2016. — № 7. — С. 52–57.
32. *Шевченко С.* Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. — 2004. — № 10. — С. 54–55.

Материал поступил в редакцию 18 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramova E. N. K voprosu o sootnoshenii elektronnyh deneg i kriptovalyuty // Konkurentnoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 18–22.
2. Arnautov D. R., Erohina M. G. Cifrovye aktivy v sisteme rossijskogo prava // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2019. — № 4. — S. 148–157.
3. Bevzenko R. S. Zemel'nyj uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. — M. : M-Logos, 2017. — 80 s.
4. Bevzenko R. S. Kommentarij k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 11. — S. 127–169.
5. Bobkov S. A. Ustupka doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // Zhurnal rossijskogo prava. — 2002. — № 7.
6. Bogdanova E. V. Problemy predmeta dogovora energosnabzheniya // Sovremennoe pravo. — 2006. — № 5.
7. Borodkin S. V. Novyj podhod k klassifikacii ob"ektov veshchnyh prav // Zhurnal rossijskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 50–58.
8. Vasil'ev G. S. Dvizhimye veshchi // Ob"ekty grazhdanskogo oborota : sbornik statej / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — S. 278–325.
9. Gambarov Yu. S. Kurs grazhdanskogo prava : Chast' Obshchaya. — SPb., 1911. — T. 1.

10. Gongalo B. M. Dolya v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu kak ob"ekt grazhdanskogo oborota // Problemy razvitiya chastnogo prava : sbornik statej k yubileyu Vladimira Saurseevicha Ema / S. S. Alekseev, A. V. Asoskov, V. Yu. Buzanov [i dr.] ; otv. red. E. A. Suhanov, N. V. Kozlova. — M. : Statut, 2011.
11. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev [i dr.] ; pod red. B. M. Gongalo. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2018. — T. 1. — 528 s.
12. Dobvol'skij V. I. Primenenie korporativnogo prava: prakticheskoe rukovodstvo dlya korporativnogo yurista. — M. : Volters Kluver, 2008. — 576 s.
13. Efimova L. G. Kriptovalyuty kak ob"ekt grazhdanskogo prava // Hozyajstvo i pravo. — 2019. — № 4. — S. 17–25.
14. Zarubin A. V. Priroda doli v prave obshchej dolevoj sobstvennosti // Notarius. — 2018. — № 7. — S. 31–34.
15. Korporativnoe pravo : uchebnik / A. V. Gabov, E. P. Gubin, S. A. Karelina [i dr.] ; otv. red. I. S. Shitkina. — M. : Statut, 2019. — 735 s.
16. Korporativnoe pravo : uchebnyj kurs : v 2 t. / E. G. Afanas'eva, V. A. Vajpan, A. V. Gabov [i dr.] ; otv. red. I. S. Shitkina. — M. : Statut, 2018. — T. 2. — 990 s.
17. Lysenko A. N. Imushchestvo v grazhdanskom prave Rossii. — M. : Delovoj dvor, 2010. — 200 s.
18. Novoselova L. A. Denezhnye raschety v predprinimatel'skoj deyatel'nosti. — M., 1996. — 160 s.
19. Novoselova L. A., Gabov A. V., Savel'ev A. I., Genkin A. S., Sarbash S. V., Asoskov A. V., Semenov A. V., Yankovskij R. M., Zhuravlev A. A., Tolkachev A. Yu., Kamel'kova A. V., Uspenskij M. A., Krupenin R. A., Kislyj V. A., Zhuzhzhlov M. B., Popov V. A., Agranovskaya M. A. Cifrovye prava kak novyj ob"ekt grazhdanskogo prava // Zakon. — 2019. — № 5. — S. 31–54.
20. Pravo v sfere Interneta : sbornik statej / M. Z. Ali, D. V. Afanas'ev, V. A. Belov [i dr.] ; ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M. : Statut, 2018. — 528 s.
21. Pravo intellektual'noj sobstvennosti : uchebnik / E. V. Badulina, D. A. Gavrilov, E. S. Grin' [i dr.] ; pod obshch. red. L. A. Novoselovoj. — M. : Statut, 2017. — T. 1 : Obshchie polozheniya. — 512 s.
22. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova [i dr.] ; otv. red. E. A. Suhanov. — 2-e izd., stereotip. — M. : Statut. — 2011. — T. 1 : Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava. — 958 s.
23. Savel'ev A. I. Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskih prav // Zakon. — 2017. — № 8. — S. 136–153.
24. Sazhenov A. V. Kriptovalyuty: dematerializaciya kategorii veshchej v grazhdanskom prave // Zakon. — 2018. — № 9. — S. 106–121.
25. Sergeev A. P. Primenenie pravil razdela II «Pravo sobstvennosti i drugie veshchnye prava» Grazhdanskogo kodeksa RF k otnosheniyam intellektual'noj sobstvennosti // Zakon. — 2018. — № 12. — S. 87–95.
26. Sklovskij K. I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. — 5-e izd., pererab. — M. : Statut, 2010. — 893 s.
27. Sinicyn S. A. Veshch' kak ob"ekt grazhdanskih prav: vozmozhnye i dolzhnye kriterii identifikacii // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2016. — № 11. — S. 7–17.
28. Suhanov E. A. Veshchnoe pravo : nauchno-poznavatel'nyj ocherk. — M. : Statut, 2017. — 560 s.
29. Suhanov E. A. Zaem i kredit. Finansirovanie pod ustupku denezhnogo trebovaniya. Bankovskij vklad. Bankovskij schet // Hozyajstvo i pravo. — 1996. — № 7.
30. Suhanov E. A. K ponyatiyu veshchnogo prava // Pravovye voprosy nedvizhimosti. — 2005. — № 1.
31. Shvedkova O. V. Energiya kak ob"ekt dogovornyh otnoshenij: k voprosu o ponyatii i pravovoj prirode // Zhurnal rossijskogo prava. — 2016. — № 7. — S. 52–57.
32. Shevchenko S. Perehodom dolej obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // Zakonnost'. — 2004. — № 10. — S. 54–55.

Телеологическое толкование категории «исключительное право»

Аннотация. В статье рассматривается проблема толкования исключительного права, которое вопреки закреплению в качестве единой категории формулируется дифференцированно применительно к различным объектам интеллектуальных прав; выделяемые в нем правомочия, составляющие (хотя и не исчерпывающие) его содержание, также не совпадают в разных результатах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации. Применение метода телеологического толкования позволяет рассмотреть исключительное право как в рамках «конфликтного права», так и в рамках «права сотрудничества»; как в статике, так и в динамике правоотношения. Целями, для которых нормативно сформулировано исключительное право, является определение: прав лица на собственные действия; действий, составляющих правонарушение; предмета договора о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Указанные основные цели могут содержать еще дополнительные, например определение объема правонарушения. Нормативное оформление содержания исключительного права является многослойным и многовариантным, но внешние противоречия снимаются благодаря телеологическому толкованию, учитывающему цели правового регулирования.

Ключевые слова: исключительное право; правовое регулирование; нарушение исключительного права; абсолютное право; договорное регулирование; телеологическое толкование; лицензионный договор; правомочия; содержание исключительного права; способы и приемы толкования.

Для цитирования: Зыков С. В. Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 94–100. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.094-100.

Teleological Interpretation of the Category “Exclusive Right”

Sergey V. Zыkov, Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS
ul. Nikolaeva, d. 8, Novosibirsk, Russia, 630090
zykovsv@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of interpretation of the exclusive right that, contrary to being consolidated as a single category, is formulated differently in relation to different objects of intellectual rights; the powers allocated therein, which constitute (although not exhaustively) its content, also do not coincide in different results of intellectual activity and means of individualization. The use of the teleological interpretation method allows the authors to examine the exclusive right both in the context of the “conflicting right” and the “right to cooperate”, both in statics and in dynamics of legal relations. The purposes for which the exclusive right is normatively formulated are to determine: the rights of a person to his own actions, actions constituting an offense, the subject matter of the contract on granting the right to use the result of intellectual activity and

© Зыков С. В., 2021

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН
ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
zykovsv@yandex.ru

means of individualization. These main objectives may contain additional ones, such as determining the scope of the offence. The normative design of the content of the exclusive right is multilayered and multi-variant, but external contradictions are removed due to teleological interpretation that takes into account the purposes of the legal regulation.

Keywords: exclusive right; legal regulation; violation of exclusive right; absolute right; contractual regulation; teleological interpretation; license contract; entitlements; content of the exclusive right; methods interpretation.

Cite as: Zykov SV. Teleologicheskoe tolkovanie kategorii «isklyuchitelnoe pravo» [Teleological Interpretation of the Category “Exclusive Right”]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):94-100. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.094-100. (In Russ., abstract in Eng.).

Категория «исключительное право» в действующем Гражданском кодексе РФ¹ рассматривается в качестве единой. Это единство подчеркивается в противопоставлении личным неимущественным и иным интеллектуальным правам.

Как известно, основополагающий вклад в разработку ч. IV ГК РФ внес (умерший до ее принятия) В. А. Дозорцев, который видел в качестве важнейшей задачи «объединение разрозненных, обособленных режимов в единую систему, которую цементируют общие положения»². Разумеется, в этой системе должны, по его мнению, получить исключительные права как «единая категория»³. Это идея была развита разработчиками ч. IV ГК РФ в окончательной редакции, которые подчеркивали, что исключительное право является «наиболее важной категорией», которая занимает «основное место» в системе правовых норм разд. VII ГК РФ, построенного на базе «единой юридической конструкции»⁴ (курсив источника).

В конечном итоге эта концепция восходит к дореволюционной российской цивилистике, где идею абсолютного имущественного права на *sui generis* нематериальные объекты обосновывал,

в частности Г. Ф. Шершеневич⁵. Поскольку советское право отказалось от концепции исключительного права, до 1990-х гг. развитие указанного подхода поддерживалось только в литературе русского зарубежья. Так, В. А. Рязановский отмечал тождественность права на изобретения авторским правам⁶, А. А. Пиленко определял патентное право как «авторское право в области техники»⁷.

Итак, категория единого исключительного права обозначена в качестве основополагающей в ч. IV ГК РФ. Но если так, то возникает вопрос: для чего помимо определения в общих положениях (ст. 1229 ГК РФ) оно самостоятельным образом формулируется применительно ко всем отдельным объектам интеллектуальных прав (ст. 1317, 1324, 1330, 1339, 1358 ГК РФ и др.)?

Речь идет не об отдельной правовой норме, данное противоречие носит системный характер, логично предположить, что оно не случайно. Полагаем, что в этом случае уместно использовать телеологический метод толкования, «направленный на раскрытие общего смысла и содержания правовых норм», в том числе «наличных целей действующих правовых норм»⁸. К данному способу толкования

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

² Дозорцев В. А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М., 2003. С. 11.

³ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 36.

⁴ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. М., 2008. С. 281–283.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. С. 236–237

⁶ Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву. Вып. III. Харбин, 1923. С. 99.

⁷ Пиленко А. А. Право изобретателя. М., 2001. С. 674.

⁸ Насырова Т. Я., Лазарев В. В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 2. С. 27–28.

близок функциональный, но он применяется или в условиях становления правовой системы, или к оценочным понятиям⁹. Очевидно, что эти обстоятельства в данном случае отсутствуют: подотрасль интеллектуальных прав уже долгое время относительно стабилизировалась, а «исключительное право» не обладает признаками оценочного понятия.

Выявление целей действующих правовых норм отнюдь не означает, что эти цели были сознательно поставлены разработчиками нормативного правового акта (в данном случае ч. IV ГК РФ) на всех этапах его разработки. Уже упомянутый В. А. Дозорцев предлагал «включить в общие положения примерный перечень действий, составляющих содержание права использования, и примерный перечень действий, составляющих нарушение прав правообладателя, определив и некоторые специальные составы, составляющие злоупотребление исключительным правом и недобросовестную конкуренцию в этой сфере»¹⁰. Насколько можно понять это предложение, речь должна была идти об отдельных, обособленных перечнях, по данному пути разработчики окончательной редакции ч. IV ГК РФ не пошли. В то же время А. Л. Маковский, указывая на относительную случайность перечней правомочий (по его мнению, они скорее определяются развитостью соответствующей области законодательства или необходимо вытекают из правил и предписаний международных договоров), подчеркивает, что они имеют юридическое значение в двух отношениях: во-первых, позволяют «сравнительно легко определить круг действий, являющихся нарушениями соответствующего исключительного права, во-вторых, «градация способов использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации облегчает заключение лицензионных договоров», а также их толкование¹¹.

Но вопрос скорее в том, какие функции выполняют принятые правовые нормы объ-

ективно, в процессе последующего правоприменения, что может не всегда совпадать с субъективными установками тех, кто разрабатывал и принимал законопроект.

Первая цель нормативного закрепления исключительного права, предельно очевидная, — обозначить его пределы как абсолютного права. В свою очередь, здесь следует выделить два основных аспекта: право на собственные действия и действия, совершение которых без согласия управомоченного лица будет представлять собой нарушения.

1. В отношении права на собственные действия общее определение (п. 1 ст. 1229 ГК РФ) содержит ограничительную формулировку «любым не противоречащим законом способом». Эта клаузула повторяется применительно к произведениям (п. 1 ст. 1270 ГК РФ), объектам смежных прав (ст. 1317, 1324, 1330 ГК РФ; кроме смежного права на базу данных; право публикатора — посредством отсылки к общему определению), объектам патентных прав (п. 1 ст. 1358 ГК РФ), товарным знакам (п. 1 ст. 1484 ГК РФ) и т.д. Каково содержание этого ограничения? Единственное, что можно подвести под него, — указанные в ГК РФ применительно к каждому юридическому институту «действия, не являющиеся нарушениями исключительного права» на соответствующий объект, или случаи «свободного использования» (обобщенно обозначены в первой фразе абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ: «Другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом»). Разумеется, такая связь является, мягко говоря, натянутой: указанные случаи дают третьим лицам право использовать объект без согласия правообладателя, но никак не запрещают последнему их совершать. Очевидно, что эту клаузулу в определении исключительного права нужно уточнить.

⁹ Кузьмин И. А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телеологического способов толкования права // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 2 (4). С. 33–34.

¹⁰ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 23.

¹¹ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 291.

Как уже отмечено, содержание понятия «исключительное право» обозначено предельно широко и закрепляет за правообладателем возможность совершения любых действий с нематериальным объектом. Стабильно повторяется закреплённая в общем определении формулировка «любым способом», перечни правомочий, входящих в состав исключительного права, являются, как правило, открытыми (закрытый перечень дается применительно к исключительному праву публикатора).

Вместе с тем нельзя не заметить, что фактический объем исключительного права меньше, чем можно было бы понять из его общего определения. Скажем, осуществление исключительных патентных прав предполагает материальное воплощение, исключительное право на селекционное достижение вообще неотрывно от материальной формы. Товарный знак применяется лишь к определенным товарам, работам услугам; не имеет привязки к конкретной продукции лишь общеизвестный товарный знак, но и он может свободно использоваться иными лицами в целях, не связанных с продвижением товаров и услуг; наименование места происхождения товара привязано только к определенному товару. Можно было бы продолжить и даже выстроить определенную иерархию исключительных прав на различные объекты, но данный вопрос находится за пределами настоящей статьи — хотя бы потому, что методом такого построения является систематическое, а не телеологическое толкование норм закона.

2. Вторая цель норм, посвященных исключительному праву, — определение действий, совершение которых иными лицами без согласия правообладателя представляет собой правонарушение. В этом аспекте необходимо обратиться не только к общему определению, но и к конкретным правомочиям.

Первая проблема состоит в том, что перечни этих правомочий, как уже говорилось, являются открытыми. Открытость же перечня предполагает некоторую случайность, эвентуальность

его состава. Такая постановка вопроса, казалось бы, противоречит принципам защиты исключительного права как абсолютного и основаниям привлечения к ответственности. Можно усмотреть здесь и базовое противоречие: отношения соперничества («конфликтное право»), как отмечается в литературе (Н. А. Придворов, В. В. Трофимов), предполагают доминирование разрешительного типа правового регулирования и императивный метод¹².

Очевидно, разрешается указанное противоречие следующим образом: правомочия, *частично* раскрывая содержание исключительного права, не охватывают его объема полностью. Их значение — своеобразное содействие в доказывании факта нарушения, а также объема нарушения.

Последнее явно требует пояснений. Определение объема нарушения или количества нарушений имеет значение для определения конечного размера компенсации за нарушение исключительного права, взыскиваемой вместо возмещения убытков.

В пункте 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³ (далее — Постановление ВС РФ № 10) обозначено: использование каждым способом составляет по общему правилу отдельное нарушение. Однако если несколько способов направлено на *достижение одной экономической цели*, то они образуют одно правонарушение.

Примера приводится два: 1) хранение или перевозка контрафактного товара, которые завершились его введением в гражданский оборот; 2) продажа товара с последующей его доставкой покупателю. Условием единства правонарушения в этом случае является совершение указанных действий одним лицом (в первом случае Постановление ВС РФ № 10 его прямо называет, во втором подразумевает). Заметим, что «хранение» в качестве правомочия, составляющего исключительное право,

¹² Привод. по: Бакулина Л. Т. Телеологические аспекты договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 21.

¹³ Российская газета. № 96. 06.05.2019.

указывается лишь применительно к части объектов: к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам (с оговоркой, что хранение осуществляется для целей введения в оборот, — пп. 1 п. 2 ст. 1358 ГК РФ); к селекционным достижениям (в целях осуществления иных правомочий исключительного права — пп. 7 п. 3 ст. 1421 ГК РФ); к товарным знакам и наименованиям места происхождения товара (такие же клаузулы, как в патентном праве, — пп. 1 п. 2 ст. 1484 и пп. 1 п. 2 ст. 1519 ГК РФ). «Перевозка» упоминается только в составе исключительного права на товарный знак и наименование места происхождения товара в тех нормах и с той же оговоркой, что и хранение.

Несамостоятельность (для указанных целей) данных правомочий прямо указана в ГК РФ. Однако, видимо, она не всегда является для судов очевидной, поскольку в Постановлении ВС РФ № 10 на это отдельно обращается внимание (применительно к товарному знаку — абз. 4 п. 156).

Нетрудно заметить, что правомочия «хранение» и «перевозка» указываются только в составе исключительного права на объекты так называемой промышленной собственности. В отношении правомочий авторского права в абз. 3 п. 89 Постановления ВС РФ № 10 подчеркивается, что «незаконное использование произведения каждым из упомянутых в пункте 2 ст. 1270 ГК РФ способов представляет собой самостоятельное нарушение исключительного права». Таким образом, с точки зрения самостоятельности правомочий исключительного права для целей выявления количества нарушений законодатель проявляет разные подходы применительно к разным объектам интеллектуальных прав.

3. Наконец, третий телеологический аспект рассматриваемых норм — обеспечение сотрудничества сторон в рамках договорно-регулятивного взаимодействия, что предполагает, в частности, обмен определенными благами и предсказуемость другой стороны взаимодействия¹⁴. Применительно к распоряжению исключительным правом это означает необходимость

содействия сторонам в создании максимально возможной определенности в части последствий основного предоставления по договору. Проблемы не возникает, если исключительное право отчуждается целиком, но если предоставляется ограниченное право использования объекта, то объем использования является критически важным условием договора.

Системообразующим договором, регулирующим предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, является лицензионный договор. Применительно к нему действует, как известно, презумпция о том, что право, прямо не указанное в договоре, не считается предоставленным (п. 1 ст. 1234 ГК РФ). Таким образом, цель вычленения правомочий в указанном случае — не только обеспечить определенность в отношениях сторон, но и косвенно защитить правообладателя (лицензиара): прочитав условия договора, он будет четко представлять, какие именно права он утрачивает, независимо от своей правовой компетенции. Наличие данной цели может быть выведено и на основе исторического толкования: генетически лицензионный договор восходит к авторскому, в отношении которого прямо ставилась задача предоставления максимальных гарантий автору (стороне, оказывающей основное предоставление). В пункте 89 Постановления ВС РФ № 10 подчеркивается самостоятельность авторских правомочий, в частности, как предмета лицензионного договора (в том числе в варианте самостоятельных договоров).

Однако здесь возникают минимум две проблемы. Во-первых, такой подход не является универсальным для подотрасли интеллектуальных прав в целом. Многие правомочия, составляющие содержание исключительного права на объекты патентного права, средства индивидуализации, явно не могут выступать самостоятельным предметом лицензионного договора (хранение, использование в документации и т.п.). Причина состоит в том, что во втором случае они выделены не для целей договорного

¹⁴ Бакулина Л. Т. Указ. соч. С. 22.

регулирования, а для определения действий, которые могут составлять правонарушение.

Во-вторых, пусть в меньшей степени, но аналогичные проблемы возникают иногда и применительно к авторским правомочиям исключительного права. Ряд способов использования неразрывно связан с другими. Скажем, получение правомочия воспроизведения экономически бессмысленно без приобретения правомочия последующего распространения воспроизведенных экземпляров произведения. Причина аналогична: целью такого разделения является определение одного из элементов состава правонарушения, а не предмета лицензионного договора.

Соответственно, могут возникнуть и пусть редко, но возникают ситуации, когда правообладатель предоставил правомочие, не предоставив другое, без которого невозможно осуществление переданного. На законодательном уровне вопрос решен только для раритетного случая предоставления права сообщения в эфир организации вещания: она вправе произвести краткосрочную запись соответствующего произведения без согласия правообладателя (ст. 1279 ГК РФ).

Очевидно, что противопоставить возможным недобросовестным претензиям лицензиара в таких случаях можно (наряду с указанием на злоупотребление правом и, возможно, в перспективе на концепцию «подразумеваемых прав» или «экономически взаимосвязанных правомочий», которые могут быть применены лишь в случае своей легализации или закрепления в качестве правовых позиций вышестоящих судов) телеологическое толкование соответствующих норм.

Приведенный выше анализ в целом соответствует функциям исключительного права, выделяемым в современной цивилистической доктрине. При этом В. И. Ерёмченко высказывал мнение, что «доктрина раскололась на две части с диаметрально противоположными позициями

в отношении функций исключительного права: либо только позитивная функция, либо только негативная функция»¹⁵. Исследователь называет авторов, которые придерживаются первой (И. А. Блинец, К. Б. Леонтьев, О. Ф. Оноприенко, Р. Мерзликина) и второй (М. В. Лабзин, Е. Дедков) позиции, восходящей к дореволюционным авторам Г. Ф. Шершеневичу и А. А. Пиленко. Нам трудно согласиться с такой постановкой вопроса уважаемым исследователем: на наш взгляд, признание и позитивной, и негативной функции является преобладающим в современной российской доктрине, несмотря на то, что исследователи, рассматривая тот или иной вопрос либо в порядке полемики, могут делать акцент на одной из этих функций. Скажем, М. В. Лабзин рассматривает запретительную функцию как элемент абсолютного правоотношения, фиксирующего статику положения субъекта¹⁶. Нам трудно согласиться и с утверждением уважаемого В. И. Ерёмченко о том, что «в части четвертой ГК РФ не была реализована идея В. А. Дозорцева о совмещении права использования и права запрета»¹⁷. Выше цитировался подход к этому вопросу В. А. Дозорцева, который перечислял действия, отражающие разные функции исключительного права в качестве отдельных, т.е. речь у него шла отнюдь не о совмещении.

В то же время, как уже было отмечено, такое разделение на легальном уровне не состоялось, поэтому выявление функций правового регулирования применительно к конкретным нормам сегодня задача правоприменительной практики и доктрины. Кроме того, функции исключительного права (позитивная и запретительная) в качестве целей правового регулирования подлежат дальнейшей дифференциации, не редуцируясь к бинарной оппозиции.

Из всего сказанного следует, что нормативное регулирование содержания исключительного права многослойно и многовариантно (для различных объектов). Конкретные право-

¹⁵ Ерёмченко В. И. О содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Изобретательство. 2011. Т. 11. № 4. С. 12.

¹⁶ Лабзин М. В. Исключительное право как элемент правоотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 100–111.

¹⁷ Ерёмченко В. И. Указ. соч. С. 3.

мочия вводятся с разными целями определения: 1) права лица на собственные действия; 2) действий, которые являются нарушениями; 3) действий, которые являются самостоятельными нарушениями; 4) предмета лицензионного договора (и договоров, для которых он является системообразующим). Метод телеологического толкования необходим для правильного применения норм, регулирующих содержание исключительного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакулина Л. Т. Телеологические аспекты договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5 (90). — С. 19–26.
2. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М., 2003. — 416 с.
3. Еременко В. И. О содержании исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Изобретательство. — 2011. — Т. 11. — № 4. — С. 1–14.
4. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. — М., 2008. — 715 с.
5. Кузьмин И. А. Правовая природа и особенности практического применения функционального и телеологического способов толкования права // Социальная компетентность. — 2017. — Т. 2. — № 2 (4). — С. 33–37.
6. Лабзин М. В. Исключительное право как элемент правоотношения // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 4. — С. 100–111.
7. Насырова Т. Я., Лазарев В. В. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1988. — № 2. — С. 27–33.
8. Пиленко А. А. Право изобретателя. — М., 2001. — 688 с.
9. Рязановский В. А. Лекции по гражданскому праву. — Вып. III. — Харбин, 1923. — 101 с.

Материал поступил в редакцию 8 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakulina L. T. Teleologicheskie aspekty dogovornogo pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 5 (90). — S. 19–26.
2. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii : sbornik statej. — M., 2003. — 416 s.
3. Eremenko V. I. O sodержanii iskl'yuchitel'nogo prava na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti // Izobretatel'stvo. — 2011. — T. 11. — № 4. — S. 1–14.
4. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (poglavnyj) / pod red. A. L. Makovskogo. — M., 2008. — 715 s.
5. Kuz'min I. A. Pravovaya priroda i osobennosti prakticheskogo primeneniya funkcional'nogo i teleologicheskogo sposobov tolkovaniya prava // Social'naya kompetentnost'. — 2017. — T. 2. — № 2 (4). — S. 33–37.
6. Labzin M. V. Iskl'yuchitel'noe pravo kak element pravootnosheniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 4. — S. 100–111.
7. Nasyrova T. Ya., Lazarev V. V. Teleologicheskoe tolkovanie sovetskogo zakona i pravotvorchestvo // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 1988. — № 2. — S. 27–33.
8. Pilenko A. A. Pravo izobretatelya. — M., 2001. — 688 s.
9. Ryazanovskij V. A. Lekcii po grazhdanskomu pravu. — Vyp. III. — Harbin, 1923. — 101 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.101-119

С. В. Кичигин*

Проблемы аннулирования трудового договора

Аннотация. Появлению понятия аннулирования трудового договора в тексте Трудового кодекса РФ предшествовала разработка данного понятия в науке трудового права начиная с советского периода нашей истории. Уже тогда были выявлены существенные различия между процедурой расторжения трудового договора, в рамках которого возникли трудовые отношения, и аннулированием трудового договора, не перешедшего в стадию практической реализации. Нормы об аннулировании дважды корректировались законодателем: устранялись юридико-технические недостатки, уточнялась действительная воля законодателя. Однако и сейчас имеется насущная потребность в модернизации ст. 61 ТК РФ. Кроме того, на основании изучения работы кадровых служб, судебной практики, научной литературы, телеологического толкования исследуемых норм права в этой работе дан ответ на ряд ранее не рассматривавшихся вопросов и вопросов, разрешение которых является предметом дискуссии. В частности, исследованы: 1) вопросы обоснованности распространения норм об аннулировании на все случаи заключения трудовых договоров; 2) проблемы нормативного регулирования обеспечения по обязательному социальному страхованию при наступлении страхового случая; 3) документальное оформление и порядок действий работодателя в процессе аннулирования трудового договора; 4) последствия аннулирования трудового договора в случае правомерного и неправомерного недопуска работника к работе; 5) последствия отказа работодателя от аннулирования трудового договора с работником. В результате исследования заявленных проблем и систематизации подходов к пониманию процедуры аннулирования трудового договора автором представлен собственный вариант толкования спорных положений, а также предложен путь преодоления противоречия норм анализируемой статьи ТК РФ и норм Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании...» через корректировку положений ТК РФ, регулирующих процедуру аннулирования трудового договора.

Ключевые слова: аннулирование трудового договора; процедура аннулирования; право на аннулирование; трудовой договор; трудовое право; юридическая фикция; толкование права; юридическая герменевтика; доктринальное толкование; юридическая техника.

Для цитирования: Кичигин С. В. Проблемы аннулирования трудового договора // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 101–119. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.101-119.

© Кичигин С. В., 2021

* Кичигин Сергей Владиславович, юриконсульт ГБФСУ КО «СШОР по боксу им. ЗТ СССР В. П. Курегешева»
Арочная ул., д. 41, г. Кемерово, Россия, 650000
76-42-50@mail.ru

Problems of Cancellation of an Employment Contract

Sergey V. Kichigin, Legal Adviser, Kuregeshev Boxing Olympic Reserve School
ul. Arochnaya, d. 41, Kemerovo, Russia, 650000
76-42-50@mail.ru

Abstract. The emergence of the concept of cancellation of employment contract in the Labor Code of the Russian Federation followed the development of this concept in the science of labor law in the Soviet period of our history. It was at that time when essential differences were identified between termination of employment contract after the start date and cancellation of employment contract before its practical implementation. The legislator twice adjusted the regulations on cancellation: legal and technical shortcomings were eliminated; the real will of the legislator was clarified. However, even now there is an urgent need to develop Art. 61 of the Labor Code of the Russian Federation. In addition, based on the study of the work of personnel services, judicial practice, scientific literature, teleological interpretation of the studied norms of law, this work provides an answer to a number of previously unconsidered issues, the resolution of which is the subject of discussion. In particular, the following issues were investigated: (1) the issues of the validity of the extension of the rules on cancellation to all cases of concluding employment contracts; (2) problems of normative regulation of provision for compulsory social insurance in the event of an insured event; (3) the documentary registration and procedure for the employer in the process of canceling the employment contract; (4) the consequences of the cancellation of the employment contract in the event of a lawful and unlawful denial of an employee to work; (5) the consequences of the employer's refusal to cancel the employment contract with the employee. Based on the results of the study and systematization of approaches to understanding the procedure for canceling an employment contract, the author presents his own version of the interpretation of controversial provisions. The author proposes a way to overcome the contradictions between the norms of the analyzed article of the Labor Code of the Russian Federation and the norms of the Federal Law of December 29, 2006 No. 255-FZ "On Compulsory Social Insurance ..." by adjusting the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, which regulate the procedure for canceling an employment contract.

Keywords: cancellation of employment contract; cancellation procedure; right to cancellation; employment contract; employment law; legal fiction; interpretation of law; legal hermeneutics; doctrinal interpretation; legal technique.

Cite as: Kichigin SV. Problemy annullirovaniya trudovogo dogovora [Problems of Cancellation of an Employment Contract]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):101-119. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.101-119. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

С введением в действие 1 февраля 2002 г. Трудового кодекса РФ в отечественном трудовом законодательстве появился новый термин и новая процедура — «*аннулирование трудового договора*», представляющая собой отказ работодателя от исполнения трудового договора в связи со свершившимся фактом отказа

работника приступить к выполнению своих должностных обязанностей в определенный сторонами день начала работы. Эта законодательная новелла была воспринята профессиональным юридическим сообществом довольно неоднозначно¹. В Кодексе законов о труде 1971 г., действовавшем до ТК РФ (как и в других, более ранних, кодексах законов о труде 1918 и 1922 гг.), понятие аннулирования трудового

¹ Андриановская И. И. Понятийный аппарат трудового права: преемственность и новизна // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. С. 18–21 ; Ломакина Л. А. Споры, связанные с аннулированием трудового договора / под ред. К. Б. Ярошенко. М. : Контракт, 2015. С. 133.

договора отсутствовало. Однако уже в 1970-х гг. в теории советского трудового права проблема трудового договора, который не перешел в стадию исполнения его сторонами (прежде всего работником), была исследована и были предложены пути ее решения² (при этом сам термин «аннулирование трудового договора» и связанная с ним проблематика в науке отечественного трудового права присутствовали еще в начале XX в.³). Профессор А. К. Безина в названный период ввела в научный оборот элегантный термин «*нереализованный трудовой договор*», понимая под этим словосочетанием заключенный сторонами трудовой договор, который не привел к возникновению между ними трудовых отношений вследствие отказа работника от его исполнения и последующих распорядительных действий со стороны работодателя по отказу от реализации договора в дальнейшем. На основе практики работы кадровых подразделений и анализа судебной практики А. К. Безиной был сделан вывод о предпочтительном способе оформления работодателем такого отказа — об издании работодателем приказа об отмене ранее изданного им приказа о приеме работника на работу ввиду невыхода последнего на работу⁴. Аналогичная позиция о предпочтительном порядке прекращения нереализованного трудового договора высказывалась в те же годы и другим автором — профессором Р. З. Лившицем, который полагал верным идти

в этом случае не путем увольнения работника (распространенная на тот момент практика), а путем отмены приказа о приеме на работу и путем аннулирования соглашения (трудового договора) при наличии последнего в письменном виде⁵. Фактически Р. З. Лившиц уже тогда пришел к необходимости применения в такой ситуации юридической фикции⁶ — признания трудового договора незаключенным⁷.

Фикция как технико-юридический прием представляет собой установленное законодателем исключение из общего правила, она призвана превратить несуществующее положение в существующее или наоборот⁸. То есть в объективной реальности аннулированный трудовой договор, конечно же, был заключен сторонами. Более того, он может продолжить свое материальное существование в виде бумажного документа, в виде записи о нем в журнале учета трудовых договоров, в виде упоминания о нем в приказах по личному составу — о приеме работника на работу и об отмене этого приказа, в приказе об аннулировании трудового договора, а также в акте об отсутствии работника на рабочем месте в день начала работы. Однако закон императивно предписывает нам считать аннулированный договор незаключенным. «Применив термин “аннулирование трудового договора”, законодатель подчеркивает, что договор не расторгается и не каким-либо иным образом прекращает свое действие, <...> а именно теряет

---

² Лушникова М. В. Условия действительности договоров о труде, изменение юридической квалификации договоров о труде, аннулирование трудового договора: вопросы теории и практики // Российский ежегодник трудового права. 2009. № 4. С. 22–46.

³ Канторович Я. А. Коллективный договор как юридический институт (Коллективный договор как предмет догматики права) // Право и жизнь. 1923. Кн. 3. С. 1–23.

⁴ Безина А. К. Вопросы теории трудового права и судебная практика. Казань. 1976. С. 9–19.

⁵ Трудовой договор как письменный документ в то время, как правило, не оформлялся. Основные условия работы излагались в приказе о приеме на работу. Основанием для этого служила ст. 18 КЗоТ 1971 г., предоставлявшая возможность заключения трудового договора как в письменной, так и в устной форме.

⁶ От лат. *factio* — выдумка, вымысел. Прием, заключающийся в том, что действительность подводится под какую-либо условную формулу.

⁷ Лившиц Р. З. Правовые средства формирования производственных коллективов // Трудовое право и повышение эффективности общественного производства / под ред. С. А. Иванова. М.: Наука, 1972. С. 30.

⁸ Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–18.

юридическую силу как достигнутое соглашение»⁹, так и не породив трудовых отношений.

Ряд авторов достаточно негативно оценивали сам факт введения в ТК РФ нормы об аннулировании¹⁰, тем более что на практике возникали закономерные сложности в процессе реализации новой нормы. До настоящего времени в литературе можно встретить не только утверждения о том, что сферы действия норм об аннулировании и увольнении за прогул частично совпадают, но и призыв к законодателю «отказаться от закрепления в Трудовом кодексе РФ правовой конструкции аннулирования трудового договора»¹¹. Однако как отрицательная оценка появления в правовом поле понятия аннулирования трудового договора, так и имевшие место практические затруднения были вызваны скорее неудачной формулировкой первоначальной редакции ч. 4 ст. 61 ТК РФ, чем объективной ненужностью этого института в современном трудовом законодательстве. Первоначальная редакция этого пункта звучала следующим образом: «Если работник не приступил к работе в установленный срок без уважительных причин в течение недели, то трудовой договор аннулируется»¹². Работнику давалась целая неделя на то, чтобы приступить к работе. Более того, при неявке работника по уважительной причине трудовой договор не мог быть аннулирован. Фактически на работодателя возлагалась еще и обязанность выяснения причин неявки работника. То есть возможность аннулирования договора зависела еще и от уважительности причины, по которой работник не приступил к работе в назначенный день¹³.

Чтобы обезопасить себя от необходимости принимать на работу лицо, которое объявилось спустя несколько дней и отсутствовало по уважительным причинам, работодатель был вынужден предпринимать действия по розыску потерявшегося работника (обзвон по контактному номерам телефонов, направление телеграмм, писем по указанным работником адресам, выезд по известному месту жительства) и выяснению причины неявки работника с оценкой уважительности этой причины, если ее удалось выяснить¹⁴. То есть при краткости текста первоначальной редакции ч. 4 ст. 61 ТК РФ сама конструкция процесса аннулирования была неоправданно усложненной. Кроме того, работодатель был обязан принять от работника исполнение по договору в течение всей недели, следующей за определенным сторонами днем начала работы, до момента аннулирования договора.

Даже в вопросе определения целевой установки новой процедуры авторы придерживались достаточно полярных мнений. Аннулирование трудового договора рассматривалось: 1) как порядок реализации субъективного права работника на отказ от трудового договора в рамках принципа свободы труда и трудового договора; 2) как способ защиты интересов работодателя в виде признания трудового договора незаключенным и аннулирования всех правовых последствий договора. Однако, на наш взгляд, очевидно, что законодатель в данном случае руководствовался интересами обеих сторон договора, ставя своей целью установление

⁹ Архипов В. В. Место и значение трудового договора в регулировании и организации трудовых отношений: теория и практика // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 59–73.

¹⁰ Андриановская И. И. Указ. соч. С. 18–21; Дубицкая С. А. Проблемы аннулирования трудового договора // Вестник ОмЮА. 2010. № 13. С. 38–39; Бондаренко Э. Н. Заключение трудового договора: противоречия и пробелы в Трудовом кодексе РФ // Право и экономика. 2004. № 9. С. 76–79.

¹¹ Сонин О. Е. Соотношение правовых норм, устанавливающих право работодателя на аннулирование и расторжение трудового договора // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 329–333.

¹² Трудовой кодекс РФ (ред. от 30.12.2001) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

¹³ Кузьменко А. В. Консультация на сайте «Юридическая Россия» // URL: http://www.law.edu.ru/centerS/labourlaw/message_tree.asp?mID=650&day=&month=1&year=2005 (дата обращения: 06.03.2019).

¹⁴ Совершенствование законодательства о труде: теоретические проблемы // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 35–46; № 7. С. 54–65.

разумного их баланса. Поэтому мы подходим к этому вопросу диалектически: появившаяся в ТК РФ процедура аннулирования призвана как предоставить работнику право отказаться от заключенного трудового договора без каких-либо негативных последствий для себя, так и предоставить работодателю правовую возможность в упрощенном порядке оградить себя от необязательного работника.

В настоящем исследовании в целях суммирования подходов к проблеме аннулирования трудового договора, высказанных в рамках доктринального и официального (легального и судебного) толкования, а также разрешения имеющихся противоречий в нормативном регулировании института аннулирования трудового договора необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Связь порядка вступления трудового договора в силу с возможностью аннулирования трудового договора.

2. Право и условия реализации права работника (стороны аннулированного трудового договора) на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию.

3. Процедура аннулирования трудового договора и ее документальное оформление.

4. Последствия отказа работодателя от аннулирования трудового договора.

5. Правомерность и правовые последствия аннулирования трудового договора при недопуске работника к работе.

Методологической основой настоящего исследования выступают диалектический метод научного познания, метод анализа и обобщения научной литературы по проблеме, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод системного толкования правовых норм.

Связь порядка вступления трудового договора в силу с возможностью аннулирования договора

Принятие новой редакции ч. 4 ст. 61 ТК РФ, действующей с 6 октября 2006 г. по настоящее время, значительно упростило работодателю процедуру аннулирования. Работодатель оказался вправе отказаться от принятия исполнения договора со стороны работника, если последний не приступил к работе в течение первого рабочего дня. Кроме того, исчезло требование установления работодателем уважительности причины, по которой работник не приступил к работе в назначенный день. Однако и текст новой редакции, имея существенные позитивные отличия от первоначальной редакции, оставил открытыми ряд вопросов. Например, комментируя положения ч. 4 ст. 61 ТК РФ, авторы зачастую не замечают содержащееся в тексте ограничение на применение процедуры аннулирования к трудовым договорам, вступившим в силу в порядке, определенном ч. 1 ст. 61 ТК РФ¹⁵. Между тем текст ч. 4 ст. 61 ТК РФ содержит прямое указание на то, что аннулирование трудового договора возможно только в случаях, когда работник не приступил к работе в день начала работы, установленный в соответствии с ч. 2 или 3 ст. 61 ТК РФ. То есть одним из необходимых условий для аннулирования трудового договора является порядок определения дня начала работы. Приведенные в ч. 4 ст. 61 ТК РФ, «основания признания трудового договора незаключенным (ч. 2, 3 ст. 61 ТК РФ) не подлежат расширительному толкованию и являются единственными, по которым трудовой договор может быть признан незаключенным»¹⁶.

Из положений ч. 2 ст. 61 ТК РФ следует, что день, в который работник обязан приступить к

¹⁵ Шестакова Е. В. Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2018 году // СПС «КонсультантПлюс»; Настольная книга кадровика: юридические аспекты / под ред. Ю. П. Орловского. 3-е изд. М.: Контракт, 2018. С. 368; Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный) / под ред. Ю. П. Орловского. 3-е изд. М.: Контракт, 2017. С. 608; Анисимов Л. Н. Трудовой договор как основание возникновения трудовых отношений // Право и экономика. 2008. № 3. С. 14–16; Сумникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Разд. III: Трудовой договор: постатейный научно-практический комментарий. М.: Библиотечка РГ, 2013. С. 720.

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 02.09.2016 по делу № 33-34099/16 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/c6e163b5-75dc-44f8-84ae-cdd574d622b7?caseNumber=33-34099/16> (дата обращения: 11.06.2020).

исполнению своих трудовых обязанностей (день начала работы), так или иначе, определяется сторонами непосредственно в тексте трудового договора. В части 3 ст. 61 ТК РФ сформулировано правило определения дня начала работы для случая, когда это условие оказалось не включенным в текст договора. В этом случае работник должен приступить к работе на следующий рабочий день после вступления договора в силу¹⁷.

На первый взгляд кажется, что законодатель выводит из-под действия нормы об аннулировании все случаи вступления трудового договора в силу, описанные в ч. 1 ст. 61 ТК РФ, за исключением трех:

- а) когда день начала работы определен сторонами в тексте договора (ч. 2 ст. 61 ТК РФ);
- б) когда условие о дне начала работы оказалось не включено в текст договора и подлежит применению специальная норма (ч. 3 ст. 61 ТК РФ);
- в) когда трудовой договор вступает в силу со дня фактического допуска работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на то представителя. В этом последнем случае аннулирование невозможно в силу уже свершившегося факта начала исполнения договора работником и принятия этого исполнения работодателем.

Если для случая, когда вступление трудового договора в силу непосредственно обусловлено фактическим допуском работника к работе, ситуация не выглядит странной, то другие случаи вступления в силу трудовых договоров, описан-

ные в ч. 1 ст. 61 ТК РФ, уже вызывают закономерный вопрос о том, верным ли будет предположение о невозможности применения к ним на практике норм ТК РФ об аннулировании.

Первый предусмотренный ч. 1 ст. 61 ТК РФ вариант вступления трудового договора в силу, который формально выведен из-под действия нормы об аннулировании, предполагает, что договор вступает в силу со дня его подписания сторонами (под подписанием следует понимать заключение договора), когда день начала работы сторонами определен и, как правило, совпадает с днем заключения трудового договора. Однако если после заключения трудового договора работник не приступил к выполнению своей трудовой функции, то договор тем не менее не будет считаться вступившим в силу, поскольку для этого недостаточно простого появления работника на рабочем месте¹⁸. А поскольку работник в рассматриваемом примере «не приступил к исполнению трудовых обязанностей со дня, определенного трудовым договором», как того требует ч. 2 ст. 61 ТК РФ, то эта ситуация подпадает под регулирование ч. 4 ст. 61 ТК РФ и трудовой договор с этим работником может быть аннулирован.

Второй предусмотренный ч. 1 ст. 61 ТК РФ вариант вступления трудового договора в силу предполагает, что порядок вступления договора в силу определен специальными нормами ТК РФ. Наиболее частым примером, иллюстрирующим этот вариант вступления договора в силу, является трудовой договор с иностранцем и (или) лицом без гражданства, который

¹⁷ Здесь, по нашему убеждению, законодатель допустил терминологическую ошибку, т.к. из логики самой статьи 61 следует, что вступление трудового договора в силу во всех случаях происходит в момент начала выполнения работником работы с ведома и по поручению работодателя. Никаких причин для выделения данного частного случая из общего, единого правила вступления трудовых договоров в силу нами не усматривается. Если следовать буквальному не критичному прочтению данной части, то получается, что возможно аннулирование не только заключенного, но и уже вступившего в силу договора. Причем вступление договора в силу никоим образом не связано с началом работы. В этом случае вообще неясно, что же, собственно, происходит с трудовым договором в момент его вступления в силу и чем трудовой договор, вступивший в силу таким образом, отличается от заключенного. Данная часть ст. 61 ТК РФ перестанет противоречить общему правилу, если примененный в ней термин «вступление договора в силу» заменить на «заключение договора».

¹⁸ Тихомиров М. Ю. Заключение трудового договора и оформление приема на работу : практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2015. С. 78.

согласно ч. 2 ст. 327.3 ТК РФ вступает в силу не ранее дня получения этим лицом разрешения на работу.

Произведем мысленный эксперимент: предположим ситуацию, когда с иностранцем был заключен трудовой договор, в котором не был определен день начала работы. Соответственно, согласно ч. 1 ст. 61 и ч. 2 ст. 327.3 ТК РФ, такой договор будет являться, по сути, соглашением о намерении вступить в трудовые отношения, поскольку до момента получения иностранцем разрешения на работу договор не может быть реализован. А согласно положениям ч. 2 и 3 ст. 57 ТК РФ, такой договор требует от сторон еще и действий по внесению в его текст недостающего обязательного условия о дне начала работы путем заключения отдельного соглашения. И теперь предположим, что работник разрешения на работу не получил. В этом случае создается ситуация, когда заключенный сторонами трудовой договор зависает в воздухе, не имея ни возможности вступить в силу в отсутствие обязательного для этого условия получения разрешения на работу, ни быть аннулированным, поскольку, хотя день начала работы и не был определен сторонами, у работника не возникло обязанности приступить к работе в день, следующий за днем заключения договора, вследствие законодательного запрета на трудовую деятельность иностранцев, не имеющих специального разрешения (т.е. отсутствует факт неисполнения работником заключенного трудового договора). Факт неисполнения также будет отсутствовать и в ситуации, когда день начала работы был определен в договоре, однако к этому сроку разрешение на работу не было получено.

В этой смоделированной ситуации интересным представляется также то обстоятельство, что с момента заключения такого трудового договора до момента его аннулирования работник, согласно ч. 4 ст. 61 ТК РФ, имеет право на получение пособия по временной нетрудоспособности. По нашему мнению, в вопросе о праве такого работника на получение пособия следует руководствоваться специальными нор-

мами права, непосредственно регулирующими отношения сторон в процессе исполнения обязательств по обязательному социальному страхованию. Частью 4.1 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»¹⁹ определено, что иностранные граждане и лица без гражданства «имеют право на получение страхового обеспечения в виде пособия по временной нетрудоспособности при условии уплаты за них страховых взносов страхователями <...> за период не менее шести месяцев, предшествующих месяцу, в котором наступил страховой случай». А поскольку трудовой договор не был реализован по причине того, что работник не получил разрешения на работу и к выполнению своей трудовой функции не приступал, а соответственно, заработная плата ему не начислялась и не выплачивалась, то и страховые взносы по обязательному социальному страхованию работодателем (страхователем) не уплачивались. Следовательно, ни о какой выплате пособия по временной нетрудоспособности не может идти речи. Уточним, что это верно для ситуации, когда работник ранее не работал в России и в рамках прошлых трудовых договоров работодателями не уплачивались за него страховые взносы в течение необходимого периода.

Сложность состоит в том, что часть 4 ст. 61 ТК РФ не делает никаких исключений для ситуации, когда у работника отсутствует право на получение пособия по временной нетрудоспособности при наступлении страхового случая в период со дня заключения трудового договора до дня его аннулирования. Противоречие положений ч. 4 ст. 61 ТК РФ положениям ч. 4.1 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ, в соответствии с ч. 3–5 ст. 5 ТК РФ, требует внесения соответствующей оговорки в текст ТК РФ. Названная норма Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ была введена в действие с 1 января 2015 г., однако до настоящего момента в ТК РФ не внесены соответствующие поправки. Остается надеяться, что в процессе дальнейшего

---

¹⁹ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 18.

совершенствования трудового законодательства необходимые изменения все же будут внесены в текст ТК РФ.

Исходя из сказанного, практически оправданным будет заключение трудовых договоров с иностранцами и лицами без гражданства только после получения ими разрешительных документов на работу, что создает неоправданное препятствие в случае, когда трудовой договор необходим иностранцу для получения разрешения на работу.

Третьим вариантом вступления договора в силу в ч. 1 ст. 61 ТК РФ назван случай, когда трудовой договор вступает в силу в день, определенный в соответствии с нормами иных федеральных законов.

В качестве примера можно привести назначение на должность сотрудников федеральной противопожарной службы, органов внутренних дел, учреждений уголовно-исполнительной системы. Трудовой договор (именуемый служебным контрактом) вступает в силу со дня, определенного в распоряжении работодателя (представителя нанимателя). В данном случае для вступления служебного контракта в силу недостаточно простого подписания его сторонами даже вкуче с фактически состоявшимся допуском работника к работе²⁰. Для целей настоящего исследования также представляется существенным то, что специальные нормы соответствующих федеральных законов, регулирующих трудовые отношения с участием этих категорий работников (служащих), не содержат понятия аннулирования как такового. И хотя

упомянутые специальные нормативные правовые акты имеют оговорку о том, что в случаях, не урегулированных нормами этих законов, к отношениям сторон применяются нормы трудового законодательства (т.е. в первую очередь ТК РФ), возможность применения к служебным контрактам нормы об аннулировании представляется достаточно спорной.

То, что представители названных категорий работников могут не выйти на работу в первый рабочий день так же, как и представители любых других категорий работников, не вызывает сомнений. Однако коль скоро законодателем эти случаи выведены из-под действия ч. 4 ст. 61 ТК РФ, то полагаем, что в этой ситуации работодатель лишен возможности (права) аннулировать трудовой договор. В доступной литературе только С. Е. Чаннов²¹ и Е. А. Ершова²² высказывают предположение о том, что норма об аннулировании неприменима к служебным контрактам. Профессор С. Е. Чаннов пишет, что «акт о назначении на должность носит административно-правовой характер в том смысле, что свидетельствует о наделении гражданина особым правовым статусом, включающим в себя право действовать от имени и по поручению государства. Издание такого акта устанавливает правовую связь не только между гражданином и государственным органом, но и между гражданином и государством в целом. Поэтому отмена акта возможна только по основаниям, предусмотренным главой 6 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”»²³. Мнение

²⁰ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020 ; Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3089 ; Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4532.

²¹ Чаннов С. Е. Некоторые проблемы заключения служебных контрактов на государственной гражданской службе // Трудовое право. 2010. № 9. С. 77–82.

²² Ершова Е. А. Служебный контракт: стороны, понятие, содержание и форма // Трудовое право. 2006. № 1. С. 30–39.

²³ Чаннов С. Е. Указ. соч.

С. Е. Чаннова о невозможности аннулирования служебного контракта мы полагаем верным, однако логические посылки, на основании которых делается верное умозаключение, требуют доработки. С. Е. Чаннов, ссылаясь на гл. 6 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»²⁴, на наш взгляд, необоснованно отождествляет отмену акта о назначении гражданина на должность государственной службы с прекращением или расторжением служебного контракта. В случае служебного контракта присутствуют такие динамические состояния трудового договора, как его заключение и вступление в силу, которые могут как совпадать, так и быть разнесены по времени, если акт о назначении на должность издаётся позже заключения двусторонней сделки — служебного контракта. Издание представителем нанимателя распорядительного акта о назначении на должность, в котором установлен день начала работы, являющийся днем вступления служебного контракта в силу, не увязывает вступление служебного контракта в силу с фактическим началом работы назначенным лицом. Следовательно, и отмена этого акта не приводит к расторжению заключенного служебного контракта как двусторонней сделки, а влияет только на то, что договор возвращается в состояние заключенного, но не вступившего в силу. При этом в отсутствие воли сторон на расторжение этого не вступившего в силу служебного контракта он оказывается в том же положении, что и трудовой договор с иностранцем, не получившим разрешения на работу, поскольку весь массив федеральных законов, регулирующих трудовые отношения в рамках государственной гражданской и иной государственной службы, не содержит ни упоминания процедуры аннулирования служебного контракта, ни прямого указания на правомерность применения в этой ситуации норм ТК РФ.

Четвертым вариантом вступления договора в силу в ч. 1 ст. 61 ТК РФ назван случай, когда трудовой договор вступает в силу в день, определяемый в соответствии со специальными нор-

мами, установленными иными нормативными правовыми актами РФ. Например, постановление Правительства РФ от 28.10.2009 № 848 определяет, что трудовые договоры с военнослужащими, направленными не на воинские должности в организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и федеральные государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, вступают в силу со дня исключения военнослужащих из списков личного состава воинской части. Нам данная формулировка представляется не вполне удачной. Грамматически интерпретируя эту норму, можно прийти к выводу о том, что трудовые отношения на новом месте в этом случае возникают в последний день службы на старом месте, «наслаиваясь» друг на друга. Телеологически верным нам представляется следующее понимание этой нормы: трудовые отношения на новом месте возникают, а трудовой договор вступает в силу со дня, следующего за днем исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части, при условии, что он в этот день приступил к работе²⁵.

Поскольку такое направление на работу связано с приостановлением воинской службы, то выдаваемое военнослужащему предписание, которое он предъявляет работодателю, должно содержать необходимые данные для определения в трудовом договоре условия о дне начала работы. Здесь мы полагаем возможным определить в заключаемом трудовом договоре день начала работы в виде конкретной даты или иным способом (например, указав, что трудовой договор вступит в силу со дня, следующего за днем исключения работника из списков воинской части). В обоих этих случаях работодатель будет иметь возможность аннулирования трудового договора в случае невыхода работника на работу.

Из рассмотренных выше ситуаций можно сделать вывод о том, что из права работодателя аннулировать трудовой договор имеется два действительных исключения: 1) договор с ино-

---

²⁴ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

²⁵ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный). С. 608.

странцем или лицом без гражданства, когда в его тексте не был определен день начала работы (либо договор был заключен с отложенной датой вступления его в силу), если им не было получено разрешение на работу; 2) служебный контракт.

Следует отметить, что в остальных случаях возможность аннулирования трудового договора определяется скорее не порядком вступления его в силу, а отсутствием факта начала исполнения работником своей трудовой функции в день начала работы²⁶. Именно факт начала работы или его отсутствие является разграничительной чертой, отделяющей вступивший в силу трудовой договор, который может быть прекращен по соответствующим основаниям, от трудового договора заключенного, но не вступившего в силу, который может быть аннулирован.

Право работника на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию

Вернемся вопросу о праве работника на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию в период с момента заключения до момента аннулирования трудового договора. Представляется интересным изучить этот вопрос относительно граждан России и иностранцев (лиц без гражданства), которые в

силу уже состоявшихся страховых выплат за них имеют право на получение пособия по временной нетрудоспособности. Авторы, затрагивающие в своих работах эту проблему, как правило, ограничиваются констатацией факта наличия у работника такого права²⁷ либо рассматривают эту обязанность работодателя как нарушение баланса интересов, смещение центра тяжести в сторону работника²⁸. Рассматриваемое положение ч. 4 ст. 61 ТК РФ возлагает на работодателя обязанность при наступлении страхового случая производить выплаты пособия по временной нетрудоспособности работнику, с которым он не состоит в трудовых отношениях (напомним, что оплата первых трех дней больничного производится за счет собственных средств работодателя). Сложно уверенно утверждать, чем руководствовался законодатель, вводя в ТК РФ данную норму. Однако спустя менее трех месяцев после начала действия актуальной редакции ч. 4 ст. 61 ТК РФ вступил в силу уже упомянутый выше Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ, положения ч. 5 ст. 2 и ч. 4 ст. 6 которого гласят, что право на пособие по временной нетрудоспособности у застрахованных лиц, работающих по трудовым договорам, а также приравненных к ним лиц возникает с того дня, когда они должны были приступить к работе или дня, когда они были фактически допущены к работе в соответствии с трудовым законодательством²⁹. Это очень логично и, на

²⁶ *Кичигин С. В.* Момент вступления трудового договора в силу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 3. № 2. С. 173–180. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180 ; *Завгородний А. В.* Отдельные вопросы заключения трудового договора: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 3. С. 49–64.

²⁷ Настольная книга кадровика: юридические аспекты. С. 368 ; *Завгородний А. В.* Фактические составы как основания прекращения трудовых правоотношений // Вестник СПбГУ. Серия 14 : Право. 2011. № 3. С. 54–71 ; *Щур-Труханович Л. В.* Трудовой договор о дистанционной работе: содержание, особенности и реализация на практике // Кадры предприятия. 2014. № 3. С. 3–10 ; *Анисимов Л. Н.* Трудовой договор: права и обязанности сторон. М. : Деловой двор, 2009. С. 288.

²⁸ *Ульянова Г. А.* Аннулирование трудового договора: предпосылки возникновения и сущность // Теория и практика современной юридической науки : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. Б. Гоголевская. СПб., 2019. С. 187–190.

²⁹ *Архипов В. В.* Место и значение трудового договора в регулировании и организации трудовых отношений: теория и практика // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 59–73 ; *Жаворонков Р. Н.* О приобретении страхового стажа, необходимого для установления трудовой пенсии по инвалидности // Журнал российского права. 2011. № 3 (171). С. 63–70.

наш взгляд, соответствует действительным целям законодателя, не вполне удачно отразившего эти условия в ТК РФ. Не реализуя свое право на аннулирование трудового договора, работодатель осознанно принимает на себя риски, связанные с возможным появлением обязанности оплачивать больничный работнику, который не приступил и, возможно, не приступит к работе. И в этом случае с момента, когда работодатель действием или бездействием выразил свое информированное согласие и готовность принять исполнение по договору от работника позже дня, определенного в договоре или в силу указаний закона, работодатель принимает на себя обязанность производить выплаты пособия по временной нетрудоспособности работнику в рамках нереализованного трудового договора.

Можно предположить, что формулировка о праве работника на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию, использованная в ч. 4 ст. 61 ТК РФ, попала туда из более раннего Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»³⁰, пункт 1 ч. 1 ст. 9 которого содержит именно такую формулировку: отношения по обязательному социальному страхованию возникают «у страхователя (работодателя) по всем видам обязательного социального страхования с момента заключения с работником трудового договора». Данный Закон до настоящего времени не утратил своей силы, что лишний раз подтверждает назревшую необходимость унификации положений ТК РФ и иных федеральных законов, регламентирующих сферу трудовых и непосредственно связанных с ними отношений.

Процедура аннулирования трудового договора

Следующий вопрос, который хотелось бы рассмотреть в настоящем исследовании, — это процедура, порядок действий при аннулировании трудового договора. Проблема полноценного определения процедуры аннулирования трудового договора, будучи достаточно давно осознанной в науке трудового права³¹, однако, как правило, ограничивается констатацией факта необходимости издания работодателем приказа об аннулировании договора с работником. То есть данный вопрос нельзя считать полноценно разработанным и решенным.

Начнем с того, что закон не ограничивает работодателя в сроках реализации его права на аннулирование договора. Однако следует определиться с тем, начиная с какого момента работодатель вправе реализовать это свое право? Обычно называется день, следующий за днем, когда работник в нарушение имевшихся договоренностей не приступил к работе³². Нам ближе подход, согласно которому право на аннулирование возникает у работодателя непосредственно в день, которым было определено начало работы³³ (под днем в данном случае понимается не рабочий день, а календарная дата). Аннулируя договор даже на следующий день, работодатель рискует оказаться в ситуации, когда он должен будет оплачивать минимум один день нахождения работника на больничном. Что мешает работодателю реализовать свое право на аннулирование непосредственно в день начала работы по окончании рабочего времени (смены) неявившегося и/или не приступившего к работе лица? В этом случае даже при предъявлении впоследствии листка нетрудоспособности у работника не возникнет права на получение от работодателя пособия по вре-

---

³⁰ СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3686.

³¹ Коробченко В. В. Международная научно-практическая конференция «Трудовое право: актуальные проблемы теории и практики»: третьи пашковские чтения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 29–39; Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Процедурные нормы в механизме правового регулирования трудовых отношений // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 80–99.

³² Карсетская Е. В. Прием на работу, увольнение: Правила оформления на все случаи жизни. М.: АйСи Групп, 2010. С. 232; Умяров И. Аннулирование трудового договора // ЭЖ-Юрист. 2012. № 33. С. 6.

³³ Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Указ. соч. С. 720.

менной нетрудоспособности. Обязательность полного истечения рабочего времени работника представляется необходимым условием, т.к. мы имеем дело не с увольнением за прогул, а с аннулированием, для которого требуется, чтобы работник не приступал к работе в течение всего первого рабочего дня (смены). Отработав в назначенный день даже часть своего рабочего времени, работник тем самым реализует трудовой договор, между сторонами возникают трудовые отношения, что делает невозможной процедуру аннулирования³⁴.

Каким же именно образом происходит аннулирование трудового договора? Непосредственно нормами ТК РФ процедура аннулирования не регламентирована. На основе вольных трактовок ч. 4 ст. 61 ТК РФ предлагаются даже варианты включения в текст трудового договора условия о том, что если работник не приступит к работе в срок, указанный в трудовом договоре, то договор аннулируется³⁵. Такой подход с автоматическим аннулированием представляется нам неверным и не соответствующим нормам действующего трудового законодательства.

Правильной представляется следующая последовательность действий работодателя, желающего аннулировать трудовой договор:

во-первых, необходимо зафиксировать факт неявки работника и тот факт, что он не приступил к работе, составив и комиссионно подписав акт об отсутствии работника на работе в течение всего рабочего дня (смены); во-вторых, исходя из того, что аннулирование есть право, а не обязанность работодателя, следует предположить необходимость волевого одностороннего акта со стороны работодателя на прекращение отношений по трудоустройству с несостоявшимся работником. Волеизъявление это традиционно оформляется распорядительным актом работодателя (приказ, распоряжение)³⁶. При этом если был издан приказ о приеме работника на работу, то этот приказ подлежит отмене путем издания отдельного приказа либо включения соответствующих положений в объединенный приказ об аннулировании трудового договора и отмене приказа о приеме на работу.

После издания приказа об аннулировании трудового договора работодателю следует ознакомить с ним работника. Притом что закон не устанавливает для работодателя такой обязанности³⁷, ознакомление работника с приказом об аннулировании договора представляется правильным и оправданным действием³⁸. Ознакомление с приказом об аннулировании трудового

³⁴ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 26.09.2012 по делу № 33-2473/2012 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/132692044/> (дата обращения: 27.05.2019).

³⁵ *Авдеев В. В.* Командировочные и иные аналогичные расходы: трудовой договор (отношения) при переезде из другого региона // *Налоги.* 2010. № 37.

³⁶ Апелляционное определение Орловского областного суда от 19.09.2012 по делу № 33-1766/2012 // URL: https://oblsud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=a27b1de2-aa88-4cac-993e-1b1f143be63c&_deloid=1540005&_caseType=&_new=5&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 27.05.2019); кассационное определение Волгоградского областного суда от 21.04.2011 по делу № 33-5226/2011 // URL: <http://base.garant.ru/115187240/> (дата обращения: 12.06.2019); кассационное определение Московского городского суда от 12.01.2011 по делу № 33-22 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=29089&dst=0&hash=0#09767602229158803> (дата обращения: 23.02.2019).

³⁷ Кассационное определение Челябинского областного суда от 21.04.2011 по делу № 33-3830/2011 // URL: <https://base.garant.ru/119342613/> (дата обращения: 14.08.2019).

³⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.12.2012 по делу № 11-28508/2012 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/668ca209-b3a1-420c-9b12-a90a9b627e8c?caseNumber=11-28508/2012> (дата обращения: 31.12.2019); апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.08.2012 по делу № 33-10463 // URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16870647&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 21.05.2019); кассационное определение Санкт-Петербургского город-

договора, а также с приказом об отмене приказа о приеме на работу (при наличии последнего) может быть произведено не только лично, но и путем направления работнику копии названного приказа (или приказов) ценным письмом с описью вложений.

Поскольку трудовые отношения между сторонами не возникли, то никаких записей в трудовую книжку работника не вносится³⁹. А в том случае, если запись о приеме на работу была сделана, то после издания приказа об аннулировании трудового договора и отмены приказа о приеме на работу в трудовой книжке работника следует сделать запись о признании недействительной записи о приеме на работу⁴⁰ со ссылкой на приказ об аннулировании трудового договора. В порядке ст. 84.1 ТК РФ вместе с заверенными надлежащим образом копиями приказов об аннулировании и приказа об отмене приказа о приеме на работу (при наличии) следует направить работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправку ее по почте⁴¹.

Последствия отказа от аннулирования трудового договора

Рассматривая положение о праве работодателя признать заключенный договор незаключенным путем его аннулирования, можно предположить, что в случае, если работодатель не утратил желания вступить с работником в трудовые отношения после неявки последнего на работу, он вправе не аннулировать трудовой договор, а принять от работника исполнение

по договору позже первоначально определенного сторонами дня начала работы. При этом, поскольку между сторонами имеется заключенный трудовой договор, с момента фактического допуска работника к выполнению работы этот договор вступит в силу и между сторонами возникнут трудовые отношения, которые будут реализовываться в дальнейшем в соответствии с условиями, определенными в договоре.

О возможности реализации трудового договора позже первоначально определенного сторонами срока начала работы писала Е. В. Карсетская, указывавшая на то, что «работодатель может выяснить причины отсутствия работника на работе и оставить трудовой договор в силе»⁴², а также Л. А. Ломакина, пришедшая к выводу, что «в случае, если работодатель не воспользовался процедурой аннулирования трудового договора и не издал приказ о его аннулировании, а работник приступил к работе после оговоренного дня начала работы, работодатель утрачивает право на аннулирование трудового договора»⁴³. Оба названных автора, однако, не касались определения условий для такого рода отложенной реализации трудового договора. Означает ли отказ от аннулирования обязанность работодателя предоставить работу лицу, не приступившему к исполнению своих должностных обязанностей в назначенный день? Полагаем, что нет, поскольку ТК РФ недвусмысленно увязывает право работодателя аннулировать трудовой договор с тем фактом, что лицо, с которым заключен трудовой договор, не приступило к работе в день ее начала. Явившийся же на работу в другой день работник может быть правомерно не допущен

ского суда от 16.02.2011 по делу № 33-2148 // URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16872479&delo_id=5&new=0&text_number=1 (дата обращения: 31.05.2020).

³⁹ Письмо Роструда от 19.03.2012 № 395-6-1 // URL: <https://base.garant.ru/71121306/> (дата обращения: 12.06.2020).

⁴⁰ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 03.10.2012 по делу № 33-8595/2012 // URL: https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7852099&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2020).

⁴¹ Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Указ. соч. С. 720.

⁴² Карсетская Е. В. Указ. соч. С. 232.

⁴³ Ломакина Л. А. Указ. соч. С. 133.

работодателем к работе, а договор с ним аннулирован.

На основании сказанного выше можно уверенно предположить, что в этом случае необходимо совершение сторонами встречных конклюдентных действий, направленных на возникновение между ними трудовых отношений на основе ранее заключенного договора: работник должен приступить к работе, а работодатель или его уполномоченный представитель при этом должен как минимум знать о факте начала работы и не препятствовать работнику либо прямо поручить ему выполнение той или иной работы. В этом случае заключенный трудовой договор вступает в силу в порядке, определенном последним положением ч. 1 ст. 61 ТК РФ, т.е. в связи с фактическим допуском к работе, хотя в его тексте и был первоначально установлен иной порядок вступления в силу.

Правомерность и последствия аннулирования трудового договора при недопуске работника к работе

При первом взгляде на проблему действия работодателя, имеющего целью не допустить работника к работе, представляются однозначно неправомерными. В самом деле, если работодатель, используя свои возможности сильной стороны договора, злонамеренно препятствует выполнению работником своих трудовых обязанностей (например, запрещает пропускать работника на свою территорию) или работник по иным причинам, зависящим от работодателя, не смог приступить к работе, то у работника возникает право в судебном порядке требовать отмены приказа об аннулировании трудового договора, а также понуждения работодателя к

реализации трудового договора одновременно с взысканием компенсации морального вреда⁴⁴. При этом, по нашему мнению, у работника в этой ситуации не возникает права на выплату ему заработной платы за время со дня начала работы, когда он был неправомерно не допущен до работы, поскольку данное отсутствие на работе не является вынужденным прогулом, который возможен только в рамках реализованного трудового договора⁴⁵.

Но можно ли допустить существование правомерного недопуска работника к работе в день ее начала, который влечет возникновение у работодателя права на аннулирование договора? Полагаем, что да. Например, правомерным представляется недопуск работника к работе, когда закон прямо требует этого от работодателя. Статья 76 ТК РФ говорит о том, что работодатель обязан не допускать к работе работника, появившегося на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения или не прошедшего в установленном порядке обязательный медицинский осмотр, а также в некоторых иных случаях. Работник может быть на законных основаниях не допущен работодателем до исполнения трудовых обязанностей, а по истечении рабочего времени (смены) работодатель вправе аннулировать трудовой договор с ним.

Результаты

В процессе исследования связи порядка вступления трудового договора в силу с возможностью аннулирования трудового договора выявлены два порядка вступления договора в силу, исключающие возможность аннулирования тру-

⁴⁴ Апелляционное определение Курского областного суда от 10.04.2012 по делу № 33-785/2012 // URL: https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23541726&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 25.04.2020).

⁴⁵ То, что вынужденный прогул возможен только в рамках реализованного договора, следует из ч. 1 ст. 121, ч. 3 ст. 373, ч. 10 ст. 374, ч. 2 ст. 391 Трудового кодекса РФ (СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3); п. 17 постановления Правительства РФ от 24.12.2007 № 922 «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» (СЗ РФ. 2007. № 53. Ст. 6618); п. 41, 60, 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6).

договора, поскольку порядок вступления его в силу регулируется специальными нормами ТК РФ или нормами специальных федеральных законов: 1) трудовой договор с иностранцем, не имеющим на момент заключения разрешения на работу и не получившим его впоследствии; 2) трудовой договор с государственными и/или муниципальными служащими (служебный контракт).

В ходе изучения условия реализации права работника на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию в ситуации аннулирования трудового договора с ним была выявлена правовая коллизия, заключающаяся в несоответствии положений ч. 4 ст. 61 ТК РФ, а также п. 1 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» положениям ч. 5 ст. 2 и ч. 4 ст. 6 более позднего Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

Анализ научной литературы и судебной практики позволил определить непротиворечивый и целостный порядок аннулирования трудового договора, уточнив при этом момент, с которого возникает право работодателя на аннулирование договора с работником.

При детальном подходе к рассмотрению проблемы правовых последствий отказа работодателя от аннулирования трудового договора нами сделано предположение о том, что отказ работодателя от аннулирования трудового договора не может означать автоматического возникновения у работника права приступить к работе в любое время до момента аннулирования трудового договора, а у работодателя — обязанности допустить работника до работы. Отказ означает, что работодатель вправе как аннулировать трудовой договор с работником в любое время с момента окончания первого рабочего дня (смены) работника, так и принять от работника исполнение по договору, если работник готов приступить к работе, а работодатель не утратил интереса к трудоустройству данного лица.

Последним был исследован вопрос правомерности недопуска работника до исполне-

ния трудовых обязанностей, а также правовые последствия этих действий. Можно уверенно утверждать, что при наличии законных оснований, требующих от работодателя не допускать работника до работы, такой недопуск будет однозначно правомерным. При условии, что упомянутые обстоятельства сохраняли свое действие в течение всего рабочего дня (смены), когда работник должен был приступить к работе, за пределами этого рабочего дня (смены) у работодателя возникает право аннулировать трудовой договор.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, считаем возможным и необходимым в заключение предложить путь разрешения выявленных проблем, состоящий в корректировке ст. 61 ТК РФ, текст которой предлагаем изложить следующим образом:

Статья 61. Вступление трудового договора в силу

1. Трудовой договор вступает в силу со дня, когда работник фактически приступил к выполнению работы с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. Настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными актами Российской Федерации могут быть установлены дополнительные условия для вступления в силу трудового договора с отдельными категориями работников.

2. Работник обязан приступить к исполнению трудовых обязанностей со дня, определенного трудовым договором. Если в заключенном сторонами трудовом договоре не определен день начала работы, то работник должен приступить к работе на следующий рабочий день после дня заключения трудового договора.

3. В случае, когда между сторонами отсутствует надлежащим образом оформленный трудовой договор, договор считается заключенным и вступившим в силу со дня, в который работник фактически приступил к выполнению работы с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

4. В случае, если работник не приступил к работе в день, определенный в порядке, установленном частью 2 настоящей статьи, работодатель имеет право аннулировать трудовой договор. Аннулирование трудового договора оформляется приказом работодателя, содержание которого доводится до работника. Аннулированный трудовой договор считается незаключенным.

5. Аннулирование трудового договора не лишает работника права на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию при наступлении страхового случая в период начиная со дня, в который он должен был приступить к работе, до дня аннулирования

трудового договора (для иностранных граждан и лиц без гражданства такое право возникает при условии уплаты за них страхователями страховых взносов за период не менее шести месяцев, предшествующих месяцу, в котором наступил страховой случай).

6. Работодатель, не аннулировавший трудовой договор, вправе принять от работника исполнение по заключенному между ними трудовому договору позже дня, который был ими определен в тексте договора как день начала работы, а в случае, если день начала работы не был определен сторонами в тексте договора, — позже первого рабочего дня, следующего за днем заключения трудового договора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев В. В. Командировочные и иные аналогичные расходы: трудовой договор (отношения) при переезде из другого региона // *Налоги*. — 2010. — № 37.
2. Андриановская И. И. Понятийный аппарат трудового права: преемственность и новизна // *Социальное и пенсионное право*. — 2009. — № 3. — С. 18–21.
3. Анисимов Л. Н. Трудовой договор как основание возникновения трудовых отношений // *Право и экономика*. — 2008. — № 3. — С. 14–16.
4. Анисимов Л. Н. Трудовой договор: права и обязанности сторон. — М., 2009.
5. Архипов В. В. Место и значение трудового договора в регулировании и организации трудовых отношений: теория и практика // *Законодательство и экономика*. — 2009. — № 7. — С. 59–73.
6. Безина А. К. Вопросы теории трудового права и судебная практика. — Казань, 1976.
7. Бондаренко Э. Н. Заключение трудового договора: противоречия и пробелы в Трудовом кодексе РФ // *Право и экономика*. — 2004. — № 9. — С. 76–79.
8. Дубицкая С. А. Проблемы аннулирования трудового договора // *Вестник ОмЮА*. — 2010. — № 13. — С. 38–39.
9. Ершова Е. А. Служебный контракт: стороны, понятие, содержание и форма // *Трудовое право*. — 2006. — № 1. — С. 30–39.
10. Жаворонков Р. Н. О приобретении страхового стажа, необходимого для установления трудовой пенсии по инвалидности // *Журнал российского права*. — 2011. — № 3 (171). — С. 63–70.
11. Завгородний А. В. Отдельные вопросы заключения трудового договора: теория и практика // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. — 2013. — № 3. — С. 49–64.
12. Завгородний А. В. Фактические составы как основания прекращения трудовых правоотношений // *Вестник СПбГУ. Серия 14 : Право*. — 2011. — № 3. — С. 54–71.
13. Канторович Я. А. Коллективный договор как юридический институт (Коллективный договор как предмет догматики права) // *Право и жизнь*. — 1923. — Кн. 3. — С. 1–23.
14. Карсетская Е. В. Прием на работу, увольнение : Правила оформления на все случаи жизни. — М., 2010.
15. Кичигин С. В. Момент вступления трудового договора в силу // *Вестник Кемеровского государственного университета*. — 2019. — Т. 3. — № 2. — С. 173–180. — DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180.

16. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный) / под ред. Ю. П. Орловского. — 3-е изд. — М., 2017.
17. Коробченко В. В. Международная научно-практическая конференция «Трудовое право: актуальные проблемы теории и практики»: третьи пашковские чтения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2006. — № 4 (267). — С. 29–39.
18. Лившиц Р. З. Правовые средства формирования производственных коллективов // Трудовое право и повышение эффективности общественного производства / под ред. С. А. Иванова. — М., 1972.
19. Ломакина Л. А. Споры, связанные с аннулированием трудового договора / под ред. К. Б. Ярошенко. — М. — 2015.
20. Лушникова М. В. Условия действительности договоров о труде, изменение юридической квалификации договоров о труде, аннулирование трудового договора: вопросы теории и практики // Российский ежегодник трудового права. — 2009. — № 4. — С. 22–46.
21. Настольная книга кадровика: юридические аспекты / под ред. Ю. П. Орловского. — 3-е изд. — М., 2018.
22. Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А. Процедурные нормы в механизме правового регулирования трудовых отношений // Журнал российского права. — 2019. — № 9. — С. 80–99.
23. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Разд. III : Трудовой договор : постатейный научно-практический комментарий. — М., 2013.
24. Совершенствование законодательства о труде: теоретические проблемы // Журнал российского права. — 2004. — № 6. — С. 35–46; — № 7. — С. 54–65.
25. Сонин О. Е. Соотношение правовых норм, устанавливающих право работодателя на аннулирование и расторжение трудового договора // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 2. — С. 329–333.
26. Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4. — С. 4–18.
27. Тихомиров М. Ю. Заключение трудового договора и оформление приема на работу: практическое пособие. Второе издание, дополненное и переработанное. — М., 2015.
28. Ульянова Г. А. Аннулирование трудового договора: предпосылки возникновения и сущность // Теория и практика современной юридической науки : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е. Б. Гоголевская. — СПб., 2019. — С. 187–190.
29. Умяров И. Аннулирование трудового договора // ЭЖ-Юрист. — 2012. — № 33. — С. 6.
30. Чаннов С. Е. Некоторые проблемы заключения служебных контрактов на государственной гражданской службе // Трудовое право. — 2010. — № 9. — С. 77–82.
31. Шестакова Е. В. Сложные вопросы изменений трудового законодательства в 2018 году // СПС «КонсультантПлюс». — 2018.
32. Щур-Труханович Л. В. Трудовой договор о дистанционной работе: содержание, особенности и реализация на практике // Кадры предприятия. — 2014. — № 3. — С. 3–10.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeev V. V. Komandirovochnye i inye analogichnye raskhody: trudovoj dogovor (otnosheniya) pri pereezde iz drugogo regiona // Nalogi. — 2010. — № 37.
2. Andrianovskaya I. I. Ponyatijnyj apparat trudovogo prava: preemstvennost' i novizna // Social'noe i pensionnoe pravo. — 2009. — № 3. — С. 18–21.

3. Anisimov L. N. Trudovoj dogovor kak osnovanie vozniknoveniya trudovyh otnoshenij // Pravo i ekonomika. — 2008. — № 3. — S. 14–16.
4. Anisimov L. N. Trudovoj dogovor: prava i obyazannosti storon. — M., 2009.
5. Arhipov V. V. Mesto i znachenie trudovogo dogovora v regulirovanii i organizacii trudovyh otnoshenij: teoriya i praktika // Zakonodatel'stvo i ekonomika. — 2009. — № 7. — S. 59–73.
6. Bezina A. K. Voprosy teorii trudovogo prava i sudebnaya praktika. — Kazan', 1976.
7. Bondarenko E. N. Zaklyuchenie trudovogo dogovora: protivorechiya i probely v Trudovom kodekse RF // Pravo i ekonomika. — 2004. — № 9. — S. 76–79.
8. Dubickaya S. A. Problemy annullirovaniya trudovogo dogovora // Vestnik OmYuA. — 2010. — № 13. — S. 38–39.
9. Ershova E. A. Sluzhebnyj kontrakt: storony, ponyatie, sodержanie i forma // Trudovoe pravo. — 2006. — № 1. — S. 30–39.
10. Zhavoronkov R. N. O priobrenenii strahovogo stazha, neobходимого dlya ustanovleniya trudovoj pensii po invalidnosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2011. — № 1 (171). — S. 63–70.
11. Zavgorodnij A. V. Otdel'nye voprosy zaklyucheniya trudovogo dogovora: teoriya i praktika // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2013. — № 3. — S. 49–64.
12. Zavgorodnij A. V. Fakticheskie sostavy kak osnovaniya prekrashcheniya trudovyh pravootnoshenij // Vestnik SPbGU. Seriya 14 : Pravo. — 2011. — № 3. — S. 54–71.
13. Kantorovich Ya. A. Kollektivnyj dogovor kak yuridicheskij institut (Kollektivnyj dogovor kak predmet dogmatiki prava) // Pravo i zhizn'. — 1923. — Kn. 3. — S. 1–23.
14. Karsetskaya E. V. Priem na rabotu, uvol'nenie : Pravila oformleniya na vse sluchai zhizni. — M., 2010.
15. Kichigin S. V. Moment vstupleniya trudovogo dogovora v silu // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — T. 3. — № 2. — S. 173–180. — DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-173-180.
16. Kommentarij k Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii (kratkij, postatejnyj) / pod red. Yu. P. Orlovskogo. — 3-e izd. — M., 2017.
17. Korobchenko V. V. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Trudovoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki»: tret'i pashkovskie chteniya // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. — 2006. — № 1 (267). — S. 29–39.
18. Livshic R. Z. Pravovye sredstva formirovaniya proizvodstvennyh kollektivov // Trudovoe pravo i povyshenie effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva / pod red. S. A. Ivanova. — M., 1972.
19. Lomakina L. A. Spory, svyazannye s annullirovaniem trudovogo dogovora / pod red. K. B. Yaroshenko. — M. — 2015.
20. Lushnikova M. V. Usloviya dejstvitel'nosti dogovorov o trude, izmenenie yuridicheskoy kvalifikacii dogovorov o trude, annullirovanie trudovogo dogovora: voprosy teorii i praktiki // Rossijskij ezhegodnik trudovogo prava. — 2009. — № 4. — S. 22–46.
21. Nastol'naya kniga kadrovika: yuridicheskie aspekty / pod red. Yu. P. Orlovskogo. — 3-e izd. — M., 2018.
22. Nurtdinova A. F., Chikanova L. A. Procedurnye normy v mekhanizme pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. — 2019. — № 9. — S. 80–99.
23. Sitnikova E. G., Senatorova N. V. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii. Razd. III : Trudovoj dogovor : postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij. — M., 2013.
24. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva o trude: teoreticheskie problemy // Zhurnal rossijskogo prava. — 2004. — № 6. — S. 35–46; — № 7. — S. 54–65.
25. Sonin O. E. Sootnoshenie pravovyh norm, ustanavlivayushchih pravo rabotodatelya na annullirovanie i rastorzhenie trudovogo dogovora // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2019. — T. 1 (71). — № 2. — S. 329–333.
26. Tanimov O. V. Razvitie yuridicheskikh fikcij v epohu novogo vremeni // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. — 2014. — № 4. — S. 4–18.

27. Tihomirov M. Yu. Zaklyuchenie trudovogo dogovora i oformlenie priema na rabotu: prakticheskoe posobie. Vtoroe izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe. — M., 2015.
28. Ul'yanova G. A. Annulirovanie trudovogo dogovora: predposylki vzniknoveniya i sushchnost' // Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoy nauki : materialy VI Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. E. B. Gogolevskaya. — SPb., 2019. — S. 187–190.
29. Umyarov I. Annulirovanie trudovogo dogovora // EZh-Yurist. — 2012. — № 33. — S. 6.
30. Channov S. E. Nekotorye problemy zaklyucheniya sluzhebnykh kontraktov na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe // Trudovoe pravo. — 2010. — № 9. — S. 77–82.
31. Shestakova E. V. Slozhnye voprosy izmenenij trudovogo zakonodatel'stva v 2018 godu // SPS «Konsul'tantPlyus». — 2018.
32. Shchur-Truhanovich L. V. Trudovoj dogovor o distancionnoj rabote: sodержanie, osobennosti i realizaciya na praktike // Kadry predpriyatiya. — 2014. — № 3. — S. 3–10.

О причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ

Аннотация. Вопросы специфики причинной связи между дорожно-транспортными происшествиями и наступившими негативными последствиями (тяжкий вред здоровью, смерть человека) на протяжении длительного времени остаются дискуссионными. Доктринальные подходы к раскрытию причинности в транспортных преступлениях представляются в некоторых случаях излишне теоретизированными либо являются фрагментарными частными случаями, не входящими в определенную систему. Подобная ситуация обусловлена объективными причинами, разнообразием видов происшествий на транспорте, связанных с нарушением правил дорожного движения. Повышенный интерес представляют нарушения требований безопасности несколькими лицами. Правоприменитель нуждается в понятных и применимых правилах оценки причинности ДТП. Анализ правоприменительной практики позволил дать оценку поведению участников дорожного движения с момента возникновения опасности до наступления аварийной обстановки, определить объективные и субъективные параметры движения, находящиеся в причинной связи с наступившими последствиями, влекущими наступление ответственности в рамках ст. 264 УК РФ. При квалификации деяния по данной норме анализу подлежат действия не только субъектов, создавших опасность для движения, но и лиц, проигнорировавших юридическую обязанность предотвратить наступление негативных последствий.

Ключевые слова: причинная связь; дорожно-транспортное происшествие; ДТП; водитель; пассажир; транспортное средство; скорость; траектория движения; преимущество (приоритет) в движении; правила безопасности; опасность для движения; аварийная ситуация; причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего; преступление.

Для цитирования: Хромов Е. В., Зябликов А. Ю. О причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 120–132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.120-132.

© Хромов Е. В., Зябликов А. Ю., 2021

* Хромов Евгений Владиленич, старший помощник прокурора Ленинского района г. Иваново, доцент кафедры ЭПИ ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г. В. Плеханова»
пр. Ленина, д. 43, г. Иваново, Ивановская область, Россия, 153002
hromov_evgeniy@mail.ru

** Зябликов Андрей Юрьевич, председатель Ивановского районного суда
ул. Постышева, д. 52, г. Иваново, Ивановская область, Россия, 153008
a89603222211@mail.ru

On Causal Relationship in Crimes under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation

Evgeniy V. Khromov, Chief Assistant Prosecutor, Leninskiy District, Ivanovo; Associate Professor, Department of Economics and Applied Informatics, Plekhanov Russian University of Economics pr. Lenina, d. 43, Ivanovo, Ivanovo Region, Russia, 153002
hromov_evgeniy@mail.ru

Andrey Yu. Zyablikov, Chairman of the Ivanovo District Court
ul. Postysheva, d. 52, Ivanovo, Ivanovo region, Russia, 153008
a8960322211@mail.ru

Abstract. The specifics of the causal relationship between road accidents and the resulting negative consequences (serious harm to health, death of a person) have long remained debatable. Doctrinal approaches to the disclosure of causality in transport crimes seem in some cases too theorized or appear to be fragmentary special cases that are not part of a certain system. This situation is due to objective reasons, a variety of types of transport accidents associated with violation of traffic rules. Violations of security requirements by several persons are of increased interest. The law enforcement officer needs clear and applicable rules for assessing the causality of an accident. The analysis of law enforcement practice made it possible to assess the behavior of road users from the moment the danger occurred until the onset of an emergency, to determine the objective and subjective parameters of traffic that are causally related to the consequences that entail the onset of liability under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. When classifying the act in accordance with this regulatory provision, the analysis shall include not only the actions of the subjects who created a danger to traffic, but also those who have ignored the legal obligation to prevent the occurrence of negative consequences.

Keywords: causal relationship; road traffic accident; road accident; driver; passenger; vehicle; speed; trajectory of movement; advantage (priority) in movement; safety regulations; danger to traffic; emergency situation; the infliction of grievous bodily harm or death of the victim by negligence; crime.

Cite as: Khromov EV, Zyablikov AYu. O prichinnoy svyazi v prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 264 UK RF [On Causal Relationship in Crimes under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):120-132. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.120-132. (In Russ., abstract in Eng.).

Вопросы специфики причинной связи между дорожно-транспортными происшествиями (ДТП) и наступившими негативными последствиями (тяжкий вред здоровью, смерть человека) на протяжении длительного времени продолжают оставаться дискуссионными¹. Доктринальные подходы к раскрытию причинности в транспортных преступлениях представляются в некоторых случаях излишне теоретизированными либо являются фрагментарными частными случаями, не входящими в определенную систему. Подобная ситуация обусловлена объективными причинами, разнообразием

видов происшествий на транспорте, связанных с нарушением правил дорожного движения. Повышенный интерес представляют нарушения требований безопасности несколькими лицами. Правоприменитель нуждается в понятных и применимых правилах оценки причинности ДТП.

Анализ правоприменительной практики позволил дать оценку поведению участников дорожного движения с момента возникновения опасности до наступления аварийной обстановки, определить объективные и субъективные параметры движения, находящиеся в причинной связи с наступившими последствиями, вле-

---

¹ Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика : монография. М. : Проспект, 2018. 256 с. ; Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003 ; Жулев В. И. Транспортные преступления. М. : Спарк, 2001 ; Куринов Б. А. Автотранспортные преступления: квалификация и ответственность. М. : Юрид. лит., 1976.

кущие наступление ответственности в рамках ст. 264 УК РФ. При квалификации деяния по данной норме анализу подлежат действия не только субъектов, создавших опасность для движения, но и лиц, проигнорировавших юридическую обязанность предотвратить наступление негативных последствий.

Согласно общему подходу к пониманию причинности, наступление общественно опасного последствия (следствие) является закономерным результатом свершившегося общественно опасного деяния (причина):

- 1) нарушение правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств предшествует наступлению общественно опасных последствий;
- 2) указанные нарушения выступали необходимым условием наступления вредных последствий (принцип *condition sine qua non*) и в момент их совершения объективно создавали реальную возможность наступления вредных последствий;
- 3) возможность наступления общественно опасных последствий трансформировалась в причинение вреда жизни и здоровью человека².

Однако теория необходимой причинности не позволяет выделить существенные особенности причинной связи между деянием и последствием в рамках ст. 264 УК РФ, т.к. совершение деяния в данном случае непосредственно не направлено на причинение вреда. Кроме того, рассматриваемое преступление совершается в рамках динамического взаимодействия источников повышенной опасности между собой или иными участниками дорожного движения, объектами дорожной инфраструктуры.

Применение теории опосредованной причинности также не дает практическим работникам ответ на вопрос, какие нарушения находятся в причинной связи с наступившими последствиями, а какие нет³. Проблема заключается в том, что на причинную связь в данном случае оказывает влияние множество предшествующих и сопутствующих юридически значимых факторов динамического и статического характера: действия непосредственных участников ДТП, иных участников дорожного движения; технические характеристики транспортных средств; состояние дорожного покрытия; погодные условия; наличие естественных преград, ограничивающих видимость: уклоны, повороты, недостаточная освещенность и т.п. Конкретные звенья, образующие в своей совокупности причинную связь, порой носят случайный и ситуационный характер и не всегда адекватны степени грубости нарушения соответствующих правил⁴.

Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»⁵, внимание судов обращено на необходимость при исследовании причин создавшейся **аварийной обстановки** установить, какие пункты правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств нарушены и какие нарушения находятся в причинной связи с наступившими последствиями, предусмотренными ст. 264 УК РФ.

Следовательно, причиной наступления общественно опасных последствий следует призна-

² Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 19.

³ Чебуренко А. А., Коровин Д. Г. Особенности установления причинной связи по делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Пробелы в российском законодательстве. 2017. С. 228–231.

⁴ Краев Д. Ю. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : лекции для ФПППК. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. С. 24 ; Соктоев З. Б. Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях // Lex russica. 2013. № 7. С. 706–717.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4. С. 5–9.

вать лишь такие нарушения правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортных средств, которые непосредственно связаны с возникновением аварийной обстановки. Не каждое нарушение указанных специальных правил является причиной возникновения аварийной обстановки как условие наступления общественно опасных последствий.

Еще одним важным этапом ДТП, наряду с аварийной обстановкой, является опасность для движения — ситуация, возникшая в процессе дорожного движения, при которой продолжение движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу возникновения дорожно-транспортного происшествия (абз. 28 п. 1.2 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090⁶ (далее — ПДД РФ)).

Любое ДТП следует рассматривать как упорядоченную цепь событий, складывающуюся из следующих этапов:

- 1) опасность для движения;
- 2) аварийная обстановка (контакт неизбежен);
- 3) удар (столкновение и последующее перемещение объектов).

С момента возникновения аварийной обстановки цепь событий уже не зависит от воли участников дорожного движения. Как справедливо отмечает В. В. Лукьянов, гибель или причинение тяжкого вреда здоровью людей — это результат неконтролируемого движения машин вследствие развития аварийной обстановки⁷.

В этой связи при установлении причинной связи в рамках ст. 264 УК РФ между деянием и наступившим последствием ретроспективному анализу и оценке подлежит период с момента возникновения опасности для движения до момента наступления аварийной обстановки, в рамках которого и следует сопоставить положение участников на первоначальном этапе, траекторию движения,

скорость, выполнение должных и возможных мер по предотвращению ДТП в рамках юридических обязанностей, предусмотренных ПДД РФ.

Выполнение должных и возможных мер по предотвращению ДТП, по мнению Н. С. Романова, входит в сущность принципа подстраховки, включающего в себя особое построение системы правил дорожного движения: когда один из участников движения нарушает нормы безопасности, то на другом лежит обязанность действовать таким образом, чтобы не создать аварийную обстановку⁸.

В указанную систему, по нашему мнению, входят следующие требования общего характера, которые возлагают юридические обязанности на всех участников дорожного движения, связанные с запретом создания опасности для движения, а также по предотвращению ДТП:

- п. 1.3 ПДД РФ — участники дорожного движения обязаны соблюдать относящиеся к ним требования Правил;
- п. 1.5 ПДД РФ — участники дорожного движения должны действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения и не причинять вреда;
- п. 10.1 ПДД РФ — водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства.

⁶ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22.11.1993. № 47. Ст. 4531.

⁷ Лукьянов В. В. Форма вины в дорожно-транспортных происшествиях // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 59–61.

⁸ Романов Н. С. О причинной связи в дорожно-транспортных преступлениях // Социалистическая законность. 1981. № 8. С. 54.

Редко встретишь уголовное дело по обвинению лица (лиц) в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, где бы не вменялась указанная триада норм (п. 1.3, 1.5, 10.1 ПДД РФ), а в случае маневрирования еще и п. 8.1 ПДД РФ (при выполнении маневра не должны создаваться опасность для движения, а также помехи другим участникам дорожного движения).

Вместе с тем ряд запретов и предписаний, закрепленных в ПДД РФ, не может рассматриваться в преломлении причинности наступивших последствий в результате ДТП, поскольку непосредственно не связаны с возникновением опасности для движения (аварийной обстановки)⁹.

Применение выдвинутых суждений позволяет дать оценку правильности квалификации деяний по ст. 264 УК РФ вне зависимости от вида дорожно-транспортных происшествий¹⁰:

- 1) столкновение транспортных средств;
- 2) опрокидывание транспортного средства;
- 3) наезд на стоящее транспортное средство, а также препятствие;
- 4) наезд на пешехода, велосипедиста, гужевого транспорт;
- 5) падение пассажира;
- 6) иные (съезд с дороги, падение груза, отбрасывание предмета, наезд на лицо, не являющееся участником дорожного движения, осуществляющее несение службы, производство работ, другую деятельность).

Если ДТП характеризуется наличием нескольких фаз (например, наезд и последующее опрокидывание), вид происшествия будет определен по начальной стадии развития аварийной ситуации.

Наибольшие затруднения у правоприменителя вызывает установление причинной связи в происшествиях, связанных с обоюдным нарушением правил дорожного движения, а также «бесконтактные» ДТП.

1. Выполнение маневра левого поворота без предоставления преимущества в дви-

жении встречному транспортному средству, двигающемуся с превышением скорости ; выезд со второстепенной дороги без предоставления преимущества в движении транспортному средству, двигающемуся по главной дороге с превышением допустимой скорости

В действиях лица, совершившего небезопасный маневр левого поворота (выехавшего со второстепенной дороги), усматриваются нарушения п. 1.3, 1.5, 8.1, 8.2, 8.8, 10.1, 13.9, 13.12 ПДД РФ, у лица, двигающегося по главной дороге, — п. 1.3, 1.5, 10.1 (10.2, 10.3) ПДД РФ.

Проведенное анкетирование сотрудников ГИБДД, а также следователей специализированных следственных отделов по расследованию уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, показало, что, исходя из их представлений о причинности, ответственность должен понести водитель, совершавший маневр левого поворота (выехавший со второстепенной дороги). Обосновывая свое мнение, практические работники исходят из того, что превышение скорости не находится в причинной связи с возникновением аварийной обстановки и само по себе не порождает опасность для движения в понимании, изложенном в абз. 28 п. 1.2 ПДД РФ.

Подобные решения встречаются и в практике судов.

Грузовик под управлением Т. пытался пересечь перпендикулярно перекресток со второстепенной дороги вне населенного пункта. В этот момент К., двигаясь по главной дороге с превышением допустимой скорости (92 км/ч), применил экстренное торможение, но ДТП и причинения тяжкого вреда здоровью пассажира избежать не удалось. Суд признал в действиях Т. нарушение п. 1.3, 8.1, 10.1, 13.9 ПДД РФ, в действиях К. — нарушение п. 1.3, 10.1, 10.2 ПДД РФ. Виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, признан Т., в то же время К. оправдан по данному составу

⁹ Медведева С. Н., Нухина О. Д. Особенности установления причинно-следственной связи при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 4 (42). С. 75–78.

¹⁰ Классификация приведена в соответствии с распоряжением Росавтодора от 12.05.2015 № 853-р.

преступления. Как указал суд, движение К. по главной дороге даже с превышением допустимой скорости само по себе не влекло дорожно-транспортного происшествия¹¹.

С таким подходом трудно согласиться. С технической точки зрения конечную стадию ДТП можно представить как пересечение в один момент времени траекторий движения двух объектов в одной точке. Координаты двух объектов в момент столкновения совпадают. Уравнение координаты при неравномерном (равноускоренном) движении $X = X(t)$ может быть описано как:

$$X = X_0 + V_0 t + \frac{at^2}{2},$$

где:

X_0 — координата положения участника движения в момент возникновения опасной ситуации;

V_0 — скорость участника движения в момент возникновения опасной ситуации;

t — значение времени с момента возникновения опасной ситуации до аварийной обстановки;

a — ускорение.

Ускорение — это производная скорости:

$$\vec{a} = \frac{d\vec{v}}{dt}.$$

Следовательно, исходя из тождественности координат при столкновении, при определении наличия причинной связи подлежат безусловной оценке скорость движения участников происшествия, первоначальное положение в момент возникновения опасности, траектория движения, техническое состояние транспортных средства и промежутки времени от возникновения опасной ситуации до аварийной обстановки.

Изменение параметров скорости водителя, двигавшегося по главной дороге, в приведенном примере, возможно, позволило бы избежать ДТП.

Вместе с тем скорость движения водителя как факт, имеющий юридическое значение при определении причинной связи, имеет особенность, связанную с наличием технической возможности предотвратить ДТП¹². Указанная особенность вовсе не означает, что отсутствие технической возможности предотвратить ДТП исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ. При расследовании уголовных дел техническую возможность предотвратить ДТП (остановиться) при превышении допустимой скорости следует оценивать при реальных (фактических) обстоятельствах происшествия, а также в случае движения с разрешенной скоростью. В тех случаях, когда техническая возможность предотвратить ДТП, в том числе путем экстренного торможения, имела место только при соблюдении скоростного режима, а водитель ее утратил путем игнорирования установленных ограничений, ответственность по ст. 264 УК РФ не исключается.

Важной оговоркой относительно наличия (отсутствия) технической возможности является тот факт, что ее оценку следует давать лишь в отношении лиц, не предотвративших ДТП, в силу юридической обязанности при наличии реальной возможности.

Выдвинутые суждения имеют практическое применение во вступивших в законную силу судебных решениях.

Р., управляя автомашиной, совершил небезопасный маневр поворота налево, не предоставив преимущество для движения встречному транспортному средству под управлением А. (нарушение п. 1.3., 1.5, 8.1, 8.2, 8.8 ПДД РФ). В свою очередь, А., управляя транспортным средством, двигался со скоростью 89 км/ч в зоне действия знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости 40 км/ч» (нарушение п. 1.3, 1.5, 10.1 ПДД РФ). В результате ДТП тяжкий вред здоровью причинен пассажирам обоих транспортных средств, а действия Р. и А. квалифици-

¹¹ Приговор Щекинского районного суда Тульской области от 26.04.2012 № 1-58/2012 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

¹² Уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступает, если у водителя имелась техническая возможность избежать дорожно-транспортного происшествия (см.: абз. 2 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25).

рованы судом по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Согласно выводам автотехнической экспертизы в случае движения с допустимой скоростью у К. имелась техническая возможность избежать ДТП путем применения экстренного торможения с момента выезда А. на полосу его движения¹³. Подобные решения в правоприменительной практике не являются единичными¹⁴.

Если скорость движения транспортного средства, имеющего преимущество в движении, оценивается в преломлении реальной возможности предотвращения ДТП, игнорирование указанной юридической обязанности водителем, безусловно, может являться основанием наступления уголовной ответственности даже при формальном соблюдении скоростного режима.

К., в нарушение п. 1.3, 1.5, 8.1, 13.12 ПДД РФ, вне населенного пункта управляя автопоездом, совершил поворот налево, не уступив дорогу встречному легковому автомобилю под управлением Б. Столкновение произошло на полосе движения Б. в тот момент, когда кабина тягача находилась уже на второстепенной дороге, а удар автомашины под управлением Б. пришелся в переднюю ось прицепа. Согласно выводам автотехнической экспертизы, Б. двигался с разрешенной скоростью около 90 км/ч, в момент возникновения опасности (выезд автопоезда на его полосу движения) он находился на расстоянии 118–125 м. Величина остановочного пути автомашины Б. при скорости 90 км/ч по результатам экспертизы — 79 м в случае экстренного торможения. На основе приведенных данных экспертами констатировано, что Б. имел техническую возможность избежать столкновения даже без применения экстренного торможения. Суд признал, что Б. в момент возникнове-

ния опасности находился на таком удалении от места ДТП с автопоездом, а также располагал таким количеством времени, которые позволяли ему выполнить требования п. 1.3, 1.5, 10.1 ПДД РФ и избежать столкновения. В результате суд квалифицировал действия Б. и К. по ч. 3 ст. 264 УК РФ¹⁵.

П., управляя автомобилем, двигался с допустимой скоростью по главной дороге, в этот момент со второстепенной дороги на полосу его движения стало выезжать транспортное средство под управлением К., совершая маневр левого поворота. П., имея техническую возможность избежать ДТП, применив экстренное торможение, не стал прибегать к торможению, а вместо этого, выехав на сторону встречного движения, пытался объехать автомашину К. В результате ДТП водитель автомашины К. скончался. Суд признал факт обоюдного нарушения правил дорожного движения у П. (п. 1.3, 1.4, 1.5, 9.1, 10.1 ПДД РФ) и у К. (п. 1.3, 1.5, 13.9 ПДД РФ). П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ¹⁶.

В приведенных примерах действия водителей, совершавших небезопасные маневры левого поворота или выезда со второстепенной дороги, стали причиной возникновения опасности для движения (абз. 28 п. 1.2 ПДД РФ), которая переросла в аварийную обстановку, а затем и в столкновение. Игнорирование юридической обязанности и технической возможности по предотвращению ДТП также находится в причинной связи с негативными последствиями, а следовательно, указанные лица подлежат ответственности в рамках ст. 264 УК РФ наравне с лицами, непосредственно создавшими опасность для движения.

¹³ Постановление Сосновоборского районного суда Пензенской области от 14.11.2017 № 1-24/2017 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁴ Приговоры Читинского районного суда Забайкальского края от 18.10.2013 № 203/2013 по ч. 1 ст. 264 УК РФ ; постановление Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорск Челябинской области от 11.04.2017 № 1-229/2017 по ч. 1 ст. 264 УК РФ ; кассационное определение Пензенского областного суда от 16.11.2011 № 22-1489/2011 по ч. 3 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁵ Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 27.07.2018 № 1-36/2018 по ч. 3 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁶ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 18.04.2019 № 1-367/2019 по ч. 3 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

Еще одной важной оговоркой в приведенных суждениях является тезис о различии объективно возникшей и субъективно осознаваемой опасности для движения (абз. 28 п. 1.2 ПДД РФ). Опасность для движения следует считать возникшей в тот момент, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить. Следовательно, возможны ситуации, когда опасность для движения объективно существует, но участники дорожного движения еще не знают о ней в силу различных факторов (рельеф дороги, погодные условия и т.п.).

Водитель ориентирован на правомерные, т.е. не противоречащие ПДД РФ, действия других участников дорожного движения, что является основополагающим принципом организации дорожного движения. Следовательно, предвидеть можно только законопослушное поведение. Юридическая обязанность воздержаться от совершения действий, создающих опасность для транспортных средств, имеющих преимущества в движении, неразрывно связана с наличием реальной возможности своевременно обнаружить потребность в совершении подобных действий.

З., управляя грузовиком, включив указатель, приступил к маневру левого поворота, убедившись, как ему казалось, в отсутствии встречного транспорта. Однако при выполнении маневра произошло столкновение с мотоциклом под управлением К., двигавшимся во встречном направлении. В результате ДТП водитель мотоцикла К. скончался на месте. Органы предварительного расследования, усмотрев в действиях З. нарушения п. 1.3, 1.5, 8.1, 8.8 ПДД РФ, квалифицировали его действия по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Суд вынес оправдательный приговор, указав, что у З. отсутствовала реальная возможность заблаговременно обнаружить опасность для движения и предотвратить столкновение с мотоциклом потерпевшего, поскольку передвижение потерпевшим в темное время суток на мотоцикле с существенным превышением скорости без света фар и при отсутствии искус-

ственного освещения вдоль дороги очевидно препятствовало его своевременному обнаружению водителем З. перед началом маневра¹⁷.

2. Выполнение маневра левого поворота в момент совершения водителем попутного транспорта обгона в неполюженном месте и (или) с превышением скорости

Проблема установления причинной связи данного вида ДТП заключается в наличии сложной взаимообусловленной системы прав и обязанностей участников дорожного движения. Так, водителю запрещается совершать обгон, если транспортное средство, двигающееся впереди, приступило к маневру левого поворота или обгона (п. 11.1 и 11.2 ПДД РФ). С другой стороны, водитель при совершении левого поворота должен убедиться в безопасности маневра (п. 8.1, 8.2 ПДД РФ).

Ранее выдвинутые суждения позволяют дать оценку на предмет наличия причинной связи в наступлении негативных последствий водителями, не только создавшими опасность для движения, но и проигнорировавшими юридическую обязанность по предотвращению ДТП.

К., двигаясь на автомашине в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, со скоростью 92 км/ч, в нарушение п. 1.3, 1.5, 2.7, 10.1, 10.2, 11.2 ПДД РФ неправильно оценил дорожную ситуацию, связанную с выполнением автомашиной под управлением Н., двигавшейся в попутном направлении, маневра левого разворота (нарушение п. 1.3, 1.5, 8.1, 10.1 ПДД РФ), приступил к ее обгону. Автомашина К. совершила столкновение с транспортным средством Н. в районе левого заднего колеса последнего. В результате ДТП погибли два пассажира автомашины под управлением Н., а также сам водитель Н. Действия К. квалифицированы судом по ч. 6 ст. 264 УК РФ, действия Н. — по ч. 5 ст. 264 УК РФ. Осуждая К., суд на основании автотехнической экспертизы пришел к выводу о том, что если бы К. двигался с допустимой скоростью, он бы имел техническую возможность избежать

¹⁷ Приговор Смидовичского районного суда Еврейской автономной области от 11.03.2016 № 1-5/2016 по ч. 3 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

ДТП путем применения экстренного торможения в момент возникновения опасности¹⁸.

Вместе с тем, если водитель транспортного средства, совершающего левый поворот, лишен реальной возможности обнаружить возникновение опасности для движения при выполнении маневра из-за неправомерных действий второго участника ДТП, он не может нести ответственность в рамках ст. 264 УК РФ.

Г., управляя автомашиной вне населенного пункта, убедившись в отсутствии встречного транспорта, приступил к маневру левого поворота. В момент окончания маневра в левую заднюю часть автомашины Г. пришелся удар транспортного средства под управлением Х., который двигался в попутном направлении с существенным превышением скорости и на перекрестке, вопреки требованиям дорожной разметки, совершал его обгон. Органы предварительного следствия квалифицировали действия Г. (нарушение п. 8.1, 8.2, 8.5, 10.1 ПДД РФ) и Х. (нарушение п. 1.3, 10.1, 10.3, 11.1, 11.2 и линии дорожной разметки 1.1 приложения 2 ПДД РФ) по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Суд признал виновным в совершении преступления Х., оправдав Г.¹⁹ Аналогичный приговор вынесен в Забайкальском крае²⁰.

3. Обоюдный выезд на запрещающий сигнал светофора

В подобных происшествиях у правоприменителя не возникает сомнений в наличии обоюдного участия водителей в возникновении причинной связи с негативными последствиями.

К. на скорости 112 км/ч выехал на запрещающий сигнал светофора. С противоположной стороны Б. находился перед перекрестком в потоке машин, ожидавших разрешающий сигнал светофора. В этот момент Б., не желая дожидаться разрешающего сигнала светофора, пропускать

встречный транспорт, приступил к выполнению поворота налево, для чего пересек сплошную линию разметки, чтобы объехать транспортные средства, стоящие на перекрестке впереди него, и выехал на перекресток на запрещающий сигнал светофора, повлекшее причинение водителю Б. тяжкого вреда здоровью. Суд, признавая С. виновным в совершении преступления, признал факт нарушения им п. 1.3, 1.5, 6.2, 10.1, 10.2 ПДД РФ, а также нарушение Б. норм п. 1.3, 1.5, 6.2 ПДД РФ. При этом суд констатировал, что в случае нарушения правил дорожного движения лишь одним водителем ДТП не произошло бы²¹.

В приведенном примере оба водителя своими действиями создали обоюдную опасность для движения. Оценка их действий на предмет принятия мер по предотвращению ДТП при таких обстоятельствах не потребовалась. При этом имеют место ситуации, когда подобная оценка требуется.

Д. выехал на перекресток на запрещающий сигнал светофора (нарушение п. 1.3, 1.5, 6.2, 8.1, 9.1, 9.7, 10.1 ПДД РФ). С противоположной стороны перекрестка водитель А., находящийся в крайнем левом ряду, предназначенном для поворота налево, приступил к выполнению маневра разворота вне перекрестка через двойную сплошную линию разметки, полагая, что встречному транспорту движение прямо запрещено, и не уступил дорогу двигавшемуся во встречном направлении автомобилю под управлением Д. (нарушение п. 1.3, 1.5, 8.1, 8.8, 9.1, 9.2, 9.7, 10.1 ПДД РФ). В результате ДТП пассажиру автомобиля А. причинены телесные повреждения, относящиеся к категории тяжких. Согласно выводам

¹⁸ Приговор Калачинского городского суда Омской области от 29.08.2019 № 1-76/2019 по ч. 5 ст. 264 и ч. 6 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁹ Апелляционное определение Кировского областного суда от 11.01.2018 № 22-32/2018 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁰ Приговор Борзинского городского суда Забайкальского края от 24.05.2019 № 1-12/2019 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²¹ Приговор Тамбовского гарнизонного военного суда от 12.04.2019 № 1-17/2019 по ч. 3 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

автотехнической экспертизы, водитель Д. предполагал технической возможностью избежать столкновения в момент появления автомашины под управлением А. в полосе его движения²².

4. Водитель автобуса, усматривая опасность для движения, применяет экстренное торможение, влекущее падение пассажиров и причинение им телесных повреждений

В случаях возникновения реальной опасности для движения по причине ее создания иными участниками экстренное торможение соответствует юридической обязанности по предотвращению ДТП.

С., управляя автомашиной, выехал со второстепенной на главную дорогу с намерением совершить маневр левого поворота, создал помеху для движения пригородному автобусу под управлением К. (нарушение п. 1.3, 1.5, 8.1, 13.9 ПДД РФ). С целью избежать столкновения водитель К. применил экстренное торможение, что позволило избежать механического контакта. В результате экстренного торможения произошло падение пассажира автобуса, повлекшее причинение последнему тяжкого вреда здоровью. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ²³.

Н., управляя автомашиной, совершил маневр перестроения из среднего в крайний правый ряд, создал помеху для движения автобуса под управлением А. (нарушение п. 1.3, 1.5, 8.1, 8.4 ПДД РФ). Избегая столкновения, водитель автобуса А. применил экстренное торможение, в результате которого произошло падение пассажира автобуса, повлекшее причинение ему тяжкого вреда здоровью. Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 264 УК РФ²⁴. Подобная квалификация деяний не является единичной²⁵.

Однако участник дорожного движения обладает правом на принятие экстренных мер лишь при наличии реальной, а не мнимой опасности для движения.

А., управляя автобусом, стал совершать маневр перестроения из крайней правой в среднюю полосу для движения. В этот момент автомашина под управлением И. осуществила маневр перестроения из крайней левой полосы в среднюю полосу и находилась впереди автобуса. Водитель автобуса применил экстренное торможение, что повлекло падение пассажира автобуса и причинение ему тяжкого вреда здоровью. Водитель автобуса признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. В данной ситуации судом усмотрены нарушения требований п. 1.3, 1.5, 9.10, 10.1 ПДД РФ в действиях водителя автобуса, который выбрал неверную дистанцию до впереди идущего транспортного средства, а также необоснованное применение экстренного торможения при наличии реальной возможности использовать для остановки рабочее торможение²⁶.

5. Совершение обгона, создающего помеху встречному транспорту

Не вызывают проблем с определением причинной связи случаи выезда на полосу встречного движения с последующим лобовым столкновением на встречной полосе. Проблема с установлением причинной связи может возникнуть, когда встречный транспорт в рамках юридической обязанности по предотвращению ДТП совершает маневры, влекущие причинение негативных последствий.

---

²² Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 24.02.2014 № 1-28/2014 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²³ Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 25.03.2019 № 1-102/2019 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 14.05.2018 № 1-101/2018 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁵ Приговора Вологодского городского суда Вологодской области от 20.02.2019 № 1-158/2019 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁶ Приговор Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербург от 07.06.2018 № 1-18/2018 по ч. 1 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

З., управляя автомашиной в состоянии алкогольного опьянения (нарушение п. 1.3, 1.4, 1.5, 2.7, 9.4, 10.1 ПДД РФ), двигался вне населенного пункта по встречной полосе движения. Водитель Ф., двигавшийся во встречном направлении, заблаговременно увидел опасность для движения, о чем сообщил пассажирам своей машины. При этом Ф., осознавая опасность для движения, не принял мер к ее предотвращению (вплоть до полной остановки) и продолжил движение, сбавив скорость. Когда расстояние между машинами оставалось незначительным, а траектория движения обоих транспортных средств не менялась, Ф. попытался предотвратить столкновение на своей полосе, вывернув рулевое колесо влево (нарушение п. 1.3, 1.5, 10.1 ПДД РФ). В этот момент З. вывернул рулевое колесо вправо. Столкновение произошло в полосе движения З., в результате ДТП погибло три пассажира автомашины Ф.²⁷ Аналогичный факт имел место в Ростовской области при выполнении водителем обгона транспортного средства, двигавшегося в попутном направлении²⁸.

Обывательское правило «бей в своей полосе» (не допускай выезда из полосы движения в случае опасности) не является аксиомой. Взвешенной оценки требуют экстремальные действия участников дорожного движения в ответ на возникновение событий, угрожающих их жизни и здоровью.

П., управляя автомашиной, в салоне которой находилось три пассажира, двигался вечером вне населенного пункта с допустимой скоростью 60 км/ч, шел небольшой дождь. На закруглении дороги неожиданно, из-за встречного фургона, на полосу движения П. в непосредственной близости от его автомашины, несмотря на запрет обгона на данном участке дороги, выехало неустановленное транспортное средство. Осознавая неминуемость встречного столкновения,

П. начал тормозить, прижимаясь вправо, что позволило избежать встречного столкновения. Вместе с тем автомобиль П. произвел столкновение с бетонным столбиком, выехал за пределы дороги и наехал на металлический забор. В результате ДТП один из пассажиров скончался. По мнению органов предварительного следствия, действия П. противоречили п. 1.3, 1.5, 8.1, 10.1 ПДД РФ, что требовало квалификации его действий по ст. 264 УК РФ. Суд вынес оправдательный приговор, признав, что П. действовал в состоянии крайней необходимости и не нарушал п. 10.1 ПДД РФ. Как указал в приговоре суд, П. пытался избежать встречного столкновения, которое могло повлечь за собой многочисленные жертвы. По убеждению суда, П. действовал в целях устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам П., а также З пассажиров, опасность не могла быть устранена иными средствами, причиненный вред был меньшим, чем предотвращенный. С учетом погоды, загрязненной поверхности обочины и наличия бетонного столбика П. потерял управление, и дальнейшее движение автомобиля было уже неконтролируемо. В приговоре суд обратил внимание на наличие причинной связи между действиями водителя неустановленного встречного транспортного средства и причинением смерти пассажиру автомашины П.²⁹

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие выводы.

1. При установлении причинной связи в рамках ст. 264 УК РФ между деянием и наступившими последствиями ретроспективному анализу и оценке подлежит период времени с момента возникновения опасности для движения до момента наступления аварийной обстановки, в рамках которого и следует сопоставить положение участников на первоначальном этапе, траекторию движения, скорость, выполнение должных и возможных мер по предотвращению

²⁷ Приговор Моркинского районного суда Республики Мари Эл от 02.06.2014 № 1-19/2014 по ч. 5 ст. 264 и ч. 6 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁸ Приговор Ростовского-на Дону гарнизонного военного суда от 04.07.2018 № 1-12/2018 по ч. 5 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

²⁹ Приговор Подольского городского суда Московской области от 14.03.2011 № 1-99/2011 по ч. 2 ст. 264 УК РФ // URL: <https://sudact.ru>.

ДТП в рамках юридических обязанностей, предусмотренных ПДД РФ.

2. Ответственности подлежат участники дорожного движения, непосредственно создавшие опасность для движения (абз. 28 п. 1.2 ПДД РФ) иным лицам. Ответственность за создание опасности для движения исключается, если ее возникновение реально не осознавалось водителем и не могло и не должно было осознаться по объективным причинам, в том числе из-за неправомерных действий иных участников дорожного движения.

3. Ответственности подлежит участник дорожного движения, который проигнорировал

юридическую обязанность предотвратить трансформацию опасности для движения, созданную иным лицом, в аварийную обстановку при наличии реальной возможности совершения указанных действий.

Лицо, которое при наличии реальной опасности для движения, созданной иным субъектом, применило экстренные, рискованные меры в рамках юридической обязанности по предотвращению столкновения, не подлежит ответственности, если его действия являлись адекватными относительно возникшей угрозы и ее устранение было невозможно иными способами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жулев В. И. Транспортные преступления — М. : Спарк, 2001. — 190 с.
2. Коробеев А. И. Транспортные преступления. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 540 с.
3. Краев Д. Ю. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : лекции для ФПППК. — СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019.
4. Куринов Б. А. Автотранспортные преступления: квалификация и ответственность. — М. : Юрид. лит., 1976. — 224 с.
5. Лукьянов В. В. Форма вины в дорожно-транспортных происшествиях // Российская юстиция. — 2002. — № 12. — С. 59–61.
6. Медведева С. Н., Нухинова О. Д. Особенности установления причинно-следственной связи при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2008. — № 4 (42). — С. 75–78.
7. Романов Н. С. О причинной связи в дорожно-транспортных преступлениях // Социалистическая законность. — 1981. — № 8. — С. 54.
8. Соктоев З. Б. Причинная связь в дорожно-транспортных преступлениях // Lex russica. — 2013. — № 7. — С. 706–717.
9. Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2004.
10. Чебуренко А. А., Коровин Д. Г. Особенности установления причинной связи по делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — С. 228–231.
11. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика : монография. — М. : Проспект, 2018. — 256 с.

Материал поступил в редакцию 24 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhulev V. I. Transportnye prestupleniya — M. : Spark, 2001. — 190 s.
2. Korobeev A. I. Transportnye prestupleniya. — SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2003. — 540 s.
3. Kraev D. Yu. Kvalifikaciya narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya i eksploatacii transportnyh sredstv : lekci dlya FPPPK. — SPb. : Sankt-Peterburgskij institut (filial) Universiteta prokuratury RF, 2019.
4. Kurinov B. A. Avtotransportnye prestupleniya: kvalifikaciya i otvetstvennost'. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1976. — 224 s.
5. Luk'yanov V. V. Forma viny v dorozhno-transportnyh proisshestviyah // Rossijskaya yusticiya. — 2002. — № 12. — S. 59–61.
6. Medvedeva S. N., Nuskhinova O. D. Osobennosti ustanovleniya prichinno-sledstvennoj svyazi pri rassledovanii dorozhno-transportnyh proisshestvij // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2008. — № 1 (42). — S. 75–78.
7. Romanov N. S. O prichinnoj svyazi v dorozhno-transportnyh prestupleniyah // Socialisticheskaya zakonnost'. — 1981. — № 8. — S. 54.
8. Soktoev Z. B. Prichinnaya svyaz' v dorozhno-transportnyh prestupleniyah // Lex russica. — 2013. — № 7. — S. 706–717.
9. Fedorchenko M. V. Narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i eksploatacii transportnyh sredstv: ugovno-pravovoj i kriminologicheskie aspekty : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — N. Novgorod, 2004.
10. Cheburenko A. A., Korovin D. G. Osobennosti ustanovleniya prichinnoj svyazi po delam o narusheniyah pravil dorozhnogo dvizheniya i eksploatacii transportnyh sredstv // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. — 2017. — S. 228–231.
11. Chuchaev A. I., Pozharskij A. Yu. Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, harakteristika : monografiya. — M. : Prospekt, 2018. — 256 s.

Основания привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика по уголовным делам

Аннотация. Действующий УПК РФ допускает возможность привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика лишь в случае, если оно в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением, что не позволяет привлечь его в уголовный процесс во всех необходимых случаях, в частности по налоговым преступлениям. Обусловлено это тем, что в уголовном процессе имущественный вред, причиненный налоговыми преступлениями, составляют налоги, сборы, страховые взносы, которые не являются имущественным вредом в гражданском праве в силу различных объектов правоотношений, поэтому не подлежат возмещению в порядке ГК РФ, а взыскиваются в порядке НК РФ и АПК РФ. При этом юридические лица, являющиеся налогоплательщиками, не уплатившими налоги, обязаны возместить причиненный налоговым преступлением вред, составляющий неуплаченную сумму налогов, сборов, страховых взносов, но не в соответствии с ГК РФ, а в соответствии с НК РФ и АПК РФ. В связи с отсутствием предусмотренных законом оснований для вовлечения юридического лица в уголовный процесс в качестве гражданского ответчика на практике вместо него часто привлекается физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство, что в последующем приводит к отменам приговоров в части возложения гражданско-правовой ответственности на ненадлежащее лицо вместо налогоплательщика-организации. В статье обосновывается необходимость включения в УПК РФ нового основания для привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика — наличие обязанности в соответствии с НК РФ и АПК РФ уплатить налоги, сборы, страховые взносы. Это позволит исключить существующее в правоприменительной практике взыскание имущественного вреда по налоговым преступлениям с наемных работников организации, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство, при наличии платежеспособного юридического лица — налогоплательщика.

Ключевые слова: гражданский ответчик; юридическое лицо; имущественный вред; вред, причиненный преступлением; налоговые преступления; организация; налогоплательщик; налоги; сборы; страховые взносы; участник уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Дражевская Ю. В. Основания привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 133–141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.133-141.

© Дражевская Ю. В., 2021

* Дражевская Юлия Валерьевна, адвокат Адвокатской палаты Саратовской области, ассистент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии
ул. Чернышевского, д. 104, г. Саратов, Россия, 410028
komova-yulia@mail.ru

Grounds for Involving a Legal Entity as a Civil Defendant in Criminal Cases

Yuliya V. Drazhevskaya, Advocate of the Saratov Region Bar Association; Assistant, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy
ul. Chernyshevskogo, d. 104, Saratov, Russia, 410028
komova-yulia@mail.ru

Abstract. The current Criminal Procedure Code of the Russian Federation makes it possible to involve a legal entity as a civil defendant only if, in accordance with the Civil Code of the Russian Federation, it is liable for harm caused by a crime. This prevents the prosecution in all necessary cases, in particular for tax crimes. This is because in the criminal procedure, property damage caused by tax crimes is made up of taxes, fees, insurance premiums, which are not property damage in civil law due to various objects of legal relations. Therefore, they are not subject to compensation in accordance with the Civil Code of the Russian Federation, but are collected in accordance with the procedure RF Tax Code and RF APC. At the same time, legal entities being taxpayers who failed to pay taxes are obliged to compensate for the damage caused by a tax crime, constituting the unpaid amount of taxes, fees, insurance premiums. This is to be fulfilled not in accordance with the Civil Code of the Russian Federation, but in accordance with the Tax Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Due to the lack of legal grounds for involving a legal entity in criminal proceedings as a civil defendant, in practice, an individual is often involved in this case. It is against him criminal proceedings are being carried out, which subsequently leads to the cancellation of sentences in terms of imposing civil liability on an ineligible person instead of a taxpayer-organization. The paper substantiates the need to include in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation a new basis for involving a legal entity as a civil defendant, namely the existence of an obligation in accordance with the Tax Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation to pay taxes, fees, insurance premiums. This will make it possible to exclude the recovery of property damage for tax crimes from employees of the organization in respect of whom criminal proceedings are being carried out, in the presence of a solvent legal entity-taxpayer.

Keywords: civil defendant; entity; property damage; harm caused by crime; tax crimes; organization; taxpayer; taxes; fees; insurance premium; participant in criminal proceedings.

Cite as: Drazhevskaya YuV. Osnovaniya privlecheniya yuridicheskogo litsa v kachestve grazhdanskogo otvetchika po ugovolnym delam [Grounds for Involving a Legal Entity as a Civil Defendant in Criminal Cases]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):133-141. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.133-141. (In Russ., abstract in Eng.).

Юридические лица так же, как и лица физические, фигурируют в уголовно-процессуальных отношениях, выступая в качестве различных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты. В соответствии с нормами отечественного законодательства юридическое лицо не привлекается в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого или обвиняемого, поэтому единственной формой его участия со стороны защиты является выступление по уголовному делу в качестве гражданского ответчика. Действующий УПК РФ устанавливает, что юридическое лицо может быть вовлечено в уголовное судопроизводство в качестве гражданского ответчика в случае, если

оно в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. То есть УПК РФ закрепляет лишь одно основание для привлечения по уголовному делу в качестве гражданского ответчика юридического лица — оно несет ответственность за вред, причиненный преступлением, в соответствии с ГК РФ. Однако, как показывает правоприменительная практика, данное основание не является достаточным для всех случаев, когда требуется привлечь юридическое лицо в уголовный процесс в данном качестве. Так, по некоторым уголовным делам имеется необходимость в привлечении юридического лица в качестве гражданского ответчика, но в связи с тем, что оно не несет в соответствии с ГК РФ ответственность за вред,

причиненный преступлением, в уголовный процесс оно не привлекается. Это вызывает в последующем отмены приговоров в части возложения гражданско-правовой ответственности на ненадлежащее лицо вместо организации, которая не была привлечена по уголовному делу в качестве гражданского ответчика. Такая неопределенная ситуация, связанная с необходимостью вовлечения юридического лица в уголовный процесс и отсутствием для этого предусмотренных законом оснований, возникает по налоговым преступлениям (ст. 199–199.4 УК РФ). По данным уголовным делам обычно налогоплательщиком, не уплатившим налог в бюджет, является юридическое лицо, так как уголовная ответственность за налоговые правонарушения начинается со значительных сумм¹, которыми редко оперируют лица физические. Особенность рассматриваемой категории уголовных дел заключается в том, что к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений привлекаются физические лица: руководители, бухгалтеры организации², а налогоплательщиком, обязанным уплатить налог, является лицо юридическое. В данной ситуации перед правоприменителями возникает вопрос: кто должен возмещать причиненный налоговым преступлением вред, составляющий сумму неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов, определенных НК РФ? Учитывая, что статья 54 УПК РФ предусматривает лишь одно основание для возложения гражданско-правовой ответственности, а также то обстоятельство, что в ГК РФ отсутствуют положения, позволяющие в данном случае возложить гражданско-правовую ответственность на юридическое лицо,

правоприменители руководствуются ч. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которой вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. На основании ст. 54 УПК РФ и ст. 1064 ГК РФ гражданским ответчиком на сумму причиненного вреда, составляющую неуплаченные организацией налоги, сборы, страховые взносы, признается подозреваемый или обвиняемый по уголовному делу о налоговом преступлении. При этом правоприменители исходят из того, что данные физические лица выполнили конкретные действия, которые позволили организации уклониться от уплаты налогов, следовательно, именно из-за них сумма, подлежащая уплате юридическим лицом, не поступила в доход государства, поэтому они должны данный вред возместить. Например, к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации (ч. 1 ст. 199 УК РФ) путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере, привлекался ее руководитель как лицо, несущее ответственность за ведение бухгалтерского учета, соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций, правильность исчисления и уплаты в соответствующие бюджеты и внебюджетные фонды налогов и страховых взносов³. Поэтому в ходе предварительного расследования по уголовным делам о налоговых преступлениях в качестве гражданских ответчиков чаще всего привлекаются физические лица, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство. Так, по уголовному делу № 1-628/2019, возбужденному по ч. 1 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организации, путем включения

¹ Например, уголовная ответственность по ст. 199 УК РФ («Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией») наступает лишь при уклонении от уплаты налогов в крупном размере, которым признается сумма налогов, сборов, страховых взносов, превышающая за период в пределах трех финансовых лет подряд 15 млн руб. А если аналогичными действиями не уплачена сумма налога, не достигающая крупного размера, такие действия не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, а квалифицируются как налоговое правонарушение по ст. 122 НК РФ («Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов)»).

² См.: уголовное дело № 1-205/2017 // Архив Дзержинского районного суда г. Волгограда ; уголовное дело № 1-18/2019 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области ; уголовное дело № 10-5908/2019 // Архив Южноуральского городского суда Челябинской области.

³ См.: уголовное дело № 1-101/2017 // Архив Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда.

в налоговую декларацию заведомо ложных сведений в крупном размере), в качестве гражданского ответчика был привлечен обвиняемый, а не юридическое лицо, являющееся налогоплательщиком⁴.

Однако судебная практика не является однозначной по данному вопросу, поскольку нередко имеют место случаи, когда суд первой инстанции возлагает гражданско-правовую ответственность по налоговым преступлениям на физическое лицо, а суд апелляционной инстанции отменяет данное решение, считая, что в качестве гражданского ответчика должно было выступать лицо юридическое. Например, по уголовному делу № 10-11294/2016, возбужденному по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, в особо крупном размере), к уголовной ответственности привлекалась сотрудница юридического лица. При рассмотрении уголовного дела суд первой инстанции удовлетворил гражданский иск Межрегиональной инспекции Федеральной налоговой службы, и на обвиняемую была возложена гражданско-правовая ответственность на сумму, которую юридическое лицо не уплатило в бюджет. Однако при обжаловании данного решения в апелляционном порядке оно было отменено. При этом суд апелляционной инстанции указал на то, что по смыслу закона по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ в качестве гражданского ответчика может быть привлечено не только физическое, но и юридическое лицо, которое обязано уплачивать налоги, о чем так же свидетельствует и название ст. 199 УК РФ — «Уклонение от уплаты налогов с организации». Далее суд апелляционной инстанции указал, что на момент совершения обвиняемой преступления налогоплательщиком являлось юри-

дическое лицо, однако в нарушение требований ст. 45 НК РФ, ст. 199 УК РФ и ст. 54 УПК РФ в качестве гражданского ответчика по данному уголовному делу не привлекалось⁵. Аналогичная ситуация сложилась по уголовному делу № 10-14317/2016, по которому физическое лицо привлекалось к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Судом первой инстанции гражданско-правовая ответственность на сумму, неуплаченную юридическим лицом в бюджет, была возложена на подсудимого. Лишь при обжаловании данного решения в апелляционном порядке оно было отменено. При этом суд апелляционной инстанции также сослался на то, что, поскольку налогоплательщиком является юридическое лицо, по смыслу закона по налоговым преступлениям именно оно должно выступать в качестве гражданского ответчика⁶. То есть судебная практика по данным уголовным делам сложилась таким образом, что суды первых инстанций удовлетворяют заявленные налоговыми органами гражданские иски и возлагают гражданско-правовую ответственность на физических лиц, невзирая на тот факт, что налогоплательщиком, не уплатившим налог, являлось лицо юридическое, а суды апелляционной инстанции придерживаются иной позиции: гражданским ответчиком должно было быть привлечено юридическое, а не физическое лицо. При отмене судебных решений суды апелляционных инстанций ссылаются на положения ст. 45 НК РФ, согласно которым, действительно, именно на налогоплательщике лежит обязанность по уплате налога, поэтому юридическое лицо и должно выступать гражданским ответчиком по налоговым преступлениям.

Сложившаяся ситуация повлекла обращения подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам данной категории в Конституционный

⁴ Постановление № 1-628/2019 от 21.08.2019 по делу № 1-628/2019 // Архив Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области.

⁵ Апелляционное определение от 20.07.2016 по делу № 10-11294/2016 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/2507b0d3-feca-465a-b2de-c9de6ec2c29c?caseNumber=10-11294/16&courtInternalName=mgs> (дата обращения: 08.04.2020).

⁶ Апелляционное определение от 21.09.2016 по делу № 10-14317/2016 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/e9b80048-8641-4af6-becb-f0a6635affb2?caseNumber=10-14317/16&courtInternalName=mgs> (дата обращения: 08.04.2020).

Суд РФ. Согласно его позиции, выраженной в постановлении от 08.12.2017 № 39-П⁷, в качестве гражданского ответчика по налоговым преступлениям должно привлекаться юридическое лицо, поскольку размер налоговой обязанности налогоплательщика-организации рассчитывается из показателей ее предпринимательской деятельности, принадлежащего ей имущества, обособленного от имущества ее учредителей и участников и т.п., поэтому переложение налоговой обязанности организации на иных лиц без учета их причастности к хозяйственной деятельности данной организации и (или) влияния на ее действия, неизбежно привело бы к нарушению принципов соразмерности, пропорциональности равенства налогообложения и тем самым — к нарушению конституционного баланса частных и публичных интересов. Аналогичной позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который также указал, что гражданским ответчиком по налоговым преступлениям должно выступать юридическое лицо⁸. При этом Суд обратил внимание на некоторые исключения, в частности, когда компетентными органами установлена невозможность удовлетворения требований об уплате обязательных платежей с учетом рыночной стоимости активов организации.

Необходимость привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика по налоговым преступлениям высказывается и в научной литературе. Так, В. Е. Великая, М. В. Зяблина пишут о том, что обязанность по уплате налогов в первую очередь возникает у

юридических лиц, при этом совершение руководителем юридического лица налогового преступления не освобождает юридическое лицо от обязанности по уплате налога, именно поэтому погашение налоговой задолженности должно осуществляться за счет имущества юридического лица и только в случае отсутствия такового или недостаточности его для погашения возмещение может производиться за счет имущества лица, совершившего преступление⁹. Тем не менее высшие судебные инстанции не исключают возможность привлечения по налоговым преступлениям в качестве гражданского ответчика физических лиц¹⁰, что наряду с отсутствием предусмотренных ст. 54 УПК РФ оснований для привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика, подходящих для рассматриваемых случаев, приводит к тому, что юридическое лицо по-прежнему не всегда привлекается в уголовный процесс в качестве гражданского ответчика, что приводит к отмене судебных решений¹¹. Причина такой ситуации видится в том, что положения ст. 54 УПК РФ не позволяют следователям привлекать юридических лиц в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков, так как они в данном случае не несут ответственность в соответствии с ГК РФ. Поэтому должностные лица, осуществляющие расследование налоговых преступлений, применяют положения ст. 1064 ГК РФ и привлекают в качестве гражданских ответчиков физических лиц: бухгалтеров, руководителей организации, ответственных за ведение бухгал-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284733/ (дата обращения: 08.04.2020).

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/ (дата обращения: 08.04.2020).

⁹ Великая В. Е., Зяблина М. В. Иски прокуроров о возмещении ущерба публично-правовым образованиям. Анализ практики // Уголовный процесс. 2019. № 8. С. 54–60.

¹⁰ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48.

¹¹ См.: уголовное дело № 1-4/2019 // Архив Промышленного районного суда г. Ставрополя.

терского учета, исчисление и уплату налога, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство. При этом суды первой инстанции, скорее всего, заостряют внимание на разрешении уголовных дел по существу, поэтому подходят к рассмотрению гражданских исков формально, удовлетворяя их. Лишь суды второй инстанции, отменяя приговоры в части гражданского иска, справедливо указывают на то, что в качестве гражданского ответчика должно было быть привлечено юридическое лицо, поскольку именно оно являлось налогоплательщиком и не уплатило в доход государства причитающиеся налоги¹².

Основание привлечения в качестве гражданского ответчика юридического лица, закрепленное ст. 54 УПК РФ, видится нам неприменимым для данных случаев. Связано это с тем, что вред в уголовном процессе и вред в гражданском праве не являются равнозначными категориями в силу различных объектов правоотношений; соответственно, неуплаченный налог, являясь вредом, причиненным налоговым преступлением в уголовном процессе, не является таковым в гражданском праве и не подлежит возмещению в порядке ГК РФ. Вследствие этого положения ст. 54 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания привлечения в уголовный процесс гражданского ответчика то, что оно в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением, не позволяют привлечь в уголовное дело о налоговом преступлении надлежащего субъекта — юридическое лицо. Высказанная нами позиция подтверждается мнением Конституционного Суда РФ. Так, в соответствии с ним возложение в уголовном процессе гражданско-правовой ответственности возможно лишь при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности¹³. Считаем, что это применимо и к привлечению юридических лиц

в качестве гражданских ответчиков. ГК РФ не содержит конкретной нормы, закрепляющей условия привлечения лица к гражданско-правовой ответственности. Тем не менее исходя из положений ст. 1064 ГК РФ одним из условий гражданско-правовой ответственности является наличие вреда личности или имуществу физического или юридического лица. Иными словами, для того, чтобы возложить на лицо гражданско-правовую ответственность в уголовном процессе, вред, составляющий неуплаченную сумму налога, должен являться вредом в гражданско-правовом понимании. Как писал Н. С. Малеин, вред — это совокупность отрицательных последствий всякого правонарушения и его неотъемлемый признак¹⁴. Данное определение, полагаем, не утратило актуальности и применимо к наиболее общественно опасному виду правонарушений — преступлению. При совершении налогового преступления отрицательные последствия выражаются в непоступлении в бюджет налогов, подлежащих уплате, а значит, неуплаченные в бюджет налоги составляют причиненный преступлением вред. Данная позиция согласуется и с уголовно-правовым определением вреда, который в научной литературе понимается как неблагоприятные, социально опасные последствия, наступившие в результате преступного посягательства на конкретные общественные отношения¹⁵. УПК РФ не содержит определения вреда как категории, и его виды также не находят четкого закрепления в законе. Лишь из положений ст. 42 УПК РФ следует, что преступлением может быть причинен физический, имущественный, моральный вред, а также вред деловой репутации. В научной литературе отсутствует единая позиция относительно содержания имущественного вреда в уголовном процессе. Некоторые ученые придерживаются широкого подхода к понятию имущественного вреда: это не только уничто-

¹² См.: апелляционное определение от 20.07.2016 по делу № 10-11294/2016 ; апелляционное определение от 21.09.2016 по делу № 10-14317/2016 ; уголовное дело № 1-4/2019.

¹³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П.

¹⁴ Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 89–90.

¹⁵ См.: Бондаренко И. В. Уголовно-правовое понятие вреда, причиненного преступлением, и проблемы его возмещения : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 59.

жение или уменьшение имущественного блага, но и другие нарушения имущественных прав, которые наступили в результате преступления¹⁶. Другие ученые, напротив, понимают под имущественным вредом лишь вред, причиненный конкретному имуществу потерпевшего¹⁷. В качестве самостоятельного вида вреда эти ученые выделяют материальный вред, поскольку, по их мнению, имущественный вред — это вред только наличному имуществу, а материальный вред характеризует все изменения в материальной сфере пострадавшего¹⁸. Если исходить из узкого понимания имущественного вреда, то неуплаченные налоги не могут считаться имущественным вредом, поскольку на момент совершения преступления неуплаченные налоги не являются имуществом государства или фискальных органов. Широкое же понятие позволяет включить в имущественный вред неуплаченные налоги. Так, В. А. Азаров, являясь сторонником отождествления имущественного и материального вреда¹⁹, позднее писал о том, что вред от налоговых преступлений носит ярко выраженный имущественный характер и заключается в недополучении государством соответствующих сумм налогов и сборов²⁰. То есть ученый поддерживает широкий взгляд на рассматриваемую категорию, что позволяет ему включать в нее неуплаченные юридическим лицом налоги, и данное мнение представляется нам оправданным. На наш взгляд, наиболее последовательной выглядит позиция ученых, рассматривающих имущественный вред не только как причинение вреда конкретному имуществу потерпевшего, но и как нарушение иных имущественных прав, связан-

ных с совершением преступления²¹. В нынешних реалиях имущественные отношения имеют сложный характер и не ограничиваются правом собственности на конкретное имущество, что находит отражение в уголовном законе, охраняющем широкий круг имущественных отношений. Поэтому и в уголовном процессе видится не вполне оправданным узкое понимание имущественного вреда. Суть имущественного вреда состоит, на наш взгляд, не в том, что причиняется вред определенному имуществу, а в том, что потерпевший в результате совершения преступления несет определенные имущественные потери, которые могут быть вызваны как причинением вреда конкретному имуществу, так и, к примеру, неполучением денежных средств, на которые потерпевший имел право в силу закона. В результате совершения налогового преступления не причиняется вред конкретному имуществу, из чего, однако, не следует, что имущественный вред не возникает, поскольку в результате неуплаты налогов государство несет имущественные потери на сумму непоступивших налогов. Таким образом, представляется, что неуплаченная организацией сумма налога составляет причиненный преступлением имущественный вред, который выразился в неполучении суммы налога, подлежащей уплате в бюджет.

В гражданском праве имущественный вред имеет иное содержание и тождественен убыткам (ч. 2 ст. 15 ГК РФ). Так, еще Г. Ф. Шершеневич писал о том, что имущественный вред в гражданском праве охватывается понятием «убытки»²². Это мнение не утратило актуаль-

¹⁶ См.: Гурьев П. П. Защита личных и имущественных прав. М., 1964. С. 112.

¹⁷ См.: Каракай М. И. К вопросу о понятии и содержании термина «имущественный вред» в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 123 ; Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. С. 13.

¹⁸ См.: Сидоренко Э. Л. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995. С. 11.

²⁰ Азаров В. А., Лукашевич С. В. Доказывание по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов. Омск, 2009. С. 53.

²¹ См.: Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. С. 11 ; Гурьев П. П. Указ. соч. С. 112.

²² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 151.

ности и в современных условиях²³. Сумма неуплаченных налогов не подпадает ни под один из видов убытков. Не являясь вредом в гражданском праве, неуплаченная сумма налога не подлежит взысканию в порядке ГК РФ, а взыскивается в порядке ст. 45 НК РФ и гл. 26 АПК РФ²⁴. Так как неуплаченные налоги, составляющие имущественный вред, причиненный налоговым преступлением, в уголовном процессе не составляют имущественного вреда в гражданском праве и не подлежат взысканию в порядке ГК РФ, действующие положения ст. 54 УПК РФ, предусматривающие лишь одно основание для привлечения в качестве гражданского ответчика, полагаем, не позволяют вовлекать в уголовный процесс юридических лиц. Обусловлено это тем, что они обязаны возместить причиненный преступлением вред, составляющий неуплаченную сумму налога, но не в соответствии с ГК РФ, а в соответствии с НК РФ и АПК РФ. Поэтому для того, чтобы привлечь в уголовный процесс по налоговым преступлениям надлежащего гражданского ответчика, представляется необходимым установить еще одно основание для получения данного статуса юридическим лицом — наличие обязанности в соответствии с НК РФ и АПК РФ уплатить налоги, сборы, страховые взносы. На наш взгляд, несмотря на то, что неуплаченные налоги не подлежат возмещению в порядке гражданского судопроизводства, в рамках уголовного процесса они могут быть взысканы посредством гражданского иска, так как он является средством возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, включающего в себя в том числе неполученные суммы налогов и сборов. Наша позиция подтверждается ранее высказанным мнением ученых о том, что иск — это универсальное

средство защиты прав и законных интересов, то есть область его применения не ограничена рамками гражданского судопроизводства и способы защиты нарушенных прав потерпевшего не могут быть ограничены по формальному признаку принадлежности нарушенного права той или иной сфере охраняемых законом интересов²⁵. Другие ученые также отмечают, что расширение пределов гражданского иска в уголовном процессе не только возможно, но и необходимо²⁶.

Закрепление нового основания для привлечения юридического лица в качестве гражданского ответчика позволит исключить взыскание сумм, подлежащих уплате юридическим лицом, с наемных работников, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, а также обеспечит уплату налога в бюджет юридическим лицом — налогоплательщиком. Таким основанием, помимо ответственности в соответствии с ГК РФ за вред, причиненный преступлением, является обязанность в соответствии с НК РФ и АПК РФ уплатить налоги, сборы, страховые взносы. В связи с изложенным предлагаем внести в ч. 1 ст. 54 УПК РФ изменения, изложив ее в следующей редакции:

«1. В качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением, а также в соответствии с НК РФ и АПК РФ обязанное уплатить налоги, сборы, страховые взносы. По преступлениям, предусмотренным ст. 199-199.4 УК РФ, если налогоплательщиком, не уплатившим налоги, сборы, страховые взносы, выступает юридическое лицо, оно привлекается по уголовному делу в качестве гражданского ответчика».

²³ См.: *Невзгодина Е. Л.* Вред как условие возникновения деликтных обязательств в гражданском праве // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2009. № 3. С. 28–29.

²⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 08.06.2020).

²⁵ См.: *Милицин С. Е., Попкова Е. В.* Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 46–48.

²⁶ См.: *Сотонкин А. В.* Правовые средства возмещения имущественного вреда в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 190.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаров В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. — Омск, 1995. — 187 с.
2. Азаров В. А., Лукашевич С. В. Доказывание по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов. — Омск, 2009. — 183 с.
3. Бондаренко И. В. Уголовно-правовое понятие вреда, причиненного преступлением, и проблемы его возмещения : дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 1995. — 158 с.
4. Великая В. Е., Зяблина М. В. Иски прокуроров о возмещении ущерба публично-правовым образованиям. Анализ практики // Уголовный процесс. — 2019. — № 8. — С. 54–60.
5. Гурьев П. П. Защита личных и имущественных прав. — М., 1964. — 112 с.
6. Каракай М. И. К вопросу о понятии и содержании термина «имущественный вред» в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 4. — С. 122–124.
7. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. — М., 1968. — 207 с.
8. Милицин С. Е., Попкова Е. В. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. — 2001. — № 7. — С. 46–48.
9. Невзгодина Е. Л. Вред как условие возникновения деликтных обязательств в гражданском праве // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2009. — № 3. — С. 28–32.
10. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. — СПб., 2003. — 310 с.
11. Сотонкин А. В. Правовые средства возмещения имущественного вреда в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 1. — С. 189–192.
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М., 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 15 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Azarov V. A. Problemy teorii i praktiki ohrany imushchestvennyh interesov lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve. — Omsk, 1995. — 187 s.
2. Azarov V. A., Lukashevich S. V. Dokazyvanie po ugovolnym delam ob uklonenii ot uplaty nalogov. — Omsk, 2009. — 183 s.
3. Bondarenko I. V. Ugolovno-pravovoe ponyatie vreda, prichinennogo prestupleniem, i problemy ego vozmeshcheniya : dis. ... kand. yurid. nauk. — Ryazan', 1995. — 158 s.
4. Velikaya V. E., Zyablina M. V. Iski prokurorov o vozmeshchenii ushcherba publichno-pravovym obrazovaniyam. Analiz praktiki // Ugolovnyj process. — 2019. — № 8. — S. 54–60.
5. Gur'ev P. P. Zashchita lichnyh i imushchestvennyh prav. — M., 1964. — 112 s.
6. Karakaj M. I. K voprosu o ponyatii i sodержanii termina «imushchestvennyj vred» v ugovolnom sudoproizvodstve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2019. — № 4. — S. 122–124.
7. Malein N. S. Imushchestvennaya otvetstvennost' v hozyajstvennyh otnosheniyah. — M., 1968. — 207 s.
8. Milicin S. E., Popkova E. V. Ugolovnoe delo i grazhdanskij isk: vmeste ili porozn'? // Rossijskaya yusticiya. — 2001. — № 7. — S. 46–48.
9. Nevzgodina E. L. Vred kak uslovie vozniknoveniya deliktnyh obyazatel'stv v grazhdanskom prave // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2009. — № 3. — S. 28–32.
10. Sidorenko E. L. Otricateľ'noe povedenie poterpevshego i ugovolnyj zakon. — SPb., 2003. — 310 s.
11. Sotonkin A. V. Pravovye sredstva vozmeshcheniya imushchestvennogo vreda v dosudebnom proizvodstve // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. — 2011. — № 1. — S. 189–192.
12. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). — M., 1995. — 556 s.

Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом

Аннотация. Цель научной статьи — на основе закономерностей формирования древовидных иерархических структур провести системное исследование внутреннего устройства и функций уголовно-процессуальной деятельности, определить цели и задачи уголовного судопроизводства на разных уровнях системной иерархии. В рамках исследования уголовный процесс рассматривается в качестве системы со сложными межэлементными взаимосвязями и собственным взаимовлиянием на свои структурные элементы. На основе разграничения категорий «назначение», «цель», «результат» автор делает вывод, что цель уголовного процесса — разрешить по существу в соответствии с требованиями уголовно-процессуального права находящиеся в производстве органов предварительного расследования и суда материалы, обеспечивая при этом применение уголовного закона. В ходе исследования устанавливается возможность достижения цели уголовного процесса на любой его стадии в случае одновременного выполнения двух условий — выявления объективных уголовно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона и обеспечения реализации принципов уголовного судопроизводства. Через цель и принципы уголовно-процессуальной деятельности автор определяет задачи и основные функции уголовного судопроизводства, выделяет общую цель и задачи органов дознания, предварительного следствия и суда. Делает вывод, что установление объективных уголовно-процессуальных оснований для разрешения находящихся в производстве материалов с применением уголовного закона обеспечивается в результате предварительной проверки материала, предварительного расследования или реализации функций судебной власти посредством решения стоящих перед органами дознания, следствия и суда задач. В результате исследования устанавливаются действительное назначение и цели уголовного преследования, защиты, судебного и ведомственного контроля, прокурорского и судебного надзора.

Ключевые слова: системный подход; назначение; цель; задачи; уголовный процесс; уголовное преследование; защита; ведомственный контроль; судебный контроль; прокурорский надзор; судебный надзор.

Для цитирования: Иванов В. И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 142–151. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.142-151.

© Иванов В. И., 2021

* Иванов Виталий Иванович, кандидат юридических наук, преподаватель БПОУ ОО «Сибирский профессиональный колледж»

ул. Добролюбова, д. 15, г. Омск, Россия, 644005

vitaliv2019@mail.ru

Investigation of the Purpose, Goals and Objectives of the Criminal Procedure by means of Systemic Approach

Vitaliy I. Ivanov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Siberian Professional College
ul. Dobrolyubova, d. 15, Omsk, Russia, 644005
vitaliv2019@mail.ru

Abstract. The purpose of the paper is to conduct a systemic study of the internal structure and functions of criminal procedural activity based on patterns of formation of tree-like hierarchical structures, to determine the goals and objectives of criminal proceedings at different levels of the system hierarchy. Within the framework of the study, the criminal procedure is considered as a system with complex inter-element relationships and its own mutual influence on its structural elements. Based on the distinction between the categories "purpose", "goal", "result", the author concludes that the purpose of the criminal process is to resolve the materials on the merits in the production of the preliminary investigation bodies and the court in accordance with the requirements of criminal procedural law providing for criminal law application. The study establishes the possibility of achieving the goal of the criminal procedure at any stage in the case of the simultaneous fulfillment of two conditions: the identification of objective criminal procedural grounds for the completion of the criminal process using the criminal law and ensuring the implementation of the principles of criminal proceedings. Through the goals and principles of criminal procedural activity, the author defines the objectives and main functions of criminal proceedings, identifies the general goal and objectives of the bodies of inquiry, preliminary investigation and the court. The author concludes that the establishment of objective criminal procedural grounds for the resolution of materials in production with the application of criminal law is ensured because of preliminary verification of the materials, preliminary investigation or the implementation of the functions of the judiciary by solving the tasks facing the bodies of inquiry, investigation and court. The paper establishes the real purpose and goals of criminal prosecution, defense, judicial and departmental control, prosecutorial and judicial supervision.

Keywords: systemic approach; purpose; goal; objectives; criminal procedure; criminal prosecution; protection; departmental control; judicial control; prosecutor supervision; judicial review.

Cite as: Ivanov VI. Issledovanie naznacheniya, tseyey i zadach ugolovnogo protsessya sistemnym metodom [Investigation of the Purpose, Goals and Objectives of the Criminal Procedure by means of Systemic Approach]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):142-151. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.142-151. (In Russ., abstract in Eng.).

Не стоит сомневаться в том, что вопросы, связанные с определением назначения, цели, задач уголовного процесса, а также назначения и целей ведомственного и судебного контроля, прокурорского и судебного надзора, в настоящее время не утратили свою актуальность. Основная причина пристального внимания к ним заключается в отсутствии единого научного представления о структуре уголовного процесса, ее элементах и внутренних связях. Различные научные точки зрения относительно этих феноменов уголовно-процессуальной деятельности, как правило, обусловлены ограниченной формально-юридической и сравнительно-правовой методологией познания, игнорирующей важнейшее свойство права —

его системность. Устранение этого недостатка, как представляется автору, возможно в результате исследования уголовно-процессуальной деятельности системным методом.

Системный подход — это совокупность методов и средств, позволяющих исследовать свойства, структуру и функции объектов и процессов в целом, представив их в качестве образований со сложными межэлементными взаимосвязями, влиянием самой системы на ее структурные элементы. Доминирующая роль целого по отношению к его составным частям представляет основу методологии системного подхода. В процессе системного анализа движение мысли происходит от целого к составным частям, от системы к ее элементам, от сложного явления к

просто, при этом целое определяет характер и специфику элементов и частей, входящих в состав данного целого¹.

Уголовное судопроизводство России представляет собой правовую деятельность специально уполномоченных субъектов, направленную на выполнение определенных целей и задач. Обусловленные специфической ролью и правовым статусом участников, направления уголовно-процессуальной деятельности формируют функции уголовно-процессуального права².

Исходя из особенностей системного анализа, исследование с его помощью уголовно-процессуальной деятельности необходимо начать с определения общей цели уголовного судопроизводства.

Рассматривая цель права как идеально представленный и социально востребованный результат предполагаемого воздействия отрасли права на регулируемые общественные отношения, можно сделать следующие выводы:

- а) конечный результат правового регулирования определяется целью права;
- б) цель права и полученный при ее достижении результат, несмотря на подобие внешних форм, различаются не только по способу своего представления (идеальный и фактический соответственно), но и по отведенной каждому роли: если роль цели — определить основное направление воздействия отрасли права на регулируемые общественные отношения для достижения необходимого результата, то роль последнего как фактического состояния урегулированных правоотношений и установок их участников выражает основное назначение права — обеспечить выполнение другой, более значимой для общества функции;

в) цель права отражает не только предполагаемый к достижению результат (что необходимо получить?), но и связанное напрямую с ним назначение права (для чего это нужно?). Поэтому нередко происходит ошибочное отождествление цели права и его назначения.

Представляется наиболее объективной научная точка зрения, согласно которой уголовный процесс выступает в качестве формы применения уголовного закона, т.е. деятельности уполномоченных органов, связанной с вынесением индивидуальных актов, констатирующих соблюдение, правомерность использования или необходимость исполнения уголовно-правовых норм³. Рассматривая ее совместно с вышеизложенными выводами о соотношении назначения права, его цели и результата правоприменения, приходится констатировать, что основным назначением уголовно-процессуального права является обеспечение применения норм уголовного закона.

При изучении способов проявления уголовно-правовых норм следует согласиться с мнением о том, что применение уголовного права — это принятие и закрепление решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных фактических обстоятельств в соответствующей норме и об определении (или неопределении) содержащейся в ней меры уголовно-правового характера⁴. Применение уголовного закона обеспечивается каждый раз в результате вынесения и процессуального закрепления на основаниях и в порядке, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, итогового решения по находящимся в производстве органов предварительного расследования и суда материалам. Иными словами, принятие и процессуальное закрепление в

¹ Прохорова И. А. Теория систем и системный анализ : учебное пособие. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 7.

² Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // КиберЛенинка. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-ugolovno-protsessualnyh-funktsiy-v-otechestvennoy-doktrine-ugolovnogo-protsesssa> (дата обращения: 27.05.2020).

³ Муравьев К. В. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1. С. 7.

⁴ Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. Ярославль, 2003. С. 75–76.

соответствии с УПК РФ окончательного решения по находящимся в производстве органов предварительного расследования и суда материалам (разрешение их по существу), с одной стороны, завершает уголовно-процессуальную деятельность, с другой — обеспечивает применение норм уголовного закона.

Так, при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за отсутствием события преступления), происходит применение уголовного закона — соотнесение установленных фактических обстоятельств произошедшего с признаками преступления, предусмотренными в ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Таким образом, цель уголовного процесса — разрешить по существу в соответствии с требованиями уголовно-процессуального права находящиеся в производстве органов предварительного расследования и суда материалы, обеспечивая при этом применение уголовного закона.

Отсюда вытекает суждение о том, что решение по существу находящихся в производстве органов предварительного расследования и суда материалов является главной отраслевой функцией уголовного судопроизводства.

Данная цель может быть достигнута на разных стадиях уголовного процесса в результате принятия на предусмотренных уголовно-процессуальным законом основаниях любого из завершающих эту деятельность решений:

- отказа в возбуждении уголовного дела (на стадии возбуждения);
- прекращения уголовного дела (на стадии предварительного расследования и в суде);
- привлечения к уголовной ответственности (в суде).

Уголовно-процессуальные основания для принятия итоговых решений устанавливаются из фактических данных, полученных в ходе уголовного процесса, необходимых и достаточных для применения уголовного закона.

При наличии указанных оснований путем принятия законного, обоснованного и справед-

ливого решения с применением уголовно-правовых норм на соответствующей стадии уголовного процесса прекращается производство по материалу предварительной проверки, уголовному делу либо разрешается по существу в суде материально-правовой спор между сторонами защиты и обвинения.

Не вызывает сомнений, что фактические данные, необходимые и достаточные для принятия итогового уголовно-процессуального решения, должны быть объективными (устанавливать объективную истину). Объективность последних в большей степени зависит от надлежащего (законного) применения средств и способов их получения. Представляется, что легитимное получение этих данных возможно лишь при реализации в полном объеме принципов уголовного судопроизводства всеми его участниками. Причины подобного взгляда кроются в том, что принципы как основополагающие идеи, выработанные в результате развития уголовного судопроизводства, выражают наивысшие социальные ценности и призваны обеспечить права и свободы его участников. Являясь социально востребованным средством обеспечения прав и свобод последних, принципы выступают в качестве общепризнанных критериев эффективности уголовного процесса и объективности его результатов. В связи с этим вопрос реализации принципов на каждой стадии уголовного судопроизводства является таким же значимым, как и установление рассматриваемых фактических данных.

Из полученных промежуточных результатов исследования становится понятно, что достижение цели уголовного процесса на любой его стадии возможно лишь в случае одновременного выполнения двух условий:

- а) установления объективных уголовно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона;
- б) обеспечения реализации принципов уголовного судопроизводства.

Согласно закономерностям формирования древовидных иерархических структур («деревьев целей»)⁵, данные условия, с одной стороны,

⁵ Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ : учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 96.

по отношению к цели уголовного процесса выступают в качестве основных задач уголовного судопроизводства (подцелей) и представляют средства ее достижения, с другой — по отношению к субъектам являются общими целями их уголовно-процессуальной деятельности, определяющими на втором уровне иерархии в структуре стадий уголовного процесса два основных его направления.

В результате можно говорить о двух основных функциях уголовного процесса:

- установлении объективных уголовно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона;
- обеспечении реализации уголовно-процессуальных принципов.

Анализ предусмотренных уголовно-процессуальных средств и способов позволяет сделать вывод о том, что достижение первой цели второго уровня иерархии (установления объективных уголовно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона) может быть осуществлено посредством видов деятельности третьего иерархического уровня, специально предназначенных для этого в стадиях уголовного процесса: путем производства предварительной проверки материала — на стадии возбуждения, путем производства дознания или следствия — на стадии предварительного расследования, путем реализации судебной власти — в судебных стадиях.

В этих случаях целями рассматриваемых видов уголовно-процессуальной деятельности являются соответственно: предварительной проверки материалов — установление законных оснований отказа в возбуждении уголовного дела; расследования — установление законных оснований его прекращения; судебной деятельности (в судебных стадиях) — установление законных оснований прекращения уголовного дела, связанных с привлечением (или без привлечения) виновного к уголовной ответственности.

Несмотря на явное различие внешних признаков представленных целей, полученные при их достижении результаты имеют общие родовые свойства — являются уголовно-процессуальными основаниями завершения уголовного

процесса с применением уголовного закона. Данная особенность позволяет рассматривать указанные цели третьего уровня как разновидности первой цели второго уровня иерархии.

Посредством достижения цели предварительной проверки материала, расследования или судебной деятельности в условиях обеспечения действия принципов уголовного судопроизводства реализуется первая цель второго уровня иерархии — устанавливаются уголовно-процессуальные основания завершения уголовного процесса с применением уголовного закона, что, в свою очередь, позволяет соответствующему субъекту достичь общей цели уголовного процесса — разрешить по существу находящиеся в производстве материалы (предварительной проверки или уголовного дела) с применением уголовного закона.

И наоборот, отсутствие на досудебных стадиях такой возможности заставляет субъекта решать возникшую перед ним задачу — устанавливать имеющимся в его распоряжении средствами уголовно-процессуальные основания применения уголовного закона без завершения уголовного процесса (например, признаки преступления в ходе предварительной проверки для возбуждения уголовного дела), необходимые для перехода на другие уголовно-процессуальные условия (режим) функционирования — следующую стадию уголовного процесса, с последующим задействованием всего арсенала ее процессуальных средств и способов. В этом случае происходит «движение» материала от стадии возбуждения через процедуру предварительного расследования к рассмотрению и окончательному разрешению дела по существу в суде. Очевидно, что поиск уголовно-процессуальных оснований применения уголовного закона без завершения уголовного судопроизводства — это задача органов предварительного расследования, расположенная на четвертом иерархическом уровне, требующая своего решения в условиях недостижения цели уголовного процесса на досудебных стадиях.

Таким образом, первая цель второго уровня иерархии — это общая цель органов дознания, предварительного следствия и суда, ориентирующая их на установление объективных уго-

ловно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона. Безуспешные попытки ее достижения постепенно, начиная со стадии возбуждения, переводят производство по материалу на новый режим уголовно-процессуального функционирования, осуществляя тем самым переход на следующую стадию уголовного процесса по принципу «от менее значимого (простого) — к более значимому (сложному)». Такой вывод соответствует научной точке зрения, согласно которой любая цель может быть достигнута различными средствами, путем осуществления различных видов деятельности. Различные функции могут преследовать одну и ту же конечную цель⁶.

Данная цель в полной мере выражает принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) и совместно с содержанием ст. 6 УПК РФ (автор не согласен с наименованием данной статьи) определяют баланс интересов сторон обвинения и защиты. Вместе с тем для обеспечения истинности результатов уголовно-процессуальной деятельности в качестве одного из принципов уголовного процесса необходимо закрепить требование об объективности, о всесторонности и полноте осуществляемых уголовно-процессуальных действий.

Цели четвертого уровня иерархической структуры формируются под воздействием потребностей субъектов уголовного процесса в преодолении возникающих при осуществлении указанных видов деятельности препятствий, поэтому представляют собой задачи, стоящие перед органами дознания, следствия и суда, требующие обязательного решения для успешного выполнения этими органами своих функций.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что установление объективных уголовно-процессуальных оснований для разрешения находящихся в производстве материалов с применением уголовного закона обеспечивается в результате предварительной проверки материала, предварительного расследования или реализации функций судебной

власти посредством решения стоящих перед органами дознания, следствия и суда задач.

Полученные в рамках системного исследования результаты формально-юридического анализа уголовно-процессуального закона позволяют сделать вывод, что для решения второй задачи уголовного процесса предусмотрены особые процессуальные средства — такие самостоятельные виды деятельности, как уголовное преследование (обвинение), защита от уголовного преследования, судебный и ведомственный контроль, прокурорский и судебный надзор.

Так, уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства от имени государства осуществляет прокурор в пределах компетенции, предусмотренной уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 37 УПК РФ).

Цель уголовного преследования (стороны обвинения) — изобличить подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Из смысла п. 45 ст. 5 УПК РФ следует, что в отличие от уголовного преследования *деятельность стороны защиты направлена на защиту подозреваемых или обвиняемых от уголовного преследования всеми законными средствами и способами*. Следуя к намеченным целям и реализуя свои функции, стороны защиты и обвинения призваны обеспечить действие принципа состязательности.

Исходя из того, что прокуратура Российской Федерации — это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), прокурору представлены полномочия по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Предмет надзора в этом случае составляют соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разре-

⁶ Борова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 227.

шения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Из взаимосвязи общего предназначения надзорной деятельности органов прокуратуры с рассматриваемым направлением прокурорского надзора следует, что в результате применения последнего в уголовном процессе обеспечивается принцип законности в сфере профессиональной деятельности органов дознания и предварительного следствия. Отсюда следует вывод о том, что *основное назначение прокурорского надзора — обеспечить законность в сфере профессиональной деятельности органов предварительного расследования.*

В отличие от прокурорского, назначение судебного надзора состоит в обеспечении законности вступивших в силу решений суда — приговора, определения или постановления (ст. 412.1 УПК РФ). Очевидно, что судебный надзор дополняет прокурорский ввиду ограниченной сферы применения последнего (не распространяется на судебную систему).

Пределы прокурорского и судебного надзора ограничены рамками проверки *соблюдения Конституции, исполнения уголовного и уголовно-процессуального законов* — соотносением фактического состояния правоприменения в профессиональной деятельности органов предварительного расследования или суда с требованиями названных законодательных актов, по результатам которой принимаются соответствующие меры прокурорского или судебного реагирования (см., например, п. 3 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 412.9 и ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ).

Таким образом, цель судебного или прокурорского надзора — установить соотношение фактического состояния применения уголовного и уголовно-процессуального законов в сферах профессиональной деятельности органов предварительного расследования или суда с требованиями названных законодательных

актов и принять предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры прокурорского или судебного реагирования.

Принцип законности является определяющим в системе уголовно-процессуальных принципов, так как, распространяя свое действие на все нормы Уголовно-процессуального кодекса, он обеспечивает реализацию других принципов уголовного процесса. Однако его требование о законности и об обоснованности уголовно-процессуальных решений (ч. 4 ст. 7 УПК РФ) невозможно обеспечить лишь прокурорским и судебным надзором в силу ограниченного предмета правового регулирования последних, так как в подобных случаях требуется проверка не только наличия законных оснований для принятия таких решений, но и подтверждение этих оснований фактическими данными, что уже само по себе подразумевает реализацию контрольных полномочий за процессуальной деятельностью соответствующих субъектов уголовного процесса.

Реализация контрольных полномочий в предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом случаях осуществляется посредством ведомственного или судебного контроля через одновременную проверку законности и обоснованности решений, принятых соответствующими субъектами уголовного процесса. В этих случаях в условиях обеспечения законности происходит, с одной стороны, согласование прав и интересов участников уголовного процесса, в отношении которых принято такое решение, с другой — должностных лиц, его принявших. Подобным образом восстанавливается нарушенный баланс между правами и законными интересами соответствующих участников уголовного судопроизводства в сферах, подконтрольных органам предварительного расследования или суду.

Кроме того, из смысла ст. 39, 40.1 и 40.2 УПК РФ следует, что ведомственный контроль выступает средством надлежущей организации уголовного судопроизводства (в соответствии с принципами уголовного процесса) при осуществлении предварительной проверки материалов, в ходе проведения дознания или предварительного следствия.

Таким образом:

- 1) *назначение судебного контроля — обеспечить в сфере, подведомственной суду, в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях реализацию уголовно-процессуальных принципов путем согласования прав и законных интересов соответствующих участников уголовного процесса;*
- 2) *цель судебного контроля — согласовать права и законные интересы соответствующих участников уголовного процесса;*
- 3) *назначение ведомственного контроля — обеспечить в сфере, подведомственной органам предварительного расследования, в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях реализацию уголовно-процессуальных принципов путем:*
  - a) *согласования прав и законных интересов соответствующих участников уголовного процесса;*
  - b) *организации надлежащего производства предварительной проверки материалов, дознания или предварительного следствия;*
- 4) *цель ведомственного контроля — согласовать права и законные интересы участников уголовного процесса и организовать в соответствии с уголовно-процессуальными принципами производство предварительной проверки материалов, дознания или предварительного следствия.*

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что цели рассмотренных видов уголовно-процессуальной деятельности находятся на третьем уровне иерархии и представляют собой самостоятельные, дополняющие друг друга средства обеспечения безусловной реализации принципов уголовного судопроизводства. Поэтому достижение второй цели второго уровня иерархии возможно лишь в случае одновременного осуществления уголовного преследования, защиты, прокурорского и судебного надзора, ведомственного и судебного контроля.

Цели указанных видов деятельности являются частными целями третьего уровня, определяющими на своем уровне самостоятельные функции исследуемых видов деятельности.

Функции уголовного преследования (обвинения), защиты, прокурорского и судебного над-

зора, ведомственного и судебного контроля осуществляются в соответствующих сферах профессиональной деятельности рассматриваемых субъектов уголовного процесса, не подменяют и не дублируют друг друга.

На четвертом уровне иерархической структуры располагаются цели стороны защиты, органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, формируемые потребностями последних в преодолении возникающих препятствий в ходе осуществления собственных функций, ориентированных на обеспечение безусловной реализации уголовно-процессуальных принципов. Данные цели представляют собой задачи, требующие обязательного решения для успешного достижения предназначения защиты, обвинения, прокурорского и судебного надзора, ведомственного и судебного контроля. *В контексте изложенного обеспечение реализации принципов уголовного судопроизводства возможно лишь при условии одновременного осуществления функций уголовного преследования (обвинения), защиты, прокурорского и судебного надзора, ведомственного и судебного контроля посредством решения стоящих перед стороной защиты, органами предварительного расследования, прокуратуры и судебными органами задач.*

Таким образом, в ходе проведенного исследования получены следующие основные выводы:

1. *Цель уголовного процесса — разрешить по существу в соответствии с требованиями уголовно-процессуального права находящиеся в производстве органов предварительного расследования и суда материалы, обеспечивая при этом применение уголовного закона.*

2. *Задачи уголовного процесса:*

- a) *установить объективные уголовно-процессуальные основания завершения уголовного процесса с применением уголовного закона;*
- b) *обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства.*

3. *Основные функции уголовного процесса:*

- a) *установление объективных уголовно-процессуальных оснований завершения уголовного процесса с применением уголовного закона;*
- b) *обеспечение реализации уголовно-процессуальных принципов.*

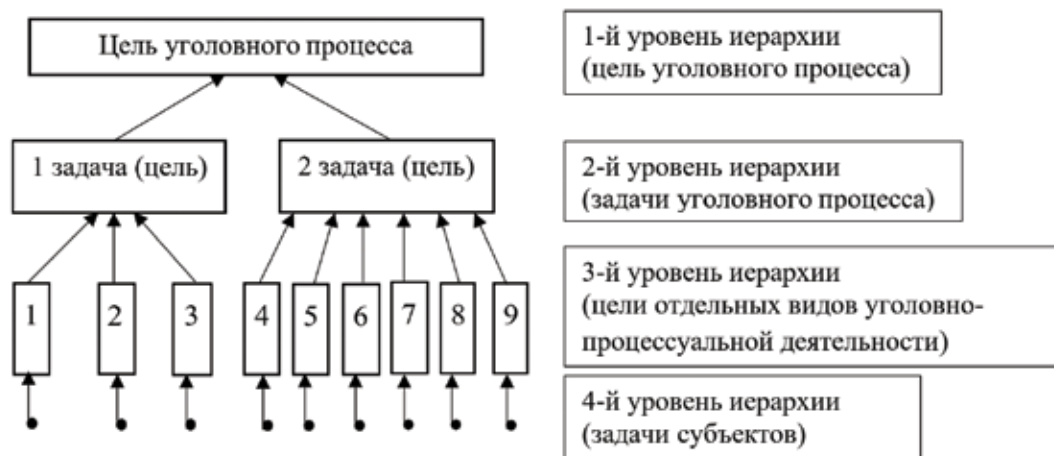
4. Общая цель органов дознания, предварительного следствия и суда — установить объективные уголовно-процессуальные основания завершения уголовного процесса с применением уголовного закона.

5. Установление объективных уголовно-процессуальных оснований для разрешения находящихся в производстве материалов с применением уголовного закона обеспечивается в результате проверки материалов, предварительного расследования или реализации судебной власти посредством решения стоящих перед органами дознания, следствия и суда задач.

6. Обеспечение реализации принципов уголовного судопроизводства возможно лишь при условии одновременного осуществления функций уголовного преследования (обвинения), защиты, прокурорского и судебного надзора, ведомственного и судебного контроля посредством решения стоящих перед стороной защиты, органами предварительного расследования, прокуратуры и судебными органами задач.

7. В результате проведенного исследования установлена общая структура целеполагания уголовного процесса (см. схему).

Общая структура целеполагания уголовного процесса

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. — 2010. — № 4. — С. 224–232.
2. Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография / Яросл. гос. ун-т. — Ярославль, 2003. — 260 с.
3. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ : учебник для академического бакалавриата. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 616 с.
4. Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // КиберЛенинка. 2013. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsiy-ugolovno-protsessualnyh-funktsiy-v-otchestvennoy-doktrine-ugolovnogoprotsessa> (дата обращения: 27.05.2020).
5. Муравьев К. В. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2017. — № 1. — С. 3–8.
6. Прохорова И. А. Теория систем и системный анализ : учебное пособие. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — 49 с.

Материал поступил в редакцию 25 июня 2020 г.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.152-159

Л. В. Лазарева*,
С. В. Покровский**

К вопросу о доказательности экспертных выводов

Аннотация. В статье рассматриваются неоднозначно трактуемые в теории уголовно-процессуального доказывания вопросы использования экспертного заключения. Особое внимание уделено исследованию обстоятельств, влияющих на формирование выводов эксперта. Показано, что существующие правовые механизмы в недостаточной мере регулируют отдельные вопросы судебно-экспертной деятельности. Анализируя судебно-экспертную практику, автор обращает внимание на соблюдение условий, при которых экспертное заключение приобретает доказательственное значение. Выявлено, что на неопровержимость экспертных выводов влияет не только компетентность судебного эксперта, но и научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности. Критикуется позиция, согласно которой эксперт может привлекать специалиста при формулировании выводов экспертизы. Предлагаются направления по совершенствованию всесторонности и объективности проводимых экспертных исследований, обеспечению полноты, а также обоснованности и достоверности сделанных экспертом выводов. С учетом современных достижений судебной экспертизы обосновывается необходимость применения унифицированного подхода к подготовке судебных экспертов разных специализаций, а также методическому обеспечению данной сферы деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебный эксперт; заключение эксперта; экспертное учреждение; назначение судебной экспертизы; экспертное исследование; выводы эксперта; доказывание; компетентность эксперта; судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Лазарева Л. В., Покровский С. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 152–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.152-159.

© Лазарева Л. В., Покровский С. В., 2021

* Лазарева Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
Большая Нижегородская ул., д. 67е, г. Владимир, Россия, 600020
larisa_vui@mail.ru

** Покровский Сергей Викторович, эксперт-криминалист Экспертно-криминалистического центра УМВД России по Владимирской области
Большая Московская ул., д. 45, г. Владимир, Россия, 600000
seregun21@yandex.ru

On the Issue of Evidentiary Value of Expert Opinion

Larisa V. Lazareva, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Procedure Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
ul. Bolshaya Nizhegorodskaya, d. 67e, Vladimir, Russia, 600020
larisa_vui@mail.ru

Sergey V. Pokrovskiy, Forensic Expert, Forensic Center of the Russian MIA Administration for the Vladimir Region
ul. Bolshaya Moskovskaya, d. 45, Vladimir, Russia, 600000
seregun21@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the issues of using expert opinions, which are ambiguously interpreted in the theory of criminal procedural evidence. Particular attention is given to the study of the circumstances influencing the formation of the expert's conclusions. It is shown that the existing legal mechanisms do not sufficiently regulate certain issues of forensic expert activity. Analyzing forensic practice, the authors draw attention to the observance of the conditions under which the expert opinion acquires evidentiary value. It was revealed that the irrefutability of expert conclusions is influenced not only by the competence of a forensic expert, but also by the scientific and methodological support of forensic expert activity. The authors criticize the position according to which an expert can involve a specialist when formulating the conclusions of the examination. The paper proposes some ways for improving the comprehensiveness and objectivity of the expert research, ensuring the completeness, as well as the validity and reliability of the conclusions made by the expert. Taking into account the modern achievements of forensic examination, the necessity of applying a unified approach to the training of forensic experts of different specializations, as well as the methodological support of this field of activity, is substantiated.

Keywords: forensic examination; forensic expert; expert opinion; expert institution; appointment of a forensic examination; expert research; expert conclusions; establishment of evidence; expert competence; forensic activity.

Cite as: Lazareva LV, Pokrovskiy SV. K voprosu o dokazatel'nosti ekspertnykh vyvodov [On the Issue of Evidentiary Value of Expert Opinion]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):152-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.152-159. (In Russ., abstract in Eng.).

Достижение цели доказывания по уголовным делам во многом зависит от применения специальных знаний в различных формах. Как известно, судебная экспертиза является традиционной и самой распространенной его формой. На протяжении многих десятилетий вопросы судебно-экспертной деятельности остаются на пике популярности. И это неудивительно. Судебная экспертиза является проводником использования в расследовании преступлений последних достижений науки и техники и способствует повышению значимости вещественных доказательств в доказывании.

Речь в нашей работе пойдет о проблемах формирования экспертных выводов и влиянии на этот процесс различных факторов.

Заключение эксперта в уголовном процессе зачастую выступает в качестве одного из основных доказательств, предъявляемых в суде стороной обвинения. По нашему глубокому убеждению, точное соблюдение экспертом принципов государственной судебно-экспертной деятельности при производстве судебной экспертизы, а также профессиональный опыт эксперта способен придать заключению эксперта статус «неопровержимого доказательства». Именно на подобных доказательствах базируется единственно верное решение по уголовному делу.

В статье 74 УПК РФ закреплено условие отнесения заключения эксперта к доказательствам по уголовному делу, выражающееся в том, что исследовательская и выводная части должны содержать сведения, на основе которых суд,

прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Заключение эксперта иного содержания справедливо отнесено законодателем к недопустимым доказательствам, оно не имеет юридической силы и не может быть положено в основу обвинения, а также не может использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. К недопустимым доказательствам по смыслу закона относятся и заключение эксперта, выводы которого основаны «на догадке, предположении, слухе» (ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹ обращалось внимание на негативную практику, когда «в отдельных случаях суды вопреки закону рассматривают заключение эксперта как доказательство, обладающее преимуществом перед другими доказательствами, не подвергая его тщательной проверке и должной оценке. Иногда приговоры основываются на предположительных выводах эксперта».

За прошедшие с тех пор почти 50 лет Верховный Суд РФ не изменил своей принципиальной позиции, указав, что «при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования»².

В настоящее время экспертное заключение, как и другие доказательства, не имеет заранее установленной силы и подлежит обязательной всесторонней оценке. Этот подход видится нам вполне оправданным. Только строгая научность и обоснованность проводимых экспертных ис-

следований, базирующихся на общенаучных методах, позволяет говорить о доказательственном значении заключения эксперта и обеспечить в полной мере законность, обоснованность и мотивированность процессуальных решений, принимаемых на его основе при разрешении уголовного дела.

Как известно, доказательственное значение имеет заключение эксперта с выводом об индивидуальном тождестве (полное сходство, совпадение). Такие факты считаются практически неопровержимым доказательством при условии, что идентифицируемый след не мог быть оставлен при обстоятельствах, не связанных с событием преступления³. Однако не каждое заключение эксперта, даже содержащее установленные экспертом факты, важные для разрешения дела, равно как и абсолютно верные (правильные) выводы по существу заданных вопросов можно представить в суде как «неопровержимое доказательство».

Как нам видится, заключение эксперта приобретает статус неопровержимого доказательства только при выполнении следующих условий:

- 1) соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы, оформления ее результатов;
- 2) научная обоснованность (использование общепринятых и научно обоснованных методик исследования, прошедших обязательную процедуру валидации);
- 3) категоричность выводов эксперта (положительный либо отрицательный вывод).

Кроме этого, на наш взгляд, доказательственное значение экспертного заключения, а в конечном итоге его неоспоримость обусловлены компетенцией судебного эксперта, которому поручено производство судебной экспертизы. И здесь возникает, по нашему мнению, один очень важный вопрос: что влияет на процесс формирования экспертных выводов по результатам проведенного исследования?

Обратимся к историческим фактам, не останавливаясь подробно на их анализе, отметив

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1987. С. 743.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газ. 2010. 30 декабря.

лишь отдельные отправные моменты, которые помогут представить подход к пониманию данного вопроса.

Еще в принятом в 1864 г. Уставе уголовного судопроизводства Российской империи⁴ под резолюцией его императорского величества: «Быть по сему» — в п. 325, 326 главы четвертой «Об исследовании события преступления» отмечалось, что «сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы... лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность».

Очевидно, что в Уставе уголовного судопроизводства понятия «специальные сведения (знания)», которыми владеет сведущее лицо (эксперт), и его «опытность» рассматриваются как синонимы, одинаковы по своему смысловому содержанию, а «опытность» сведущего лица есть результат его «продолжительных занятий по какой-либо службе или части».

В отличие от известного исторического документа действующее отечественное законодательство (ст. 57 УПК РФ) определяет эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном законом порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Современная трактовка подразумевает, что эксперт должен быть компетентным в конкретной области научной и практической деятельности, т.е. обладать комплексом знаний в области теории, методики и практики определенного класса, рода, вида экспертизы.

На сегодняшний день выделяют два подхода к пониманию компетенции эксперта: первый, процессуальный, включающий круг его полно-

мочий, прав и обязанностей, и второй, профессиональный, содержащий комплекс специальных знаний в области науки, техники и ремесла. В наши задачи не входит анализ данного понятия, тем более что в предыдущих публикациях подробно изложена авторская позиция⁵.

Отметим, что в отношении конкретного эксперта как участника уголовного процесса особое значение имеет его компетентность, т.е. характеристика конкретного человека, получившего квалификацию, которая определяется его профессиональным уровнем. Формирование профессиональных компетенций начинается еще с процесса обучения. Как справедливо замечает Е. Р. Россинская, и мы с ней согласны, «комплексное, интегрированное образование позволяет сформировать необходимые компетенции, в ином случае профессиональные компетенции формируются только за счет нескольких лет экспертной практики, причем допускаются многочисленные ошибки»⁶.

Таким образом, компетентность как профессиональная характеристика эксперта основана не только на его профессиональных качествах, но и на профессиональном опыте, что не может не отразиться на объективности и качестве экспертного заключения.

Анализ судебно-экспертной практики подтверждает наше убеждение в том, что в государственных судебно-экспертных учреждениях нашей страны уровень компетентности судебного эксперта напрямую связан с опытом его работы в должности эксперта по конкретной экспертной специализации. Заметим, что в государственных судебно-экспертных учреждениях судебные эксперты обязаны пройти аттестацию и получить свидетельство на право производства экспертиз. Соответственно, степень сформированности профессиональных компетенций у малоопытного или не имеющего опыта работы

---

³ Кондрашов С. А. Заключение эксперта по результатам анализа ДНК и его доказательственное значение // Гражданин и право. 2001. № 7. С. 27–31.

⁴ URL: <https://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения: 23.05.2020).

⁵ Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 147–148.

⁶ Россинская Е. Р. Компетентностный подход как основа судебно-экспертной дидактики // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 77.

эксперта и эксперта со стажем, очевидно, будет различной. В этой связи нельзя не согласиться с нормой вышеупомянутого Устава уголовного судопроизводства о том, что в случаях, требующих «точности уразумения встречающегося в деле обстоятельства», должны быть приглашены сведущие лица с достаточным опытом работы.

По нашему мнению, наибольших успехов в оказании помощи судам и следствию в разрешении вопросов, требующих специальных знаний, способны оказать те экспертные учреждения, в которых произведено четкое разделение экспертов по сегментам специализации. Очевидно, наиболее высокого уровня компетенции достигают только «узкопрофильные» эксперты, непрерывно и продолжительно работающие не более чем в двух смежных областях экспертных исследований.

В реальности же «ведомственные» эксперты, дислоцированные в территориальных органах МВД России, вынуждены функционировать в совершенно иных условиях. Такое положение дел обусловлено разными причинами, среди которых ограниченность штатной численности, высокая нагрузка по производству различных видов судебных экспертиз⁷, сжатые сроки их производства, работа с экспертно-криминалистическими учетами, участие в качестве специалистов при производстве осмотров мест происшествий, составление отчетной документации и т.д. Учитывая, что работа судебного эксперта требует кропотливого и сосредоточенного труда, от него требуются дополнительные личностные усилия, направленные на преодоление негативного влияния описываемых условий, что, в свою очередь, может привести к экспертным ошибкам и отразиться на качестве заключений эксперта.

На наш взгляд, с целью предупреждения экспертных ошибок и обеспечения достоверности и бесспорности экспертного заключения эксперт может воспользоваться предоставленным ему правом ходатайствовать о привлечении к произ-

водству судебной экспертизы других экспертов (ст. 57 УПК РФ). Можно предположить, что здесь речь идет не только о случаях возникновения необходимости привлечения экспертов других экспертных специальностей, но также о случаях, когда свойства представленных исследуемых объектов, в силу своей уникальности, выходят за пределы специальных знаний эксперта о них, хотя последние и являются объектами данного вида экспертизы. В противном случае эксперту следует отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний. Другими словами, эксперт должен составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

Анализ судебно-экспертной практики выявил, что реализация экспертом права ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов встречается довольно редко и сопряжена с трудностями. Объясняется это прежде всего тем, что выпускник профильного образовательного учреждения системы МВД России либо сотрудник, прошедший обучение в рамках дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности и не имеющий экспертной практики по конкретной экспертной специализации, по мнению руководителя экспертного учреждения, считается обладающим достаточным уровнем профессиональных компетенций для решения вопросов, требующих применения специальных знаний в конкретной области знаний.

В то же время практика назначения повторных экспертиз зачастую подтверждает обратное. В результате не единичны случаи, когда сформулированный неопытным экспертом вероятный вывод в его первом в практике заключении опровергается выводами повторной экспертизы, порученной другому эксперту, «продолжительными занятиями по конкрет-

⁷ Один эксперт-криминалист системы МВД России, дислоцированный в территориальных органах на районном уровне, может иметь право самостоятельного производства до семи традиционных видов экспертиз с областями знаний, далеко не родственными друг другу, как, например, дактилоскопия и почерковедение.

ной экспертной специальности приобретаемому особенную опытность», результаты которой заканчиваются формированием категорических суждений о фактах. Еще печальнее, когда выводы повторных экспертиз в конечном итоге подтверждаются совокупностью других доказательств, собранных по уголовному делу.

Совершенно очевидно, что в данной ситуации речь идет о так называемом человеческом факторе, поскольку эксперт, как и все люди, не застрахован от ошибок в экспертной практике. Здесь уместно вспомнить слова известного российского присяжного поверенного П. С. Пороховщикова (П. Сергеича): «Серьезное заключение ученого имеет, конечно, право на уважение сторон; но так как людям свойственно ошибаться, то всякий вправе сомневаться в выводах самых знающих специалистов...»⁸.

В специальной литературе, посвященной проблемам использования специальных знаний, ранее высказывались предложения отдельных авторов о привлечении специалистов для оказания помощи экспертам при производстве судебной экспертизы⁹. Хотя данные идеи относятся к периоду действия УПК РСФСР, в наши дни аналогичное мнение получило распространение. Так, отмечается, что у эксперта при ответе на поставленный перед ним вопрос может возникнуть потребность в консультации специалиста, хотя такая ситуация не предусмотрена законом¹⁰.

С таким выводом сложно согласиться, поясним почему. Само по себе привлечение специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию, не нарушает процессуальные нормы, если такая помощь требуется сторонам или суду, к которым эксперт, как известно, не относится. Допускаем также, что компетенция специалиста может быть шире компетенции эксперта и его помощь будет действительно полезна для общего дела. Но, на наш взгляд, в этом случае получается, что специалист подменяет собой эксперта, выполняя несвойствен-

ные ему функции. Другими словами, специалист переходит в статус судебного эксперта, в свою очередь, эксперт выходит за рамки экспертной инициативы.

Нам представляется, что в целях обеспечения полноты, всесторонности и объективности проводимых экспертных исследований, а также обоснованности и достоверности сделанных экспертом выводов могут быть использованы следующие рекомендации. Во-первых, эксперту, имеющему опыт работы по конкретной экспертной специальности менее одного года, может быть поручено единоличное производство судебных экспертиз, решающих простые диагностические задачи, например определение принадлежности вещества к наркотическим, установление модели огнестрельного оружия и т.п. Во-вторых, так называемый начинающий эксперт может привлекаться к производству судебной экспертизы по решению идентификационных задач только в составе комиссии экспертов, имеющих опыт работы по указанной экспертной специальности не менее трех лет. И в-третьих, если эксперт считает, что не обладает достаточными специальными знаниями для производства той или иной судебной экспертизы, ему следует воспользоваться своим правом на возвращение без исполнения постановления о ее назначении.

Ситуация с формированием экспертного вывода осложняется еще и тем, что в настоящее время отсутствует единое научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности различных министерств и ведомств нашей страны. Скажем прямо: такая разобщенность препятствует формированию достаточной доказательственной базы по уголовному делу. К примеру, отсутствие по ряду вопросов единого научно-методического обеспечения между экспертными учреждениями МВД России и Минюста России может привести к ошибочной оценке заключения эксперта лицами, назначившими экспертизу, а также судом, что

---

⁸ Сергеич П. Искусство речи на суде. Тула, 1999. С. 192.

⁹ Мельникова Э. Б. Участие специалиста в следственных действиях. М., 1964. С. 4–24.

¹⁰ Полещук О. В., Саксин С. В., Яровенко В. В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М., 2007. С. 22–23.

впоследствии повлечет вынесение незаконного решения по уголовному делу. К сожалению, нельзя исключать злоупотребления следователем таким положением дел в своих корыстных интересах.

Так, широкое распространение в практической деятельности судебных экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений получил ряд методик, направленных на решение вопроса об установлении абсолютной давности исполнения реквизитов документов, не являющихся общепринятыми. Заметим, что в настоящее время это один из самых распространенных видов исследований, потребность в котором, по мнению практикующих экспертов, выросла в несколько раз за последнее десятилетие. Несмотря на большое количество предлагаемых методик по данному направлению исследований, их научность в некоторых случаях вызывает сомнение. К сожалению, на сегодняшний день не сформулированы теоретические основания криминалистической экспертизы установления относительной давности выполнения реквизитов документов, четко

не определен круг вопросов данной экспертизы, а научно-методические основания данной экспертизы представлены в виде отдельных методов решения ее задач¹¹. В экспертно-криминалистических подразделениях МВД России такие методики исследования судебными экспертами не применяются, поскольку современный уровень развития науки не позволяет ответить на вопрос об установлении абсолютного времени выполнения реквизитов документов.

На сегодняшний день, к сожалению, государством не приняты в полном объеме меры по стандартизации и верификации методик экспертных исследований. Механизмы валидации, впервые закрепленные в проекте нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», до сих пор не выработаны и не реализованы.

Мы полагаем, что для решения обозначенных и многочисленных других проблем судебно-экспертной деятельности требуется унифицированный подход к подготовке судебных экспертов разных специализаций, а также к методическому обеспечению данной сферы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кондрашов С. А. Заключение эксперта по результатам анализа ДНК и его доказательственное значение // Гражданин и право. — 2001. — № 7. — С. 27–31.
2. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — Владимир, 2011. — 470 с.
3. Мельникова Э. Б. Участие специалиста в следственных действиях. — М. : Юрид. лит., 1964. — 87 с.
4. Полещук О. В., Саксин С. В., Яровенко В. В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 232 с.
5. Россинская Е. Р. Компетентностный подход как основа судебно-экспертной дидактики // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 5. — С. 76–81.
6. Сергеич П. Искусство речи на суде. — Тула : Автограф, 1999. — 320 с.
7. Торопова М. В. Криминалистическая экспертиза установления относительной давности выполнения реквизитов документов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 29 с.

Материал поступил в редакцию 31 мая 2020 г.

¹¹ Торопова М. В. Криминалистическая экспертиза установления относительной давности выполнения реквизитов документов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 3.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kondrashov S. A. Zaklyuchenie eksperta po rezul'tatam analiza DNK i ego dokazatel'stvennoe znachenie // Grazhdanin i pravo. — 2001. — № 7. — S. 27–31.
2. Lazareva L. V. Konceptual'nye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Vladimir, 2011. — 470 s.
3. Mel'nikova E. B. Uchastie specialista v sledstvennyh dejstviyah. — M. : Yurid. lit., 1964. — 87 s.
4. Poleshchuk O. V., Saksin S. V., Yarovenko V. V. Teoriya i praktika primeneniya special'nyh znaniy v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve. — M. : Yurlitinform, 2007. — 232 s.
5. Rossinskaya E. R. Kompetentnostnyj podhod kak osnova sudebno-ekspertnoj didaktiki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2016. — № 5. — S. 76–81.
6. Sergeich P. Iskusstvo rechi na sude. — Tula : Avtograf, 1999. — 320 s.
7. Toropova M. V. Kriminalisticheskaya ekspertiza ustanovleniya otnositel'noj davnosti vypolneniya rekvizitov dokumentov : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 29 s.

О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках

Аннотация. В статье представлен оригинальный анализ состояния современной секс-индустрии как крупнейшего теневого сегмента российской экономики. Актуальность исследования состоит в выявлении и описании новых криминальных маркетинговых схем поддержания спроса на сексуальные услуги, способствующих среди прочего увеличению показателей сексуальной эксплуатации и тяжких преступлений против личности. Предметом исследования является секс-индустрия как социальный феномен, а его целью — описание новых тенденций ее функционирования. Базируясь на зарубежных и российских криминологических источниках, автор разработал понятие секс-индустрии, выделил ее структуру, классифицировал формы сексуальной деятельности и субъектов. Новизна исследования определяется тем, что впервые дана криминологическая характеристика новых направлений развития секс-индустрии как экономически значимого сегмента теневого рынка. В этой связи прогнозируются криминологические риски девиантного сексуального поведения, развитие которых может привести к всплеску латентного криминального насилия, мошеннических действий и др. На основании прогностических оценок в целях минимизации последствий массового использования интернет-платформ, содействующих виртуальным сделкам по продаже девственности, сексуальных услуг и детской порнографии, их создатели и администраторы должны привлекаться к административной ответственности. В практическом плане к результатам исследования можно отнести предложения об уголовно-правовых критериях разграничения этих составов преступлений и аргументацию квалификационных решений.

Ключевые слова: секс-индустрия; сексуальная эксплуатация; организованная преступность; торговля девственностью; посредничество; сексуальные услуги; квалификация; Интернет; несовершеннолетний; криминологические риски; организованная преступность.

Для цитирования: Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 160–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173.

New Trends in the Modern Sex Industry and Its Criminological Risks

Inna S. Alikhadzhieva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Bolshoy Karetnyy per., d. 10a, Moscow, Russia, 117149
Alins1@yandex.ru

Abstract. The paper presents an original analysis of the state of the modern sex industry as the largest shadow segment of the Russian economy. The relevance of the study consists in identifying and describing new criminal

© Алихаджиева И. С., 2021

* *Алихаджиева Инна Саламовна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Большой Каретный пер., д. 10а, г. Москва, Россия, 117149
Alins1@yandex.ru

marketing schemes to maintain the demand for sexual services, which, among other things, contribute to an increase in the rates of sexual exploitation and serious crimes against the individual. The subject of this research is the sex industry as a social phenomenon; its purpose is to describe new trends in its functioning. Based on foreign and Russian criminological sources, the author developed the sex industry concept, identified its structure, and classified the forms of sexual activity and subjects. The novelty of the study is determined by the fact that for the first time the author gives a criminological characteristic of new directions in the development of the sex industry as an economically significant segment of the shadow market. In this regard, criminological risks of deviant sexual behavior are predicted, the development of which can lead to an outbreak of latent criminal violence, fraudulent activities, etc. Based on predictive estimates, in order to reduce the consequences of the massive use of Internet platforms that facilitate virtual transactions for the sale of virginity, sexual services and child pornography, their creators and administrators should be brought to administrative responsibility. In practical terms, the results of the study include proposals on criminal law criteria for distinguishing between these offenses and the argumentation of qualification decisions.

Keywords: sex industry; sexual exploitation; organized crime; virginity trade; mediation; sexual services; qualification; Internet; minor; criminological risks; organized crime.

Cite as: Alikhadzhieva IS. O novykh tendentsiyakh sovremennoy seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskakh [New Trends in the Modern Sex Industry and Its Criminological Risks]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):160-173. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.160-173. (In Russ., abstract in Eng.).

Большинство исследований, посвященных сексуальной эксплуатации, признают секс-индустрию теневым сектором современной экономики, призванной обслужить «самые взыскательные запросы покупателя, в том числе в сфере удовлетворения половых потребностей»¹. При этом в научном дискурсе из множества публикаций, посвященных теме сексуальной эксплуатации, точного и структурированного определения понятия секс-индустрии как необходимого элемента научной теории не дается. Несмотря на широкий выбор его интерпретаций и контекстную распространенность, отсутствует общий подход, позволяющий объяснить этот феномен социального бытия. Одну из возможных дефиниций предлагает и обосновывает С. В. Шлык. По его мнению, локальная (национальная) секс-индустрия представляет собой «сложную социальную систему, включающую в себя как легитимные, так и противозаконные коммерческие действия, связанные с оборотом, предложением и потреблением

сексуальных товаров и услуг, осуществляемые в пределах границ определенных стран или регионов»².

Другая группа криминологов, считая секс-индустрию нелегальной коммерцией, сопряженной с торговлей людьми для сексуальной эксплуатации, признает ее совокупностью законных или нелегальных видов индивидуальной коммерческой деятельности в целях получения прибыли от сексуальной эксплуатации, торговли людьми для проституции и (или) порнографии. К таким видам исследователи относят, например, содержание публичных домов, массажных салонов, стриптиз-клубов, брачных и рекрутинговых агентств, организующих секс-туры, а также создание порнографических интернет-сайтов³. Как пишет В. И. Коваленко, «эксплуатация проституции и нелегальное порнопроизводство (в том числе с участием несовершеннолетних) в последние годы — наиболее распространенные преступления, в некоторой степени определяющие картину современной секс-индустрии»⁴.

¹ Бороноев П. Г. Отношение современной студенческой молодежи к проблеме проституции: культурные и экономические факторы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 70.

² Шлык С. В. Криминологические, индустриальные и системные аспекты современной секс-индустрии // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 2. С. 72.

³ Hughes D. Globalizing Sexual Exploitation of Women and Children. Island, 1999. P. 43.

⁴ Коваленко В. И. Криминальная эксплуатация человека и ее предупреждение. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. С. 30.

В зарубежной криминологии при легальной проституции секс-индустрия понимается как сфера производства, основанного на обороте сексуальных услуг и товаров, вид трудовой деятельности коммерческих секс-работников как производственных рабочих, а сутенеров и владельцев публичных домов — как менеджеров⁵.

Индустрия (нем. *industrie*, фр. *industrie*, лат. *industria* деятельность), согласно словарю В. И. Даля, есть трудолюбие, искусство в промыслах; промышленность, работа ручная ремесленная, фабричная. Глобальная секс-индустрия как индустрия сексуальных развлечений — один из наиболее масштабных и динамичных секторов мировой преступной экономики. Объем и структура секс-индустрии в каждой стране зависят, на наш взгляд, от ряда факторов — политики государства в отношении конкретных форм секс-развлечений (проституция, порнография), исторически сложившихся традиций и норм в сфере сексуальной жизни, потребности населения в организации своего секс-досуга, уровня экономического благосостояния граждан и др.

Секс-индустрия — это широкое понятие, включающее в себя все многообразие форм удовлетворения сексуальных потребностей. В широком смысле продукт секс-индустрии — это основные и сопутствующие товары и услуги для удовлетворения сексуальных потребностей, а в узком — это сексуальное удовольствие, которое потребитель получает посредством обмена услуг сексуального характера на деньги или иной, заранее оговоренный эквивалент. Секс-индустрия включает в себя следующие формы сексуальной деятельности: 1) проституцию; 2) порнографию (порнографическая продукция); 3) иные (стриптиз, эротические танцы, гей-шоу, лесби-шоу, «секс по телефону», в видеочате, эротический массаж, киберсекс). Иными словами, современная секс-индустрия как крупнейший сегмент российского быта и экономики — это полулегальная сфера, включающая в себя коммерческую деятельность по производству и реализации товаров и услуг сексуального характера для удовлетворения сексуальной потребности с целью получения прибыли.

Субъектами секс-индустрии являются, как правило, нелегальные организации («фирмы»), основная деятельность которых состоит в посредничестве обороту услуг сексуального характера. На рынке секс-досуга значительно число крупных элементов (стрип-клубы, стрип-бары, массажные салоны, притоны). В этом сегменте представлены элитные заведения с широким ассортиментом услуг (проституция, стриптиз, эротический массаж и др.) на любой вкус, возраст и социальное положение, а также низкопробные, предлагающие в основном единственную услугу (платный секс) или с ориентацией на определенную аудиторию (мигранты, командировочные, студенты и др.). Организация секс-индустрии как обособленного звена секс-развлечений характеризуется специфической системой управления с привлечением значительных финансовых и человеческих ресурсов. Для продуктивного функционирования секс-индустрии как криминальной отрасли экономики создаются и действуют транснациональные и региональные преступные группировки, контролирующие поставку рекрутированных жертв для оказания секс-услуг.

Вторая группа субъектов секс-индустрии — индивидуальные, то есть конкретные люди, самостоятельно оказывающие секс-услуги или создающие продукцию или товары сексуального характера (эротические или порнографические изделия, фильмы, фотографии, игрушки и др.). Иными словами, названные виды субъектов составляют внутренне упорядоченную систему, посредством которой обеспечивается неформальное функционирование всей индустрии в целом.

Давая характеристику субъектам секс-индустрии, следует обратиться к статистическим данным. По оценке международной организации Walk Free Foundation, в нашей стране 794 тыс. рабов, в том числе эксплуатируемых в сфере секса. Точное же число работников коммерческого секса и принудительно удерживаемых в секс-досуге неизвестно. По свидетельству председателя Конституционного Суда России Валерия Зорькина, «в России 4 млн бомжей, 3 млн

⁵ *Ditmore M. Network of Sex Projects, Addressing Sex Work as Labor. Geneva, 1999. P. 33.*

нищих, 5 млн беспризорных детей, 4,5 млн проституток. Иными словами, 16,5 млн человек, а значит, 11,3 % населения страны — это социальное дно»⁶.

МВД России оценивает общее количество проституток в 1 млн чел.⁷, а по подсчетам экспертов их более 3 млн⁸. Между тем административная практика за занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ) и получение дохода от него другим лицом (ст. 6.12 КоАП РФ) демонстрирует несоответствие показателей состоящих на учете МВД проституток числу привлеченных к административной ответственности за продажу секс-услуг. Так, в 2018 г. рассмотрено 7 359 дел о занятии проституцией (по числу лиц); 221 человек был привлечен к административной ответственности за получение дохода от занятия проституцией другим лицом⁹. Очевидно, что разрыв между официальной статистикой в отношении лиц, занимающихся проституцией, и фактическими масштабами секс-индустрии в части проституции велик. В криминологическом смысле такие явления, как проституция (которые в российском законодательстве отнесены к административным правонарушениям), служат фоном, закономерной предпосылкой сексуальной эксплуатации, поскольку в современных условиях «грань между административно наказуемой проституцией и преступлениями, связанными с сексуальной эксплуатацией, в значительном большинстве случаев условна... и практически исключает занятие этим ремеслом в индивидуальном порядке».

Развитие секс-индустрии как полуправовой и теневой отрасли экономики характеризуется в современный период *новыми признаками*:

Модернизация деятельности организованной преступности в сфере сексуального досуга. В России оценка качественно-количественных параметров организованной преступности

в сфере секс-индустрии не представляется объективной ввиду высокого уровня ее латентной части. Вопреки официальным данным, которые на протяжении последних пяти лет демонстрируют стабильный спад показателей организации занятия проституцией, фактические значения динамики и уровня организованной сексуальной эксплуатации в разы выше зафиксированных уголовной статистикой. Недоказуемо прежде всего само вовлечение в занятие проституцией под контролем организованных групп, если насилие не применялось или жертва отказалась заниматься секс-работой.

Криминальные объединения отличаются высокой степенью конспиративности и замаскированности организации продажи секса под легальную деятельность, что влечет низкую раскрываемость преступлений, связанных с проституцией. В последние годы увеличился тренд на создание компаний, предоставляющих незапрещенные услуги, в дополнение к которым VIP-клиентам предлагается секс-обслуживание. К примеру, кадровые агентства, учрежденные членами организованных групп, ориентированы на подбор персонала — секретарей, домработниц или горничных, работа которых включает услуги эскорта. Владельцам бизнеса или руководителям высшего звена навязывается идея престижности и удобства сервиса, который якобы подчеркивает их высокий статус.

Использование в секс-досуге новейших технологий. В России прослеживается активное внедрение в национальную секс-индустрию новых продуктов из глобальной системы организации секс-досуга. Одной из форм интеграции стало развитие легальных борделей с секс-роботами по примеру зарубежных стран. В мире первый дом свиданий с куклами был открыт в Японии в 2013 г., и затем такой вид досуга получил огромную популярность в других странах

⁶ Сигарета, пиво и ТВ // URL: <https://rg.ru/2007/10/15/a182445.html> (дата обращения: 05.05.2020).

⁷ МВД: проституцией в РФ занимаются более одного миллиона человек // URL: <http://www.vesti.rudoc.html?id=1015185&cid=7> (дата обращения: 07.05.2020).

⁸ Аналитики подсчитали число проституток в России // URL: <https://newsland.com/user/4297740007/content/analitiki-podschitali-chislo-prostitutok-v-rossii/6101108> (дата обращения: 07.05.2020).

⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 г. // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 09.05.2020).

Азии. Первой же европейской страной с заведением, где используются куклы, в 2017 г. стала Испания. В двух столицах России уже открылись «досуговые центры» (в частности, высотка центра «Москва-сити») как отели с почасовой оплатой с сертифицированными реалистичными силиконовыми куклами. Роботы состоят из точно повторяющего человеческое строение тела искусственного мультиплексного металлического каркаса, позволяющего менять их позу. Секс-куклы с механическими движениями наделены искусственным интеллектом, функцией регулировки температуры. Организаторы постарались удовлетворить притязания клиентов — в центрах куклы европейского типажа, азиатки и эльфийки, пользующиеся спросом ввиду популярности жанра фэнтези. В планах организаторов проекта на пять лет учреждение более 10 центров в России и странах СНГ и 50 представительств по всему миру в городах-миллионниках и курортных зонах.

Запрос в поисковой системе «Яндекс» показал, что вслед за открытием борделей с роботами стал развиваться и бизнес по их аренде. Так, на сайте dollforall стоимость аренды куклы за сутки составляет 3 990 руб. Допускается приобретение подарочного сертификата с услугой его доставки по указанному адресу. Сертификаты не подлежат обмену и возврату и действуют три месяца. К каждой кукле с именем (Памелла, Лолита, Бритни) дается описание, включающее высоту, вес, размер груди и талии. По утверждению создателей сайта, реалистичные силиконовые куклы способствуют разнообразию семейной жизни, укреплению семьи, преодолению комплексов и новым впечатлениям. В связи с прогнозом дальнейшего развития этого вида легального предпринимательства возникает ряд вопросов, касающихся налогообложения, норм морали, защиты прав потребителей и роботов (искусственный интеллект), уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (к примеру, за заражение инфекцией, передающейся половым путем, при непроведении

дезинфекции куклы, особенно в период пандемий) и др.

Цифровизация секс-индустрии. В эпоху бума Интернета параллельный реальности виртуальный мир все более активно используется для удовлетворения личных сексуальных потребностей посредством различных форм киберсекса (секстинг, то есть обмен текстовыми сообщениями, фото или видео эротического содержания; секс по голосовой связи или телефону; эротический видеочат с выполнением сексуальных пожеланий партнеров перед веб-камерой). По прогнозам сексологов, популярность виртуального секса с помощью современных средств коммуникации будет только нарастать. Эксперты даже подобрали специальную терминологию, называя использование цифровых ресурсов для эротического удовольствия или сексуальной разрядки цифросексуализмом¹⁰.

Цифровую среду активно осваивает и секс-индустрия. Одной из «модных» услуг стал *веб-каминг, или секс-позирование за плату*. На просторах Интернета размещаются многотысячные объявления с телефонными номерами о вакансиях веб-модели или модели видео-чата, смысл которых непонятен для непосвященных. В этом сегменте секс-индустрии оказываются специфические услуги посредством цифровых средств коммуникации. Модели, а это могут быть и мужчины, и женщины, привлекают клиентов красивыми фото или живыми трансляциями в социальных сетях с последующим приглашением в закрытый чат. После договоренности об оплате и о времени пикантного видео вживую по веб-камере по просьбе мембера (участника, клиента) модели принимают различные сексуальные позы и выполняют любые просьбы, и в том числе сексуального характера. Это могут быть запросы на переодевание в костюмы стюардесс или горничных, выполнение обычной работы домохозяйки (мытьё полов или готовка). Некоторые исследователи такое поведение моделей приравнивают к виртуальной проституции, что неверно, ибо имитация сексуальных действий онлайн-натурщицами для удовлетво-

¹⁰ Neil McArthur & Markie L. C. Twist The rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32. Iss. 3–4 : Special Issue on Sex and Technology. P. 335.

рения потребностей клиента в чистом виде проституцией не считается. Выставление обнаженного тела напоказ по согласию обеих сторон без физического полового акта есть суррогат стриптиза, сайта знакомств и секса по видеосвязи. Отметим, что в научных изданиях сообщается о разработке новых технологий (VR-программы виртуальной реальности), которые позволят дистанционно почувствовать прикосновения, тактильные ощущения. Возможно, тогда виртуальный сексуальный контакт будет приравнен к обычной проституции, однако сейчас эти действия не подпадают под запрет закона и им не преследуются.

Другое дело — деятельность дельцов, создавших крупные компании («агентства», «офисы») и поставивших на поток продажу голого тела с демонстрацией секс-действий. Этот вид бизнеса, по прогнозам экспертов, получит свое развитие в будущем более высокими темпами, поскольку он не связан с прямыми рисками, кроме репутационных. Например, по данным интернет-хостинга для вебкам-моделей LiveJasmin, ежедневное число пользователей превышает 40 млн человек. Подсчет же «рунеток», работающих в индустрии киберсекса самостоятельно или в студии, невозможен даже приблизительно, поскольку участникам порнопроекта для выхода в эфир достаточно пройти регистрацию. Многие из попавших в вебкам-сферу откликнулись по объявлению о вакансиях оператора в кол-центре, моделей на специализированных сайтах или обычных ресурсах типа HeadHunter или «Яндекс. Работа», через рассылку в соцсетях или по совету друзей или даже партнера. Подавляющее число потребителей киберсекса — мужчины, оплачивающие контент — публичное выставление женщиной своего тела или выполнение их сексуальных фантазий.

Владелец арендует или приобретает в обычном многоквартирном доме помещение, оборудуя отдельные комнаты дорогим убранством для эффекта домашней обстановки и множеством профессиональных видеокамер. У каждой кибермодели есть персональный менеджер, стилисты и гримеры, психологи, преподаватели иностранных языков и даже хореографы, ведь клиент «подсаживается» на тех, кто владеет ис-

кусством поддержать разговор или сексуально двигается. А потому модели уже в приватном чате ведут, что называется «из кровати», «грязные» разговоры, исполняют эротические танцы перед камерой и др. Заработав за несколько лет приличные деньги, экс-модели сами открывают такие же «агентства» с начинающими такую же карьеру в онлайн.

Маркетинг офлайн-проституции в Интернете. Если порноиндустрия стремительно теряет потребительский рынок из-за бесплатных видеосервисов на просторах Глобальной сети, то организованный коммерческий секс адаптирует технологии виртуальной реальности для конспирации поиска клиентов для продажи секс-услуг. Следует оговориться, что бесконтактные сексуальные действия в режиме онлайн и организация занятия проституцией посредством сети Интернет для оказания сексуальной услуги в офлайн-формате — не одно и то же. На приватных специализированных сайтах проститутками и сутенерами размещается реклама досуговой деятельности, что не требует финансовых вложений в притоны, уплаты мзды полицейским и минимизирует риски разоблачения противоправной (ст. 6.11 «Занятие проституцией» КоАП РФ) и преступной деятельности (ст. 241 «Организация занятия проституцией» УК РФ). Статистика опросов клиентов, хотя бы однажды плативших за секс, показывает, что 40 % из них воспользовались услугой путаны по заказу из Интернета и только 20 % подыскали таковую в местах общеизвестного скопления жриц любви. Интернет-ресурсы используются и в качестве инструмента для вовлечения в занятие проституцией или установления контроля над «самозанятыми» в сфере секс-услуг для вымогательства их дохода или иных преступлений. Анонимная зона электронной коммерции способствует росту объемов продаж сексуальных услуг, в том числе лиц, эксплуатируемых принудительно. Совершенно очевидно, что создание и администрирование таких сайтов-маркетов как анонимных платформ для торговли коммерческими секс-услугами должно подлежать как минимум административной ответственности.

Расширение перечня новых видов услуг. Среди новых тенденций развития секс-индустрии

в России можно выделить обновление («апгрейд») ассортимента развлечений, в том числе удовлетворяющих запрос на сексуальные извращения, особенно в столицах и многомиллионных областных и краевых центрах, что требует привлечения дешевых или неоплачиваемых вообще трудовых ресурсов. Из-за ориентации представителей данной сферы на получение прибыли любой ценой наблюдается значительный рост криминального поиска и рекрутирования в секс-досуг детей, подростков, в том числе для гомосексуальной проституции, порносъёмки. Налицо сочетание преступлений, связанных с проституцией, с похищениями людей, убийствами, изнасилованиями, физическим и психическим насилием, незаконным оборотом оружия и наркотиков, разбоями и кражами.

Одной из форм посредничества сексу за деньги стала *продажа девственности* состоятельным мужчинам, в основном чиновникам, политикам и предпринимателям, развращённым и пресыщённым в сексе, желающим получить новые гедонистические ощущения. Девственность для них — некая экзотика, за которую они готовы и могут заплатить. Покупают невинность и иностранцы из ОАЭ, Китая и Европы, а посредники — это, как правило, эскорт-агентства — организуют перелет девушек за границу. К примеру, в 2016 г. российские средства массовой информации сообщили об исчезновении 17-летней студентки и вице-мисс г. Москвы Анны Ф. Как показало журналистское расследование, Ф. улетела в столицу Арабских Эмиратов для продажи своей девственности за 800 тыс. руб.

«Бизнес» ведётся через закрытые онлайн-площадки в Сети. Создатели сайтов гарантируют малолетним и совершеннолетним невинным девицам конфиденциальность и безопасность при встрече с клиентом, «богатым парнем» за большие деньги. Подтверждение тому — истории бывших девиц, личная жизнь и благосостояние которых изменились чудесным образом. Офисы агентств, организующих про-

дажу секса с девственницей, располагаются в крупных городах России. В режиме онлайн на сайте можно оставить заявку клиенту и девушке с помощью обратной связи. Цены за такую услугу варьируются от 50 тыс. руб. до 2 млн руб. Максимальной является оплата моделей и девушек популярных инстаграм-аккаунтов. Заказчики платят за посредничество от 20 до 50 % от суммы, которую получает за девственность девушка. Доход каждого менеджера по продаже невинности составляет около 300 тыс. руб. в месяц.

Обычно оказание услуги организуют помощники богатых клиентов, однако потенциальные покупатели могут размещать объявления о покупке девственности и самостоятельно, без посредников, в тематических сообществах или на досках интим-объявлений, в том числе с фейковых аккаунтов. Девушки, как правило, указывают адрес электронной почты или ссылку на страницу в соцсетях с вымышленным именем. Есть и другой вариант посредничества — «скауты», которые осуществляют поиск девиц во «ВКонтакте», на женских сайтах, на улице или через друзей.

Уголовные дела по факту посредничества в продаже девственности возбуждаются по двум статьям УК России — торговля людьми (ст. 127.1) или организация занятия проституцией (ст. 241). Например, в 2019 г. в Москве при получении денежных средств в размере 500 тыс. руб. задержали 32-летнего уроженца Узбекистана У. за посредничество в продаже девственности 16-летней школьницы из Чувашии. Знакомство обвиняемого и школьницы состоялось в соцсетях, где в длительной переписке мужчина узнал о ее девственности и желании ее продать. У. подыскал покупателя и намеревался присвоить из обещанной клиентом суммы 150 тыс. руб.¹¹

В 2018 г. 35-летняя жительница Челябинской области с подругой привезла в Москву свою 13-летнюю дочь для продажи девственности ребенка. Подыскав клиента через даркнет, фигу-

¹¹ Рогоза А. «Мне 16 лет. Продам девственность. Дорого»: в Москве стали чаще задерживать девушек, зарабатывающих на своей «первой ночи» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27004.4/4065478/> (дата обращения: 30.05.2020).

рантка договорилась о стоимости полового акта в 1,5 млн руб.¹²

В 2018 г. в аэропорту «Домодедово» при передаче денег задержали двух посредниц в продаже девственности их подруги. Одна из задержанных — 21-летняя дочь сотрудников полиции С., финалистка конкурса красоты «Миссис Россия», мастер спорта по художественной гимнастике, а другая — 19-летняя фотомодель П., студентка МАИ. Потерпевшей была заявлена 18-летняя жительница подмосковного Серпухова, окончившая школу с отличием, из приличной семьи, которая в разговоре с фигурантками упомянула о желании продать девственность за деньги. С., предположительно ранее занимавшаяся эскортом, состояла в закрытых чатах, где представители клиентов подыскивают девушек для платных секс-услуг. Она договорилась с потенциальным клиентом о стоимости услуги в 1,5 млн руб., из которых 500 тыс. руб. делились между посредницами¹³. Каждый из трех случаев посредничества оказанию платному половому акту был признан приговором суда торговлей людьми.

И другие примеры квалификации. Савеловским районным судом г. Москвы в 2008 г. был осужден участник криминальной группировки В., который похищал у сутенеров элитных проституток. Обращаясь в VIP-бордель как клиент, В. оставлял заказ на проститутку, которую затем отвозил в подконтрольный ОПГ притон. Врачи медицинского центра за плату каждой работавшей в борделе проститутке регулярно возвращали утраченную невинность. После такой операции цена на услуги проституток-девственниц взлетала до 80–100 тыс. руб. за ночь. Суд

признал В. виновным в похищении человека и организации занятия проституцией¹⁴. Лидер этой группировки Б. и другие ее члены были осуждены тем же судом в 2013 г. в том числе и за продажу похищенных несовершеннолетних девственниц в возрасте от 12 до 17 лет состоятельным клиентам (за организацию занятия проституцией)¹⁵.

В 2016 г. была задержана группа сутенеров, торгующих девственностью несовершеннолетних, привезенных в Москву из Татарстана. Участники группы подыскивали клиентов в социальных сетях, размещая объявления об оказании «эскорт-услуг» стоимостью 500 тыс. руб. Всем соучастникам вменялась организация занятия проституцией несовершеннолетних¹⁶.

Признание случаев содействия продаже девственности торговлей людьми хотя бы и за плату является, на наш взгляд, квалификационной ошибкой. В каждом подобном примере в зависимости от обстоятельств речь может идти о половых преступлениях в отношении несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, или о получении сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), или о совокупности вовлечения в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ).

Разграничение торговли людьми и названных составов преступлений следует проводить прежде всего по объекту уголовно-правовой охраны. Как известно, торговля людьми посягает на свободу человека, в то время как другие обозначенные составы так или иначе затрагивают сферу половых (сексуальных) отношений. Фактической целью преступника является получение вознаграждения не от продажи человека

¹² Мать продала девственность 13-летней дочери богатому москвичу за 1,5 миллиона рублей // URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26783/3816795/> (дата обращения: 08.05.2020).

¹³ Студентка, спортсменка, красавица и просто сутенерша! Финалистка конкурса «Миссис Россия» вязалась в сомнительный бизнес // URL: <https://www.kp.ru/daily/26807/3843483/> (дата обращения: 08.05.2020).

¹⁴ В Москве осужден член банды сутенеров, похищавшей проституток для работы «девственницами» // URL: <https://www.newsru.com/crime/23dec2008/elitprostvirginmsk.html/> (дата обращения: 08.05.2020).

¹⁵ Бандиты похищали девочек и превращали их в секс-рабынь // URL: <https://www.kp.ru/daily/25772/2756435/> (дата обращения: 08.05.2020).

¹⁶ Секс с девственницами за полмиллиона рублей продавала банда сутенеров в Москве // URL: <http://bloknot.ru/chp/seks-s-devstvennitsami-za-polmilliona-rublej-prodavala-banda-sutenerov-v-moskve-462769.html/> (дата обращения: 08.05.2020).

в собственность, а от оказания им сексуальной услуги с особым «бонусом» — девственностью. Определяющим для уголовно-правовой оценки здесь является ответ на вопрос, *чему именно* способствует посредник. Стороны оговаривают не продажу *самого человека* как предмета договора, товар, а половой акт (или специфическую услугу), по вступлении в который его свобода не будет ограничена, не возникнет и право собственности над ним. Собственно торговлю людьми от сутенерства (организации купли-продажи коммерческих сексуальных услуг и (или) посредничества ей) отличает то, что потерпевший по этой договоренности переходит от продавца к покупателю раз и навсегда, принадлежит ему и лишается права распоряжения своей свободой.

В дополнение к имеющейся аргументации необходимо указать, что интерпретацию словесного выражения уголовно-правовой нормы следует осуществлять прежде всего с учетом ее законодательного смысла, системных связей норм и их генезиса. Истинной волей законодателя, побудившей его включить в 2003 г. состав торговли людьми в уголовный закон, являлась потребность пресечь многочисленные сделки именно *со свободой* человека. Системный подход (или метод) позволяет уяснить смысл ст. 127.1 УК РФ при сопоставлении с ее примечанием и ст. 127.2 «Использование рабского труда» УК РФ. В примечании 1 говорится о специальном основании освобождения от уголовной ответственности лица, которое добровольно освободило *потерпевшего*. Иными словами, «предметом» любой сделки является *сам человек*, а не его услуги или работы в контексте нормы о рабском труде. Парадоксально, что те же сотрудники правоохранительных органов, возбуждающие дела по ст. 127.1 УК РФ, действия «потерпевшей» по продаже своей девственности самостоятельно, при отсутствии посреднических действий, предлагают считать занятием проституцией в соответствии со ст. 6.11 КоАП РФ. Иначе говоря, создается искусственная ситуация, при которой в погоне за формальным выполнением «плана» на раскрытие торговли людьми — тяжкого и, как правило, резонансного преступления — нарушаются принципы вины и справедливости, расширяются границы судебного толкования.

Остается неясным, почему обвинение не учитывает и требующий обязательного доказывания умысел, который во всех этих случаях направлен на корыстное сводничество для полового акта. Доказательством умысла именно торговли человеком выступает осознание посредником будущей несвободы проданного им лица и желание таковой независимо от согласия продаваемого. К примеру, на оперативном видео, размещенном в сети Интернет, задержанная в аэропорту С. дает следующие пояснения: «Я приехала сюда, чтобы *свести* девочку, подругу, которая попросила меня найти человека, который *поможет ей продать девственность*». Аргументы в пользу того, что девственность — это физиологическое свойство, которое продается вместе с самим человеком, несостоятельны и опровергаются опять-таки предметом гражданско-правового договора, хотя бы и весьма специфическим (в данном случае девственность, а не сам человек вообще). Денежные средства здесь правоприменитель неверно толкует как плату за продаваемого. Между тем размер вознаграждения или оговаривается с «жертвой» (дело С.), или присваивается меньшая часть его (дело У.). И если виновный намеревался в любом случае передать жертве полученные от покупателя деньги, то торговлю людьми это исключает. Ведь сложно представить ситуацию, когда человеку, являющемуся не стороной сделки, а только ее предметом, выплачивается вознаграждение за проданную им свободу.

Деланая статистика по торговле людьми при таких обстоятельствах свидетельствует о произволе правоохранителей, что подтверждается примерами оперативно-розыскной работы. По свидетельству экспертов, несколько лет назад оперативные сотрудники ГУУР МВД России были уличены в том, что их штатный сотрудник массово «выявлял» факты торговли людьми. Как оказалось, он обращался к сутенерам с просьбой «найти ему девочку». В разговоре со сводником с записью на диктофон провокатор использовал фразу: «Вы же понимаете, что я могу делать с девушкой всё, что угодно?», которая становилась для следствия доказательством подавленной воли «продаваемой», не могущей воспрепятствовать сделке.

Формулируя алгоритм уголовно-правовой оценки применительно к посредничеству сделке по продаже девственности, следует учитывать оговариваемые условия по договору, возраст потерпевшей, желаемую цель и то, за *какие именно действия* виновный получил денежные средства. Для обеспечения единообразия правоприменительной практики на основе приведенных примеров сформулируем авторские предложения по квалификации, отмечая при этом, что здесь следует исходить не из тождественности (аналогичности) посягательства, а из личности потерпевшей. Так, содеянное матерью 13-летней девочки из Челябинской области и ее подружкой следует квалифицировать как организацию полового сношения с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста, группой лиц по предварительному сговору. Поскольку реализация преступного умысла была прервана на стадии покушения, а преступление не было доведено до конца по независящим от виновных обстоятельствам, то их действия квалифицируются по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 3 и 5 ст. 134 УК РФ.

Можно ли говорить о наличии здесь иной сделки в отношении человека в смысле ст. 779 «Договор возмездного оказания услуг» ГК РФ? По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Между тем буква закона для чистоты квалификации требует установления свободного волеизъявления лица на оказание сексуальной услуги. Добровольность услуги исключается ввиду невозможности 13-летней потерпевшей распоряжаться своей половой свободой. А потому речь идет не об оказании разовой услуги сексуального характера в смысле ст. 240.1 УК РФ, а о первом и единственном половом сношении с лицом, не достигшим 16 лет. К тому же санкция ч. 5 ст. 134 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, тогда как за торговлю несовершеннолетними по «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ оно составляет от 3 до 10 лет.

Квалификацию поведения посредника в продаже девственности 16-летней школьницы

из Чувашии следует осуществлять по ст. 240.1 УК РФ как организацию получения платной сексуальной услуги несовершеннолетней в возрасте от 16 лет со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. Содействие же совершеннолетней женщине в продаже ее девственности не содержит признаков состава торговли людьми, поскольку женщина самостоятельно распоряжается половой свободой и с ее согласия осуществляется подыскание покупателя девственности. Нет здесь и организации занятия проституцией по смыслу ст. 241 УК РФ, потому что продается единичный половой акт, хотя бы и коммерческий, который проституцией не является ввиду его несистематичности (два и более раза).

К прогнозируемым криминологическим рискам, порождаемым секс-индустрией, следует отнести:

1. *Значительное увеличение показателей «сексуализированных» преступлений.* В реалиях современного общества происходит стремительная модификация интернет-пространства в площадку для полулегальной и запрещенной деятельности. По данным МВД России, в 2020 г. количество преступлений, совершенных с использованием Глобальной сети, выросло на 83,9 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Инновационные телекоммуникационные технологии с многомиллионной аудиторией пользователей социальных сетей, приложений для обмена сообщениями, онлайн-форумов превратили Интернет в территорию для совершения преступлений в сфере секса. Среди них организация занятия проституцией, рекрутинг для оказания сексуальных услуг и исполнителей в порносъемки, торговля девственностью, размещение не купюрного, в том числе детского, порно с реальными кадрами сексуального насилия. В группе риска находятся люди с аномалиями психики, дети, подвергающиеся сексуальному развращению, склонению к занятию коммерческим сексом и порнографией, одинокие женщины, ушедшие в сетевое пространство для поиска партнера, становящиеся объектом внимания сутенеров и др.

2. *Неправомерный доступ к компьютерной информации и необеспечение безопасности*

персональной информации об участниках киберрынка секс-услуг. В социальных сетях, блогосфере, массмедиа и прочих сетевых ресурсах время от времени фиксируется утечка личных данных работников, подыскивающих клиентов для оказания секс-услуг, и вебкам-моделей, занимающихся секс-позированием в Сети. К таким инцидентам в информационной среде следует отнести и размещение видеосъемки моделей (стримов), произведенной клиентами вопреки запрету на скрытую запись. Многие «приваты» моделей после записи другими сотрудниками студий без согласия девушек выкладывались на порно-сайты, что влекло за собой репутационные потери и групповой буллинг в соцсетях. Многие профили были идентифицированы и помещены на спецресурсы с гневным обличением и оскорблениями распутниц из Интернета, себя запятнавших.

3. *Возрастание показателей латентности преступлений и индивидуальной виктимности участников онлайн-секс-досуга.* По свидетельству членов закрытого сообщества вебкаминга, многие виртуальные модели после работы в Интернете становятся наркоманками или уходят в офлайн-проституцию. Другой формой секс-трафика становятся съемки в порно. Первые исследования этого рынка из открытых источников подтверждают факты психологического насилия в отношении виртуальных жриц на «работе». Таковым следует считать постоянный контроль «работодателя» трансляции с другого видеоустройства в студии с указаниями быть раскрепощеннее, запрет перерывов и ношения маски для сохранения анонимности, наложение штрафных санкций. Администраторы и владельцы сервисов для привлечения новых клиентов сохраняют на сайте профили с видеозаписями бывших востребованных моделей либо используют их для шантажа девушек при попытке покинуть «бизнес».

Среди клиентов много тех, кто представляется IT-специалистами видеосервиса и пытается бесплатно воспользоваться услугой просмотра. Нередко попадаются извращенцы, требовавшие жестоко избить модель, принять снотворное или заняться сексом со спящей девушкой. Зачастую флирт, виртуальная любовь и секс

инициируются из-за физических или психологических комплексов, низкой самооценки, сексуальных расстройств и иных «пробелов» в обычной жизни. Как и любая другая аддикция, нездоровое влечение к киберсексу перерастает в эмоциональную зависимость, превращаясь в суррогат физических контактов. Многие клиенты шоу в прямом эфире после долгого общения в видеочатах с одной девушкой верят в личные отношения, предпринимают попытки встреч в реальности, осуществляют их маниакальное преследование с распространением клеветнических сведений, бесконечными звонками и сообщениями, оскорблениями. Среди зрителей частных сеансов встречались лица с психическими расстройствами, которые выслеживали и нападали на виртуальных «любовниц», угрожали им физической расправой.

Интернет привел и к глобальным изменениям нелегального рынка коммерческих сексуальных услуг. Работники коммерческого секса обрели возможность выйти из-под опеки сутенеров и контроля организованных преступных групп и вымогательства со стороны правоохранителей, требующих регулярных выплат от дохода. С другой стороны, онлайн-работа хотя и сокращает риски насилия, сопровождающие уличную проституцию, однако одновременно увеличивает виктимность секс-работников, оказывающих свои услуги без «менеджеров». Наем клиентом секс-работника напрямую через секретные чаты на специализированных закрытых сайтах, мессенджерах Telegram, WhatsApp и др. не обеспечивает его физическую безопасность, о чем свидетельствуют массовые посты путан о жестоких расправах. Администрацией сайта клиенты-садисты блокируются, помещаются в «черный список» по IP-адресу, однако случаи изнасилования, издевательства и пыток, неоплаты услуг, краж украшений, денег и мобильных телефонов у проституток остаются вне уголовной статистики. Это происходит потому, что правила секс-бизнеса запрещают прибегать к помощи правоохранителей для сохранения конфиденциальности сайтов и других интернет-платформ.

4. *Вымогательство денежных средств, совершаемое с угрозой опубликования мате-*

риалов сексуального характера («порноместь» или шантаж). В этом случае социальные сети, приложения для обмена сообщениями, онлайн-форумы выступают основными инструментами продвижения материалов откровенно сексуального характера без согласия изображенного лица. Как правило, фотографии и видеозаписи размещаются экс-партнерами, несостоявшимися любовниками или хакерами, получившими несанкционированный доступ к ним. Вымогателями или шантажистами могут быть бытовые «маньяки», преследующие своих жертв по мотиву мести для их компрометации после расставания (бывшие супруги или партнеры); фанаты кумиров (известных актеров, певцов и др.) и эротоманы, которые добиваются сексуальной связи с объектом домогательства.

5. *Мошенничество в «бизнесе» по продаже девственности.* Учитывая результаты мониторинга сайтов-посредников и тематических страниц в социальных сетях, в ближайшей перспективе следует прогнозировать, во-первых, рост нерегистрируемого мошенничества со стороны лиц, продающих свою девственность многократно («серийные девственницы»). Это предположение подтверждает активное обсуждение темы продажи «невинности» после операции по восстановлению девственности на специализированных форумах и чатах, стоимости такой услуги и рекомендаций клиник и фамилий профессиональных пластических хирургов и др. Во-вторых, поскольку продажа первого секса — явление в значительной степени латентное, продающие свою девственность девушки подвержены высокому виктимологическому риску. Следует ожидать интенсивного

увеличения объема среди них жертв, которые подвергаются скрытому криминальному насилию — незаконному лишению свободы, изнасилованию, вымогательству и др. Виктимологической детерминантой здесь является сокрытие факта выставления своей девственности на продажу, личности посредника и покупателя и условий сделки, к примеру выезда в другой город или за границу, от ближайшего круга общения.

Таким образом, спектр возможных криминологических рисков секс-индустрии разнообразен и актуализируется в различных видах преступного поведения. При их прогнозе следует учитывать потенциал развития исследуемой теневой сферы в будущем и прежде всего новые схемы оборота различных услуг сексуального характера, которые будут способствовать качественным изменениям преступности в этой сфере. Одним из основных факторов детерминации криминальных рисков является перемещение значительной части этого нелегального сектора во Всемирную сеть, обеспечивающую конфиденциальность сделок в формате онлайн с еще большей латентностью преступлений против лиц, участвующих в продаже сексуальных услуг. Правоохранительным органам и спецслужбам следует модернизировать стратегию противодействия функционированию виртуального рынка, где размещается противоправный контент (предложения секс-досуга, покупки и продажи девственности, эскорта и элитной проституции, детской порнографии и др.), и разработать эффективные меры управления криминальными рисками в секс-индустрии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аналитики подсчитали число проституток в России // URL: <https://newsland.com/user/4297740007/content/analitiki-podschitali-chislo-prostitutok-v-rossii/6101108> (дата обращения: 07.05.2020).
2. Бандиты похищали девочек и превращали их в секс-рабынь // URL: <https://www.kp.ru/daily/25772/2756435/> (дата обращения: 08.05.2020).
3. *Бороноев П. Г.* Отношение современной студенческой молодежи к проблеме проституции: культурные и экономические факторы // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 5. — С. 69–72.
4. В Москве осужден член банды сутенеров, похищавшей проституток для работы «девственницами» // URL: <https://www.newsru.com/crime/23dec2008/elitprostvirginmsk.html/> (дата обращения: 08.04.2020).

5. Коваленко В. И. Криминальная эксплуатация человека и ее предупреждение. — М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. — 134 с.
6. Мать продала девственность 13-летней дочери богатому москвичу за 1,5 миллиона рублей // URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26783/3816795/> (дата обращения: 08.05.2020).
7. МВД: проституцией в РФ занимаются более одного миллиона человек // URL: <http://www.vesti.rudoc.html?id=1015185&cid=7> (дата обращения: 07.05.2020).
8. Рогоза А. «Мне 16 лет. Продам девственность. Дорого»: в Москве стали чаще задерживать девушек, зарабатывающих на своей «первой ночи» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27004.4/4065478/> (дата обращения: 30.05.2020).
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 г. // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 09.05.2020).
10. Секс с девственницами за полмиллиона рублей продавала банда сутенеров в Москве // URL: <http://bloknot.ru/chp/seks-s-devstvennitsami-za-polmilliona-rublej-prodavala-banda-sutenerov-v-moskve-462769.html/> (дата обращения: 08.04.2020).
11. Сигарета, пиво и ТВ // URL: <https://rg.ru/2007/10/15/a182445.html> (дата обращения: 05.05.2020).
12. Студентка, спортсменка, красавица и просто сутенерша! Финалистка конкурса «Миссис Россия» ввязалась в сомнительный бизнес // URL: <https://www.kp.ru/daily/26807/3843483/> (дата обращения: 08.05.2020).
13. Шлык С. В. Криминологические, индустриальные и системные аспекты современной секс-индустрии // Вестник Российской правовой академии. — 2007. — № 2. — С. 70–72.
14. Dittmore M. Network of Sex Projects, Addressing Sex Work as Labor. — Geneva, 1999. — 154 p.
15. Hughes D. Globalizing Sexual Exploitation of Women and Children. — Island, 1999. — 102 p.
16. Neil McArthur & Markie L. C. Twist The rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. — 2017. — Vol. 32. — Iss. 3–4: Special Issue on Sex and Technology. — P. 334–344.

Материал поступил в редакцию 7 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Analitiki podschitali chislo prostitutok v Rossii // URL: <https://newsland.com/user/4297740007/content/analitiki-podschitali-chislo-prostitutok-v-rossii/6101108> (data obrashcheniya: 07.05.2020).
2. Bandity pohishchali devochek i prevrashchali ih v seks-rabyn' // URL: <https://www.kp.ru/daily/25772/2756435/> (data obrashcheniya: 08.05.2020).
3. Boronoev P. G. Otnoshenie sovremennoj studencheskoj molodezhi k probleme prostitucii: kul'turnye i ekonomicheskie faktory // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2013. — № 5. — S. 69–72.
4. V Moskve osuzhden chlen bandy sutenerov, pohishchavshej prostitutok dlya raboty «devstvennicami» // URL: <https://www.newsru.com/crime/23dec2008/elitprostvirginmsk.html/> (data obrashcheniya: 08.04.2020).
5. Kovalenko V. I. Kriminal'naya ekspluatatsiya cheloveka i ee preduprezhdenie. — M. : FGKU «VNII MVD Rossii», 2012. — 134 s.
6. Mat' prodala devstvennost' 13-letnej docheri bogatomu moskvichu za 1,5 milliona rublej // URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26783/3816795/> (data obrashcheniya: 08.05.2020).
7. MVD: prostituciej v RF zanimayutsya bolee odnogo milliona chelovek // URL: <http://www.vesti.rudoc.html?id=1015185&cid=7> (data obrashcheniya: 07.05.2020).
8. Rogoza A. «Mne 16 let. Prodam devstvennost'. Dorogo»: v Moskve stali chashche zaderzhivat' devushek, zarabatyvayushchih na svoej «pervoj nochi» // URL: <https://www.kp.ru/daily/27004.4/4065478/> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

9. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2018 g. // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (data obrashcheniya: 09.05.2020).
10. Seks s devstvennicami za polmilliona rublej prodavala banda sutenerov v Moskve // URL: <http://bloknot.ru/chp/seks-s-devstvennitsami-za-polmilliona-rublej-prodavala-banda-sutenerov-v-moskve-462769.html/> (data obrashcheniya: 08.04.2020).
11. Sigareta, pivo i TV // URL: <https://rg.ru/2007/10/15/a182445.html> (data obrashcheniya: 05.05.2020).
12. Studentka, sportsmenka, krasavica i prosto sutenersha! Finalistka konkursa «Missis Rossiya» vvyazalas' v somnitel'nyj biznes // URL: <https://www.kp.ru/daily/26807/3843483/> (data obrashcheniya: 08.05.2020).
13. Shlyk S. V. Kriminologicheskie, industrial'nye i sistemnye aspekty sovremennoj seks-industrii // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. — 2007. — № 2. — S. 70–72.
14. Ditmore M. Network of Sex Projects, Addressing Sex Work as Labor. — Geneva, 1999. — 154 r.
15. Hughes D. Globalizing Sexual Exploitation of Women and Children. — Island, 1999. — 102 p.
16. Neil McArthur & Markie L. C. Twist The rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. — 2017. — Vol. 32. — | 1 3–4: Special Issue on Sex and Technology. — R. 334–344.

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.174-183

Л. В. Михайлова*

Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в морских пространствах

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы осуществления контроля над преступностью в морских просторах, противоречия и пробелы нормативных актов, определяющих порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, проведения оперативно-розыскных мероприятий при совершении преступных деяний за пределами Российской Федерации. Существующие правовые режимы в морских просторах не учитывают специфику оперативно-розыскной деятельности и поэтому неприменимы для выявления, пресечения и раскрытия преступлений, а также принятия решений по поступившим сообщениям и заявлениям. Автором формулируются рекомендации для правоприменителей, а также вносятся предложения по совершенствованию международного инструментария и ведомственных нормативных актов, направленные на решение проблемы, связанной с обеспечением соблюдения норм права в морских просторах. Важно отметить, что улучшение и расширение возможностей правоохранительной деятельности может быть при принятии эффективных мер, сочетающих внесение соответствующих положений в национальные законодательства, а также международное сотрудничество многих государств.

Ключевые слова: морские пространства; юрисдикционные полномочия государств; мониторинг; оперативно-розыскные мероприятия; незаконный неконтролируемый промысел; материал проверки; удобный флаг; конвенция; морское судно; рыболовство.

Для цитирования: Михайлова Л. В. Правовое регулирование деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов в морских пространствах // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 174–183. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.174-183.

Legal Regulation of the Activities of Operational Units of Law Enforcement Agencies in Maritime Spaces

Larisa V. Mikhaylova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Operational Investigative Activities, Internal Affairs Bodies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazarmenny per., d. 15, Khabarovsk, Russia, 680000
lora.mihailova@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problems of control over crime in the sea, contradictions and gaps in regulations that determine the procedure for considering reports of crimes, conducting operational-search measures when

---

© Михайлова Л. В., 2021

* Михайлова Лариса Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России
Казарменный пер., д. 15, г. Хабаровск, Россия, 680000
lora.mihailova@mail.ru

committing criminal acts outside the Russian Federation. The existing legal regimes in the sea do not take into account the specifics of operational search activities and, therefore, are not applicable for detecting, suppressing and solving crimes, as well as making decisions on received messages and statements. The author formulates recommendations for law enforcement officers, as well as makes proposals for improving international tools and departmental regulations aimed at solving the problem associated with ensuring compliance with the rules of law in the sea. It is important to note that the improvement and expansion of law enforcement capabilities can be achieved through the adoption of effective measures that combine the introduction of relevant provisions into national legislation, as well as international cooperation of many states.

Keywords: sea spaces; jurisdictional powers of states; monitoring; operational search activities; illegal uncontrolled fishing; check material; flag of convenience; convention; sea vessel; fishing.

Cite as: Mikhaylova LV. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti operativnykh podrazdeleniy pravookhranitel'nykh organov v morskikh prostranstvakh [Legal Regulation of the Activities of Operational Units of Law Enforcement Agencies in Maritime Spaces]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):174-183. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.174-183. (In Russ., abstract in Eng.).

По сравнению с воздухом и землей мировой океан имеет относительно мало барьеров и предоставляет широкий путь для спектра угроз. Принимаемые меры противодействия преступности в системе обеспечения безопасности морских пространств отрицательно сказываются на их защищенности. Не отвечает современным требованиям сложившаяся система организации контроля со стороны МВД, таможенных органов и пограничной службы. В настоящее время ее отличает не соответствующее возможностям и объективным потребностям государства число лиц, на которых возложены задачи активного оперативно-розыскного противодействия транснациональной преступности в системе обеспечения безопасности в открытом море, а также недостатки в национальных и международных системах контроля.

На сегодняшний день на международном уровне созданы десятки морских законов, Международное морское бюро опубликовало множество руководств, связанных с борьбой с пиратством и мошенничеством, защитой экипажей. Конвенция ООН по морскому праву (далее — Конвенция)¹, являясь международным соглашением, определила права и обязанности государств по использованию мирового океана, установила географические границы морских зон. На основе Конвенции было подготовлено

множество международных документов для защиты как морских пространств, так и людей, осуществляющих свою деятельность в открытом море. Но государственные и международные организации, как правило, не обладают в полной мере возможностями, а порой и желанием, претворять эти законы в жизнь.

По данным Международной морской организации, наиболее часты в морских просторах преступления, связанные с незаконным, незарегистрированным и нерегулируемым промыслом, контрабандой наркотических средств и их сбытом прямо в морской акватории, использование принудительного и бесплатного труда. Как правило, данные преступления совершают транснациональные преступные организации.

В последние годы незаконный промысел, к которому прибавился принудительный труд на борту рыбодобывающих судов, а также связь браконьерских судов с транснациональной организованной преступностью, не только стоит на повестке дня у российского руководства, но и стал приоритетной задачей глобальной повестки. Отмечается тенденция последовательного роста количества выявляемых преступлений органами внутренних дел Российской Федерации в морских пространствах: на объектах морского транспорта в 2019 г. отмечается рост на 47,3 % числа выявленных пре-

¹ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 20.05.2020).

ступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, на 32,5 % преступлений с незаконным оборотом биоресурсов².

Проводимые криминологические исследования³ выявили следующую закономерность: осуществление незаконного промысла с использованием принудительного труда приводит не только к истощению биологических запасов и сокращению улова и тем самым к нарушениям экологического равновесия, но и к развитию теневой экономики.

Неоднократно отмечалось как руководством Российской Федерации, так и учеными и практиками, что прибрежные воды нашего государства становятся местом незаконного промысла, осуществляемого рыбодобывающими судами как под российским флагом, так и под «удобными флагами»⁴, что приводит к сокращению улова и снижению прибыли рыбодобытчиков. В связи с этим рыболовные компании ищут способы снижения затрат, и с этой целью очень часто используется труд незаконных мигрантов. Примером наших слов может послужить уголовное дело, возбужденное по факту гибели 69 человек, находившихся на борту большого автоном-

ного морозильного траулера «Дальний Восток». В ходе расследования уголовного дела было установлено, что на борту траулера нелегально находились более 40 иностранных рабочих, не имеющих образования, которые трудились на судне за так называемые трудодни, с их слов, все заработанные денежные средства должны были передаваться их родственникам⁵. При этом у данных иностранных рабочих отсутствовало «морское» образование. Так как добыча и переработка рыбы осуществляются далеко от берега, использование труда мигрантов практически невозможно контролировать. Работодателями нарушается их право на проживание в соответствующих санитарных условиях (в морскую каюту, рассчитанную на 4 человек заселяется от 10 до 15 моряков), для них не приобретаются средства спасения, продолжительность трудового времени превышает установленную законодательством норму. По сути, это рабский труд, облеченный в иную форму. Суть проблемы заключается в том, что большинство дел, рассмотренных в судах и обсуждаемых в литературе, относится к преступлениям и другим правонарушениям, совершенным на борту иностранного судна⁶.

² См.: Статистические отчеты 1 ТР ФГУ ГИАЦ МВД России за 2018–2019 годы // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.05.2020).

³ Алексеев А. Мир рискует // Ведомости. 2011. 13 января. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/01/13/mir_riskuet (дата обращения: 20.05.2020); Преступная глобализация // Новый континент. URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=491505d8ee0c8> (дата обращения: 20.05.2020); Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. 2001 г. // Владивостокский центр исследования организованной преступности. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1384&print=1&more=1> (дата обращения: 20.05.2020); Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 623–645.

⁴ «Удобный флаг» — это национальный флаг какой-либо страны, под которым ходит зарегистрированное в ней судно, хотя его владельцем является гражданин другого государства. Судовладельцам предоставляются чрезвычайно льготные условия: минимальные налоги, упрощенная процедура регистрации, отсутствие требований по соблюдению безопасности, социальному обеспечению членов экипажей и т.д. Владельцы переводят свои суда под «удобный флаг», чтобы получить сверхприбыли и уйти от ответственности. Среди государств, в которых судовладельцы регистрируют свои суда с целью снижения расходов по налогам, заработной плате, соцстрахованию, наибольшей популярностью пользуются Белиз, Камбоджа, Сьерра-Леоне, Панама.

⁵ Уголовное дело № 201/404063-15 // Архив Дальневосточного следственного управления на транспорте Следственного комитета РФ.

⁶ Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы / А. Л. Колодкин, В. Н. Гуцуляк, Ю. В. Боброва. М.: Статут, 2007.

В то же время основу правового режима на объектах морского транспорта составляет принцип свободы открытого моря, являющийся одним из общепризнанных принципов современного международного права. Его неотъемлемый компонент — принцип свободы судоходства в открытом море, из которого вытекает принцип исключительной юрисдикции государства флага: любое судно, находящееся в открытом море, подчиняется юрисдикции только того государства, под флагом которого оно ходит.

На сегодняшний день международные договоры, затрагивающие вопросы правоохранительной деятельности на объектах морского транспорта, характеризуются множественностью. Это комплексные, то есть содержащие вопросы борьбы с преступностью на море и правила контроля над обеспечением безопасности морского судоходства, и специальные, изданные для решения проблемы конкретного контроля над обеспечением транспортной (морской) безопасности.

Между тем во всех указанных международных договорах компетентные органы государств приняли на себя обязательства поддерживать эффективную систему контроля со стороны государства с целью недопущения преступлений на судах, в том числе при их нахождении в портах.

Согласно ст. 27 Конвенции, соответствующие органы власти прибрежного государства уполномочены осуществлять юрисдикцию над иностранными судами в портах и территориальном море, при нахождении же морского судна в открытом море органы власти прибрежного государства могут задержать судно или проникнуть на его борт только в исключительных случаях, оговоренных в Конвенции.

При этом в перечисленных нормативных актах существуют пробелы, влияющие на эффективность принятия решений оперативными подразделениями правоохранительных органов.

С учетом ограниченности объемов статьи выделим, на наш взгляд, наиболее значимые проблемы.

1. Возможность осуществления контроля соблюдения установленных правил международного и российского права, что влияет на эффективность управления морским хозяйством

Промышленное рыболовство в море регламентируется как международным, так и внутренним законодательством. Согласно Конвенции, каждая страна имеет урегулированные внутренними нормативными актами права на промышленное рыболовство⁷. Регулирующий контроль включает в себя сложную комбинацию международного и внутреннего законодательства. Конвенция устанавливает, что каждая страна имеет суверенные права на свои территориальные воды, которые простираются на 12 морских миль (22 км) от берега. Исключительная экономическая зона (ИЭЗ) страны находится между 12 и 200 морскими милями, и прибрежные государства могут исследовать и эксплуатировать живые морские ресурсы до общего допустимого вылова на основе оценки максимального устойчивого вылова. Открытое море существует за пределами ИЭЗ, в котором ни одна страна не владеет и не контролирует ресурсы. Конвенция предлагает сотрудничество по добыче биоресурсов в открытом море только путем заключения соглашений, направленных на защиту и сохранение морской среды. В результате, как правило, на уровне государств и их структур, отвечающих за охрану окружающей среды, разрабатываются меры по сохранению ресурсов, решаются вопросы и заключаются соглашения о вводе ограничений или запретов на вылов определенных биоресурсов. Но данные организации не занимаются организованной преступностью, а собранные ими сведения о противоправной деятельности рыбодобывающих предприятий могут быть переданы в правоохранительные органы, которые осуществляют свою деятельность только в пределах своей юрисдикции и только над гражданами своей страны или судами «подфлажными» данной стране.

⁷ Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/CONF.164/37> (дата обращения: 20.05.2020).

Правовое регулирование промысловой деятельности в Российской Федерации для морских судов регламентируется следующими законодательными и подзаконными актами. Это Федеральные законы «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» и «О континентальном шельфе Российской Федерации», определяющие права и обязанности лиц, осуществляющих рыболовство в ИЭЗ РФ с использованием иностранных морских судов, а также особенности организации промысловой деятельности. Приказом ФСБ России и Росрыболовства от 15.02.2010 № 56/917 установлены система контрольных пунктов (точек) и порядок их прохождения российскими и иностранными судами, осуществляющими промысел водных биологических ресурсов и морские ресурсные исследования в ИЭЗ РФ и следующими с этой целью в ИЭЗ РФ или выходящими из нее. Контрольные пункты (точки) устанавливаются в ИЭЗ РФ в целях проведения контрольно-проверочных мероприятий при осуществлении государственного контроля в сфере охраны морских биологических ресурсов в отношении российских и иностранных судов, осуществляющих рыболовство и (или) морские ресурсные исследования, в ИЭЗ РФ и на КШ РФ, при входе этих судов в ИЭЗ РФ с целью осуществления рыболовства и при выходе из нее. При этом Правительством РФ было разработано и принято Положение об осуществлении государственного мониторинга водных биологических ресурсов, а также о применении его данных; согласно требованиям данного положения все суда, ведущие добычу и вылов водных биологических ресурсов в морских водах, подпадающих под юрисдикцию Российской Федерации, должны быть оснащены техническими средствами контроля, обеспечивающими передачу сведений о местоположении судна и об объеме находящихся на этих судах водных биоресурсов. При этом морские суда под удобными флагами не оснащаются судовладельцами техническими средствами контроля, а также они целенаправленно не проходят установленные в исключительной экономической зоне РФ контрольные пункты, не передают или чаще всего скрывают информацию о местоположении судна и иные данные, что позволяет практически

беспрепятственно осуществлять добычу водных биологических ресурсов. При этом при задержании Российской береговой охраной пограничной службы данных судов в ИЭЗ РФ в тот момент, когда судно уже осуществило добычу, практически нет возможности доказать их противоправную деятельность.

Для решения обозначенной проблемы необходим комплекс мер:

- сочетание гласной охранной деятельности и негласной оперативно-розыскной. Прямая охрана может сочетать использование помимо кораблей береговой охраны Пограничной службы ФСБ России и кораблей вооруженных сил РФ, с целью выявления и отслеживания подозрительных судов, занимающихся незаконным промыслом;
- при наличии оснований, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий в отношении судовладельцев, являющихся гражданами РФ, в собственности которых имеются суда под удобным флагом. Проведение оперативно-розыскных мероприятий будет способствовать выявлению среди судовладельцев тех, которые занимаются незаконным неконтролируемым промыслом, незаконной миграционной деятельностью и иной противоправной деятельностью. Полученная информация может быть передана оперативным группам, осуществляющим свою деятельность на судах береговой охраны Пограничной службы ФСБ России; полученная информация также будет являться основанием для высадки на морское судно и проведения дополнительных оперативно-розыскных мероприятий уже на борту нарушителя. Материалы, полученные в результате проведения ОРМ, а также изъятые предметы, вещества и документы в последующем, при надлежащем их оформлении в соответствии с требованиями ведомственных нормативных актов, Федерального закона «Об ОРД» и уголовно-процессуального закона, могут стать доказательствами по уголовному делу. Следующая мера — это использование современных технологий для мониторинга и

идентификации всех судов, находящихся в открытом море или исключительной экономической зоне, например использование беспилотных летательных аппаратов для обнаружения и сдерживания незаконного промысла судов, осуществляющих свою деятельность в ИЭЗ. Беспилотные летательные аппараты, запущенные с кораблей береговой охраны Пограничной службы ФСБ России, могут определять местонахождение судна, работающего незаконно, и его специальный идентификационный номер, выданный Международной морской организацией. С целью фиксации нахождения судна в запрещенном для него районе промысла могут использоваться непрерывные синоптические записи и для судов, которые используют специальные программы, изменяющие показатели местонахождения судна, что позволит в дальнейшем использовать полученные сведения в качестве доказательств, помимо данных, предоставленных отраслевой системой мониторинга, и даст возможность перехватывать суда в море в тот момент, когда они еще не успели сбить незаконно добытые биоресурсы.

2. Проблема разделения подведомственности в морских пространствах

Со времени подписания Конвенции мир сильно изменился, и на сегодняшний день соблюдение принципа исключительной юрисдикции государства флага в отношении судов-нарушителей не всегда оправданно. Современный период характеризуется ростом морских перевозок, уже зарегистрировано около 55 тыс. крупных торговых и пассажирских судов (грузовместимостью более 500 т), число мелких неизвестно. Так, судно имеет флаг одного государства, компания, которая его эксплуатирует, зарегистрирована в другой стране, но при этом владелец компании — третьей страны или группы стран. Службы государств, которые на льготных условиях регистрируют суда и дают им свои флаги, также часто управляются извне. К примеру, сборы за плавание под либерийским флагом собирает фирма, зарегистрированная на Виргинских островах, камбоджийский флаг «продает» японская компания, а багамский — британская. Экипажи подавляющего большинства

торговых судов интернациональны, а иногда в состав команды входят люди без гражданства. В подобных случаях крайне сложно, а иногда и невозможно определить, какое государство несет ответственность за действия экипажа судна.

Когда в открытом море совершается преступление, ни одно ведомство в пределах страны или международной организации обычно не обладает достаточными полномочиями, чтобы преследовать нарушителя. Вышеупомянутые трудовые мигранты на траулере «Дальний Восток», к примеру, были нелегальными иммигрантами из Республики Союза Мьянма Танзании, проживающими в Уталапы и севшими на судно в Пусане. Крушение судна произошло в территориальных водах Российской Федерации, корабль принадлежал российской и иностранной компании, экипаж состоял из представителей различных государств, рыбодобыча велась в международных водах. В данном случае часть экипажа судна состояла из граждан Российской Федерации, в связи с чем расследование уголовного дела входило в юрисдикцию Российской Федерации. Но есть и иные случаи, когда корабль не подпадает формально под юрисдикцию ни одного государства, что связано, помимо вышеназванных проблем, с установлением места совершения противоправного деяния. Судно постоянно находится в движении, очевидцы и свидетели преступного деяния, как правило, граждане разных стран, судовые документы или не ведутся, или сфальсифицированы, в итоге у следствия нет возможности установить место преступления. И тогда потерпевшая сторона сталкивается с так называемой морской каруселью: обратившись в представительство своей страны, они получают отказ в связи с тем, что расследование инцидента не входит в юрисдикцию этой страны, им советуют обратиться в Интерпол. При обращении в Интерпол потерпевшая сторона получает разъяснение, что расследование преступлений и правонарушений не входит в обязанности Интерпола, его функция — это передача информации между странами, и советует обратиться в Международную морскую организацию ООН. При обращении в Международную морскую организацию ООН потерпевшие получают ответ, что рассле-

дование должна проводить страна, под флагом которого плавает судно. При обращении в организацию, занимающуюся регистрацией судов, потерпевшие получают разъяснение о том, что им необходимо обратиться в Международную морскую организацию ООН или в правоохранительные органы страны, чей флаг судна. Так все начинается сначала, при этом, пока крутится эта «морская карусель», судно нарушителя сменит флаг и название, а все доказательства преступной деятельности судовладельца, капитана или членов экипажа будут утрачены.

Как указано в некоторых справочных источниках, каждый государственный орган, учреждение или организация вправе рассматривать и разрешать только те вопросы, которые отнесены к их ведению законодательными и иными нормативными правовыми актами, т.е. действовать только в пределах собственной компетенции⁸.

В соответствии со ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ производство по уголовному делу на территории Российской Федерации, независимо от места совершения преступления, а также при совершении преступления на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами Российской Федерации под ее флагом, или в отношении российского гражданина ведется в соответствии с УПК РФ, если иное не установлено международным договором. По общему правилу возбуждение уголовных дел и проведение по ним предварительного расследования осуществляется специальными государственными органами — дознания и предварительного следствия.

Тем не менее у правоприменителей возникают спорные ситуации определения места производства проверки и последующего расследования. К таким спорным вопросам относятся факты совершения преступлений в отношении

российских граждан, произошедших на борту иностранного судна, а также преступлений, совершенных на морских судах, находящихся в открытом море, когда преступление совершено фактически за пределами Российской Федерации.

Например, в 2018–2019 гг. в УТ МВД России по ДФО было зарегистрировано 64 материала проверки по заявлениям граждан РФ по факту совершения у них хищений денежных средств из багажа или ручной клади. Все пассажиры следовали иностранными компаниями из аэропортов Японии, Кореи, Таиланда. Факт хищения обнаруживали или на борту судна, или в порту зарубежной страны⁹.

Приведем один из характерных примеров: 19 мая 2016 г. С., находясь на судне «Истерн-Дрим» под флагом Р. Кореи на переходе Россия (Владивосток) — Южная Корея (Пусан) обнаружил, что у него похищено портмоне, в котором находилось 2 600 000 южнокорейских вон и 6 000 долл. США. Заявитель обращался по телефону к консулу Южной Кореи, тот пояснил, что занимается только гражданами своего государства. Материал пересылался между различными подразделениями МВД трижды¹⁰.

В соответствии с ч. 4.1 ст. 152 УК РФ, если преступление совершено вне пределов Российской Федерации, предварительное расследование может проводиться по месту совершения преступления, либо по месту жительства или месту пребывания потерпевшего, либо по месту нахождения большинства свидетелей, а если потерпевший проживает или пребывает за пределами Российской Федерации — по месту жительства или пребывания обвиняемого.

На стадии проверки материала или уже возбужденного уголовного дела, если лицо, совершившее преступление, не установлено, осно-

⁸ Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2017. 512 с.

⁹ Аналитическая справка, подготовленная штабом УТ МВД России по ДФО по материалам, зарегистрированным в книгах учета преступлений линейных подразделений Управления на транспорте по Дальневосточному федеральному округу.

¹⁰ Материал проверки КУСП 1093 от 23.05.2016, КУСП № 1155 от 30.05.2016, КУСП 1222 от 16.09.2016 Владивостокское линейное Управления МВД РФ на транспорте, впоследствии возбуждено уголовное дело № 602262.

ваний пересылки нет, орган, который должен принимать решение, не ясен.

В соответствии с п. 27 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной приказом МВД России от 29.08.2014 № 736, если преступления, относящиеся к компетенции органов внутренних дел, произошли на территории обслуживания другого территориального органа МВД России, то все имеющиеся материалы после регистрации в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях передаются с заявлением (сообщением) о преступлении в другой орган предварительного расследования или дознания (в том числе в иной территориальный орган МВД России) по подследственности.

Подразделения органов внутренних дел находятся в каждом административно-территориальном образовании. Вместе с тем имеются подразделения, которые осуществляют свою деятельность на межрегиональном уровне (Управление на транспорте, Главное управление МВД РФ по Северо-Кавказскому федеральному округу). Организация деятельности рассматриваемых органов предполагает привязку зон ответственности не к границам административно-территориальных единиц, а к объектам транспортной инфраструктуры, расположенным на территории

нескольких субъектов или только граничащим с данными объектами в прибрежной зоне, что можно отнести к примерам экстерриториального управления. Организация управления территориальными органами МВД РФ на транспорте вне рамок установленной административно-территориальной юрисдикции обоснованно вызывает необходимость нормативно-правового регулирования координации органов внутренних дел на транспорте с другими ОВД. Попытка координации работы органов внутренних дел на транспорте с другими ОВД была предпринята изданием приказа МВД России от 28.03.2015 № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении оперативного обслуживания»¹¹. При этом, как и в ранее принятых аналогичных приказах¹², не было учтено совершение преступлений в морских и воздушных просторах. Границы размещения и территории обслуживания утверждены приказом МВД¹³. Морское пространство отличается от сухопутной территории, для которой имеются сформированные в законодательстве Российской Федерации инструменты пространственного планирования.

Так, Градостроительным кодексом РФ¹⁴ определено зонирование территорий муниципальных образований, объектов федерального и регионального значения. При этом к морским пространствам невозможно применять пря-

¹¹ Приказ МВД России от 28.03.2015 № 381 (в ред. от 31.12.2016) «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.05.2020).

¹² Приказ МВД России от 21.06.2000 № 671 «Об укреплении взаимодействия и разграничении объектов оперативного обслуживания между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел»; приказ МВД России от 10.07.2008 № 598 «Об организации взаимодействия между органами внутренних дел на транспорте и МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации, органами внутренних дел в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах и разграничении объектов оперативного обслуживания» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.05.2020).

¹³ Приказ МВД России от 14.06.2011 № 637 (ред. от 18.03.2013) «Вопросы реформирования территориальных органов МВД России» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁴ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

мое заимствование дефиниций объектов правового регулирования из смежных отраслей национального законодательства. Имеющийся правовой инструментарий пространственного планирования ориентирован на сухопутные пространства и не предназначен к иному использованию. Морское пространство не имеет возможности размещения в нем отдельных объектов регионального и местного значения без системной взаимосвязи с инфраструктурой суши, а границы зон в морском пространстве носят условный характер, поскольку не имеют технических средств фиксации на местности.

Следует отметить, что практика вынуждена использовать инструменты территориального планирования, сформированные для земельных ресурсов при разрешении споров, связанных с акваториями. Например, Федеральным арбитражным судом Дальневосточного округа 5 ноября 2014 г. рассмотрен спор в отношении объекта, расположенного в зоне смыкания морской поверхности и суши. Из описательной части судебного акта следует, что согласно фрагменту карты градостроительного зонирования спорный участок находится в акватории Амурского залива, а согласно акту проверки земельного участка последний представляет собой пирс площадью 280 кв. м (35 м × 8 м), выполненный из металлоконструкций и железобетона¹⁵. Данный пример показывает нам многофункциональность морского пространства.

Проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий и принятия процессуальных решений по фактам совершения преступных деяний, совершенных в открытых морских пространствах, вызваны трудностями определения места совершения преступления, а следовательно, установления подследственности с учетом территориальности органа внутренних дел.

Эти трудности обусловлены необходимостью проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе доследственной проверки для принятия решения о возбуждении уголовного дела, и, несмотря на вроде бы законодательно закреп-

ленную подследственность, здесь мы наблюдаем аналогичную «морскую карусель», только уже между подразделениями органов внутренних дел, которая может затянуться на месяцы и годы при неоднократном направлении доследственных материалов по подследственности из территориального органа внутренних дел одного субъекта РФ в территориальный орган другого субъекта в связи с невозможностью определения границ зон обслуживания того или иного территориального органа.

Вышеизложенное позволяет предложить в целях совершенствования правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности и возможности нормативного закрепления процедур передачи материалов проверки внести в инструкцию дополнения по аналогии с уголовно-процессуальным законом: «сообщение может быть рассмотрено по месту жительства» заявителя либо по месту нахождения большинства очевидцев преступления, а если заявитель проживает или пребывает за пределами Российской Федерации, то по месту нахождения заявителя, по заявлению которого проводится проверка».

Резюмируя, отметим: международное морское право все еще не регламентировано в отношении того, какое государство может осуществлять предписывающую и исполнительную юрисдикцию в отношении различных зон моря. Можно утверждать, что необходимым первым шагом будет принятие соответствующих международных конвенций, а также двусторонних и многосторонних соглашений, поддерживающих и регулирующих органы в разработке инструментария для обеспечения соблюдения охраны морских пространств в различных зонах моря.

Улучшение и расширение возможностей полицейской деятельности может быть достигнуто путем сочетания технологий и региональных соглашений о сотрудничестве.

Противодействовать им возможно только путем активизации оперативно-розыскной деятельности, в том числе и в морских пространствах.

¹⁵ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.11.2014 № Ф03-4724/2014 по делу № А51-10399/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=85010#022440926573378706> (дата обращения: 20.05.2020).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. Мир рискует // Ведомости. — 2011. — 13 января. — URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/01/13/mir_riskueta (дата обращения: 20.05.2020).
2. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. — М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. — 668 с.
3. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы / А. Л. Колодкин, В. Н. Гуцуляк, Ю. В. Боброва. — М. : Статут, 2007.
4. Преступная глобализация // Новый континент. — URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=491505d8ee0c8> (дата обращения: 20.05.2020).
5. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2017. — 512 с. — ISBN 978-5-16-105386-7.
6. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. 2001 г. // Владивостокский центр исследования организованной преступности. — URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1384&print=1&more=1> (дата обращения: 20.05.2020).

Материал поступил в редакцию 27 июня 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. Mir riskuet // Vedomosti. — 2011. — 13 yanvarya. — URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/01/13/mir_riskueta (data obrashcheniya: 20.05.2020).
2. Dolgova A. I. Kriminologicheskie ocenki organizovannoj prestupnosti i korrupcii, pravovye batalii i nacional'naya bezopasnost'. — M. : Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya, 2011. — 668 s.
3. Mirovoj okean. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim. Osnovnye problemy / A. L. Kolodkin, V. N. Guculyak, Yu. V. Bobrova. — M. : Statut, 2007.
4. Prestupnaya globalizaciya // Novyj kontinent. — URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=491505d8ee0c8> (data obrashcheniya: 20.05.2020).
5. Sovremennyy ekonomicheskij slovar' / B. A. Rajzberg, L. Sh. Lozovskij, E. B. Starodubceva. — 6-e izd., pererab. i dop. — M. : Infra-M, 2017. — 512 s. — ISBN 978-5-16-105386-7.
6. Transnacional'naya organizovannaya prestupnost': definicii i real'nost'. 2001 g. // Vladivostokskij centr issledovaniya organizovannoj prestupnosti. — URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1384&print=1&more=1> (data obrashcheniya: 20.05.2020).

Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом

Аннотация. Исследование содержит пошаговый алгоритм определения права, применимого к частным трансграничным правоотношениям. Алгоритм разработан на основе законодательства, правоприменительной практики и доктрины. Исходным правилом последовательного выполнения этапов (шагов) алгоритма является механизм, при котором определение применимого к правоотношению права на одном из этапов исключает последующие этапы алгоритма. Интересы публичного порядка диктуют правила определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Этот процесс в Российской Федерации регулируется на основе установления законодателем и правоприменителем наиболее тесной связи интересов коллидирующих публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения. На первом, втором и третьем этапах алгоритма доминируют интересы отечественного публичного порядка (правопорядка). На четвертом этапе алгоритма публичные интересы в части, не урегулированной сверхимперативными нормами, соотносятся с соглашением сторон о выборе применимого права. На пятом — восьмом этапах алгоритма правоприменитель руководствуется правилами, установленными законодателем на основе учета коллидирующих в трансграничных правоотношениях интересов публичных порядков. На последнем, девятом этапе алгоритма применимое право устанавливается судьей на основе наиболее тесной связи интересов публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения.

Ключевые слова: международное частное право; алгоритм определения права; частное трансграничное правоотношение; публичный интерес; принципы права; сверхимперативные нормы; публичный порядок (правопорядок); наиболее тесная связь; применимое право; территориальные контакты.

Для цитирования: Шулаков А. А. Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 184–192. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.184-192.

© Шулаков А. А., 2021

* Шулаков Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 aashulakov@msal.ru

Public Policy Interests and Algorithm for Determining the Law Applicable to Private Law Relations Complicated by a Foreign Element

Andrey A. Shulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aashulakov@msal.ru

Abstract. The study contains a step-by-step algorithm for determining the law applicable to private cross-border legal relations. The algorithm is developed based on legislation, law enforcement practice and doctrine. The initial rule of the sequential execution of the stages (steps) of the algorithm is a mechanism in which the determination of the law applicable to the legal relationship at one of the stages excludes the subsequent stages of the algorithm. Public policy interests dictate the rules for determining the law to be applied to private law relations complicated by a foreign element. The establishment by the legislator and law enforcement officer of the closest connection between the interests of conflicting public orders (legal orders) with elements of cross-border legal relations is the basis for the process regulation in the Russian Federation. At the first, second and third stages of the algorithm, the interests of the domestic public order (law and order) dominate. At the fourth stage of the algorithm, public interests in the part not regulated by super imperative norms are correlated with the agreement of the parties on the choice of the applicable law. At the fifth — eighth stages of the algorithm, the law enforcement officer is guided by the rules established by the legislator taking into account the interests of public orders that are conflicting in cross-border legal relations. At the last, ninth stage of the algorithm, the applicable law is established by the judge based on the closest connection between the interests of public order (law and order) with elements of cross-border legal relations.

Keywords: private international law; algorithm for determining the law; private cross-border legal relationship; public interest; principles of law; over-imperative norms; public order (law and order); closest connection; applicable law; territorial contacts.

Cite as: Shulakov AA. Interesy publichnogo poryadka i algoritm opredeleniya prava, podlezhashchego primeneniyu k chastnopravovym otnosheniyam, oslozhnennym inostrannym elementom [Public Policy Interests and Algorithm for Determining the Law Applicable to Private Law Relations Complicated by a Foreign Element]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):184-192. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.184-192. (In Russ., abstract in Eng.).

Правила разд. VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ, правоприменительная практика и доктрина позволяют выделить последовательность действий, направленных на определение права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом, иными словами — алгоритм определения права, применимого к частным трансграничным правоотношениям. Указанный алгоритм зависит от иерархии юридических норм, установленных в разд. VI ГК РФ. Исходным правилом последовательного выполнения этапов (шагов) такого алгоритма является механизм, при котором определение применимого к правоотношению права на одном из

этапов исключает последующие этапы алгоритма.

Рассмотрим этапы (шаги) этого алгоритма.

Этап 1. Нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы) законодательства Российской Федерации (п. 1 ст. 1192 ГК РФ — позитивная оговорка о публичном порядке РФ)

Первоочередный, приоритетный порядок применения обязательных для российского правоприменителя норм непосредственного применения установлен законодателем в п. 1 ст. 1192 ГК РФ. В соответствии с нормой указанной статьи, правила разд. VI ГК РФ не затрагивают действия норм непосредственного

применения, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Важно отметить, что правило о сверхимперативных нормах, ограничивающих пределы применения иностранного права, выявленное еще Ф. К. Савиньи, является аксиомой международного частного права. Впервые точное свое воплощение оно получило в ст. 30 Германского гражданского уложения 1896 г.: «Применение иностранных законов исключается, если их применение противоречило бы добрым нравам или цели германского закона». Сходная оговорка, указывающая на «законы» и «добрые нравы» фигурирует и в ст. 6 Гражданского кодекса Франции 1804 г.

Первое правило, по которому судья должен в трансграничных частных правоотношениях применять в первую очередь сверхимперативные нормы страны суда (*позитивного права*), получило в доктрине название «наступательной» оговорки, или *позитивной оговорки о публичном порядке*. Второе правило, в соответствии с которым судья обязан исключить применение иностранного права, противоречащего «добрым нравам», стали именовать в доктрине вначале «отрицательной» или «оборонительной» оговоркой, а затем *негативной оговоркой о публичном порядке*¹.

Очередность правовых актов, указанная в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, не затрагивает приоритетное действие норм непосредственного применения / сверхимперативных норм (п. 1 ст. 1992 ГК РФ).

Предлог «или» разделяет в п. 1 ст. 1192 ГК РФ нормы непосредственного применения на две группы. К первой группе относятся конкретные императивные материальные нормы, на сверхимперативность которых в частных трансграничных правоотношениях прямо указано законодателем. Ко второй группе — нормы, сверхимперативность которых для указанных отношений определяет уже не законодатель, а

правоприменитель. Законодатель устанавливает лишь критерий таких норм — «особое значение, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов».

К числу конкретных императивных материальных норм, сверхимперативность которых в трансграничных отношениях установлена в законодательстве, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»² (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019)) относит, в частности, положения п. 2 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания РФ (КТМ РФ), п. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ (СК РФ) и др. Еще одним примером таких сверхимперативных норм является правило п. 1 ст. 165 СК РФ, устанавливающее в целях защиты интересов российских детей при усыновлении их иностранцами и апатридами непосредственное (первоочередное) применение норм ст. 124–133 СК РФ.

К нормам, сверхимперативность которых для трансграничных отношений в связи с их особым значением определяет правоприменитель, Верховный Суд РФ относит нормы непосредственного применения, имеющие своей «основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства». Сходный подход установлен и в ст. 9 Регламента (ЕС) № 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)»³. К сверхимперативным нормам («преобладающим императивным положениям») Регламент «Рим I» относит нормы, имеющие принципиальное значение для охраны публичных интересов, устанавливающих ее политическое, социальное или экономическое устройство страны. Главным отличием европейского подхода от российского является закрепление Регламентом «Рим I» в триаде публичных интересов вкупе с политическим и

¹ Раапе Л. Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1960. С. 98–99.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

³ Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union L 177. 04.07.2008. P. 6.

экономическим не правового, а социального критерия — интересов, имеющих значение для *социального устройства* (брак, семья, социальное обеспечение и др.).

Указанные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) *публичные интересы*, защищаемые нормами непосредственного применения, в информационном письме Президиума ВАС РФ № 156⁴ фигурируют как *фундаментальные правовые начала (принципы)*, закрепленные в том числе и сверхимперативными нормами (ст. 1192 ГК РФ), входящими в состав публичного порядка. В число таких правовых начал (принципов), в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

К числу самых важных *публичных интересов (конституционно значимых ценностей)* Конституционный Суд РФ относит шесть ценностей, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ на основе ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: *основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства*⁵.

Указанные в Конституции публичные интересы / конституционно значимые ценности, в частности, закреплены в качестве *основных начал* гражданского (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и семейного (п. 4 ст. 1 СК РФ) законодательства России. Фигурирование (наличие) в содержании императивных норм российского законодательства

указанных выше публичных интересов, являющихся конституционно значимыми ценностями, дает возможность судье применять такие нормы в качестве сверхимперативных. В частности, по вопросам, связанным с международным усыновлением, судья может применять в качестве сверхимперативных норм нормы ст. 1, 63, 65, 66 СК РФ, правила которых указывают на публичный интерес / ценность «защиты нравственности».

Этап 2. Оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ — негативная оговорка о публичном порядке РФ)

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019), со ссылкой на ч. 1 ст. 1193 ГК РФ и ст. 167 СК РФ, указано, что суд в исключительных случаях не применяет норму иностранного права, несмотря на то, что на ее применение указывает соглашение сторон о выборе применимого права, коллизионные нормы международных договоров или законодательства РФ. Это происходит в тех случаях, когда *последствия* применения такой иностранной нормы явно противоречат основам правопорядка (публичному порядку). В этом случае *при необходимости* применяется соответствующая норма российского права (ст. 1193 ГК РФ).

Защита основ правопорядка (публичного порядка) РФ не исчерпывается только нормами права, указанными в п. 1 ст. 1192 «Нормы непосредственного применения» ГК РФ. Невозможно априори определить и заранее включить в законодательство все нормы, защищающие публичный порядок страны от негативных последствий применения иностранного права. В связи с этим доктрина в состав основ правопорядка (публичного порядка) включает не только элементы,

⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5. С. 154.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

закрепленные в нормах права, но и общепринятые принципы морали⁶. В этой связи, как указано выше, законодатель включает в механизм защиты публичного порядка помимо норм законодательства (позитивного права) и указание на «добрые нравы».

В силу разделительного доказательства (метода исключения) к позитивной оговорке ст. 1192 ГК РФ необходимо относить только нормы права, установленные в законодательстве.

Защита основ публичного порядка по ст. 1993 ГК РФ базируется на других видах социальных норм. В российской правоприменительной практике указано, что основы правопорядка (ст. 1193 ГК РФ) «включают в себя помимо основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавших российское гражданское общество, также и основополагающие принципы российского права»⁷.

Вместе с тем включение правоприменительной практикой в состав защитных средств ст. 1993 ГК РФ «основополагающих принципов российского права» не является точным. Указанные принципы должны ограничивать применение иностранного права уже в рамках ст. 1192 ГК РФ, поскольку все предписания-принципы в соответствии с письмом Минюста России от 23.02.2000 № 1187-ЭР «О Рекомендациях по подготовке и оформлению проектов федеральных законов» должны быть закреплены в нормах права, т.е. установлены законодателем⁸. На применение фундаментальных правовых начал (принципов), закрепленных сверхимперативными нормами ст. 1192 ГК РФ, указывает и приведенное выше информационное письмо Президиума ВАС РФ № 156.

Таким образом, основополагающие принципы российского права вытесняют применение иностранного права уже в рамках позитивной оговорки о публичном порядке (п. 1 ст. 1192 ГК РФ).

В тех странах, где позитивная и негативная оговорки не разнесены по разным статьям правового акта⁹, судья в рамках одной статьи может применять все социальные нормы, включая нормы права, морали и др.

Этап 3. Нормы непосредственного применения (сверхимперативные нормы) другой страны, имеющей тесную связь с отношением (п. 2 ст. 1192 ГК РФ)

В соответствии с п. 2 ст. 1192 ГК РФ суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы являются нормами непосредственного применения. В качестве критериев возможности применения таких норм, суд обязан учитывать как назначение, так и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения.

В пункте 11 Постановления Верховного Суда РФ № 24 (2019) указано на три ограничения применения сверхимперативных иностранных норм, имеющих тесную связь с отношением. Суд обязан отказать в применении таких норм, если их характер и назначение несовместимы с публичным порядком, если они затрагивают суверенитет или безопасность РФ, если эти нормы нарушают закрепленные в Конституции права и свободы российских граждан и юридических лиц.

Таким образом, все указанные ограничения связаны с публичными интересами (конституци-

⁶ Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2012. С. 159.

⁷ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.11.2013 по делу № А56-23769/2013 ; постановление ФАС Северо-Западного округа от 06.03.2012 по делу № А56-49603/2011 ; постановление ФАС Северо-Западного округа от 28.12.2009 по делу № А21-802/2009 // Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Смирнов Д. А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. № 4. С. 29–37.

⁹ См., например: «Клаузула об оговорке (публичный порядок)», § 6 Закона Австрии о международном частном праве 1978 г.; ст. 24 Вводного закона к Гражданскому закону Латвии (ред. 2015) [и др.] // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040101> (дата обращения: 18.08.2020).

онно значимыми ценностями) отечественного правопорядка.

Этап 4. Соглашение сторон о выборе применимого права (ст. 1210 ГК РФ, ст. 6 Венской конвенции 1980 г.)

В пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) указывается, что «в части, не урегулированной нормами непосредственного применения, *не исключается* применение к спорным правоотношениям права, определенного в соответствии с соглашением сторон о выборе применимого права».

Такой *исключительный* случай представляет, в частности, ст. 6 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980). Стороны договора могут исключить применение Конвенции и вместо ее положений указать в качестве применимого иное право, несмотря на то, что это трансграничное частноправовое отношение входит в предметную, территориальную, персональную и временную сферы применения Конвенции¹⁰.

Учитывая этап 4 данного алгоритма, важно помнить, что оговорка, подобная ст. 6 Венской конвенции 1980 г., является в международных договорах, содержащих материально-правовые нормы, не правилом, а исключением. Унифицированная материальная норма, как правило, императивна, она исключает возможность устранить ее действие соглашением о выборе применимого права.

Этап 5. Международные договоры РФ, содержащие материально-правовые нормы (п. 1, 3 ст. 1186 ГК РФ)

В соответствии с Конституцией РФ (п. 4 ст. 15), ГК РФ (п. 2 ст. 7), СК РФ (ст. 6) и др., международные договоры РФ являются специальными нор-

мами, что предусматривает приоритетное их применение по отношению к общим нормам российского законодательства. В иерархии правовых актов, закрепленной в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, международные договоры РФ также указаны первыми. В пункте 3 ст. 1186 ГК РФ установлена первоочередность применения международных договоров, содержащих материально-правовые нормы, над правовыми актами (международными и национальными), содержащими коллизионные нормы.

Таким образом, унифицированные материально-правовые нормы применяются к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом, минуя коллизионную стадию.

Указанное положение корректируется двумя правилами:

- в случае совпадения сферы применения между универсальными, региональными и двусторонними договорами коллизия между такими нормами разрешается в обратной последовательности. Исключением является правило, в соответствии с которым государство при заключении двусторонних договоров не вправе отступать от императивных предписаний региональных и универсальных договоров¹¹;
- в соответствии с общим правилом коллизия между специальными нормами и общими нормами международных договоров разрешается в пользу специальных, если нормами таких договоров не установлено иное¹².

Этап 6. Международные договоры РФ, содержащие коллизионные нормы (п. 1, 3 ст. 1186 ГК РФ)

При отсутствии международного договора РФ, содержащего материально-правовые нормы, суд определяет применимое право на

¹⁰ Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М. : Инфотропик Медиа, 2013 ; Канашевский В. А. Международное частное право : учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М. : Международные отношения, 2019. С. 428–429 ; Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М. : Изд-во СГУ, 2008. С. 47–52.

¹¹ Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. С. 103–104.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

основе коллизионных норм международного частного права. Такие нормы могут содержаться как в международных договорах РФ, так и во внутригосударственном праве РФ. Установленное в законодательстве РФ правило о приоритете норм международных договоров разрешает конфликт между унифицированными и национальными коллизионными нормами в пользу первых¹³.

Этап 7. Коллизионные нормы законодательства РФ (п. 1 ст. 1186 ГК РФ)

При отсутствии коллизионных норм международных договоров РФ, под действие которых должно подпадать соответствующее трансграничное правоотношение, суд руководствуется коллизионными нормами законодательства РФ.

Указанное положение корректируется двумя правилами:

- по определенным вопросам следует применять специальные коллизионные нормы российского законодательства (например, нормы гл. XXVI КТМ РФ, нормы разд. VII СК РФ);
- коллизионные нормы разд. VI ГК РФ применяются судом при отсутствии в соответствующем специальном законодательном акте норм об общих положениях коллизионного права в указанной сфере¹⁴.

Этап 8. Обычаи, признаваемые в РФ (п. 1 ст. 1186, п. 11 ст. 1211 ГК РФ)

В доктрине отмечается, что указанный в п. 1 ст. 1186 ГК РФ обычай, для того чтобы являться источником норм международного частного права, должен обладать двумя характеристиками: во-первых, обычай должен быть санкционирован государством (Российской Федерацией), во-вторых, должен устанавливать коллизионные нормы. Обычай, не содержащий колли-

зионную норму, применяется после решения коллизионного вопроса в пользу российского права¹⁵.

Норма п. 11 ст. 1211 разд. VI ГК РФ содержит еще одно правило об обычаях, связанных с использованием сторонами договора торговых терминов, принятых в международном обороте. В отношении указанной нормы в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) содержится два пояснения:

- для договоров, где стороны, без ссылки на Инкотермс, использовали определенные международные торговые термины, относящиеся к Инкотермс, применяются правила Инкотермс в той редакции, которая действовала на дату заключения договора;
- использованные сторонами в договоре положения Инкотермс имеют приоритет над диспозитивными нормами договорного статута.

Этап 9. Право государства, с которым гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано (п. 2 ст. 1186 ГК РФ)

На тот случай, когда невозможно определить право, подлежащее применению на основании международных договоров РФ, законодательства РФ и обычаев, признаваемых в РФ, пункт 2 ст. 1186 ГК РФ закрепляет принцип наиболее тесной связи. В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) указаны *два коррелирующих между собой критерия* для определения судом права страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано. Суд должен определить *преобладающую территориальную связь* различных элементов трансграничного правоотношения с правом того государства, нормы которого позволяют наилучшим образом реализовать *общепризнанные*

¹³ В доктрине отмечается, что национальное законодательство по отношению к международным договорам (в частности, в области международных перевозок) применяется субсидиарно. Это происходит в тех случаях, когда какой-то вопрос не урегулирован международным договором либо коллизионная норма международного договора отсылает к национальному законодательству (см.: *Канашевский В. А.* Указ. соч. С. 498).

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

¹⁵ Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. С. 88.

принципы гражданского права и построения отдельных его институтов.

Преобладающая территориальная связь устанавливается судом с учетом связи права конкретного государства с элементами трансграничного частноправового отношения (гражданство, место жительства, место исполнения обязательств, место объекта гражданских прав и др.).

Принципы, принимаемые судом во внимание: предпочтительность сохранения действительности сделки, защита добросовестной и слабой стороны, запрет злоупотребления правом, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства и др.¹⁶

Следует отметить, что указанный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019) подход к определению судом наиболее тесной связи перекликается с подходом, закрепленным в Книге IV (Коллизии законов) Гражданского кодекса Луизианы 1825 г. (в редакции Закона 1991 г.)¹⁷.

Установленный в Книге IV ГК Луизианы механизм определения наиболее тесной связи, по сути, опирается на те же *два критерия: конкретные публичные интересы / принципы / политики (policies) и коллизионные презумпции (территориальные связи)*. Первый критерий (публичные интересы) в механизме поиска наиболее тесной связи необходим правоприменителю для выявления и взвешивания публичных интересов, затронутых в том или ином правоотношении. Второй критерий (территориальные связи) — для выбора из указанного в законодательстве списка тех коллизионных привязок, которые максимально обеспечивают эти публичные интересы (принципы, политики). Это позволяет правоприменителю при решении трансграничных частноправовых споров руководствоваться публичными интересами / политиками, закрепленными в законодательстве.

В частности, для договорных отношений (ст. 3537 ГК Луизианы) при определении наиболее тесной связи судья должен руководство-

ваться публичными интересами / политиками, поощряющими межгосударственные коммерческие связи, защищающими добросовестную сторону и др. Законодатель указывает и ряд территориальных контактов, которые помогают выявить наиболее тесную связь правоотношения с правом того государства, которое максимально защищает вышеуказанные публичные интересы / политики. В числе таких контактов законодатель Луизианы указывает коллизионные критерии, применяемые для договорных отношений (место жительства и место коммерческой деятельности сторон, место переговоров, заключения и исполнения договора, местонахождение предмета договора и др.).

Подход к определению наиболее тесной связи на основе учета судьей конкретных публичных интересов закреплен в Книге IV ГК Луизианы также для семейных, вещных, внедоговорных, наследственных и других видов частных трансграничных правоотношений.

В основе установленного в ГК Луизианы механизма (метода) поиска наиболее тесной связи (ст. 3515) лежит правило, по которому любой вопрос в деле, имеющем связи с другими государствами (за исключением положений об ином в Книге IV), регулируется правом государства, политикам / публичным интересам которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено к этому вопросу.

Подход к определению наиболее тесной связи на основе установленных в законодательстве конкретных интересов публичного порядка является объективным и точным.

Таким образом, интересы публичного порядка диктуют правила определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Этот процесс в Российской Федерации регулируется на основе установления законодателем (первый — восьмой этапы алгоритма) и правоприменителем (частично третий, а также девятый этап алгоритма) наиболее тесной связи интересов

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 (2019).

¹⁷ Civil Code. Louisiana Laws // URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/2011/cc/cc3515/> (дата обращения: 18.08.2020).

коллидирующих публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения. На первом, втором и третьем этапах алгоритма доминируют интересы отечественного публичного порядка (правопорядка). На четвертом этапе алгоритма публичные интересы в части, не урегулированной сверхимперативными нормами, соотносятся с соглашением сторон о выборе применимого права. На пятом —

восьмом этапах алгоритма правоприменитель руководствуется правилами, установленными законодателем на основе учета коллидирующих в трансграничных правоотношениях интересов публичных порядков. На последнем, девятом этапе алгоритма применимое право устанавливается судьей на основе наиболее тесной связи интересов публичных порядков (правопорядков) с элементами трансграничного правоотношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Асосков А. В.* Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. — М. : Инфотропик Медиа, 2013.
2. *Канашевский В. А.* Международное частное право : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Международные отношения, 2019. — 1064 с.
3. *Малкин О. Ю.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. — М. : Изд-во СГУ, 2008. — 157 с.
4. *Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева.* — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2012. — 656 с.
5. *Раапе Л.* Международное частное право. — М. : Иностранная литература, 1960. — 607 с.
6. *Смирнов Д. А.* О понятии принципов права // *Общество и право.* — 2012. — № 4. — С. 29–37.

Материал поступил в редакцию 9 июля 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Asoskov A. V.* Venskaya konvenciya OON 1980 goda o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov: postatejnyj kommentarij k polozheniyam, opredelyayushchim sferu ee primeneniya. — M. : Infotropik Media, 2013.
2. *Kanashevskij V. A.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. — 1064 s.
3. *Malkin O. Yu.* Pravovoe regulirovanie vybora prava storonami dogovora. — M. : Izd-vo SGU, 2008. — 157 s.
4. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / отв. red. G. K. Dmitrieva.* — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Prospekt, 2012. — 656 s.
5. *Raape L.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. — M. : Inostrannaya literatura, 1960. — 607 s.
6. *Smirnov D. A.* O ponyatii principov prava // *Obshchestvo i pravo.* — 2012. — № 4. — S. 29–37.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.193-205

Л. Г. Ключанова*

К вопросу о месте и значении лесного права в правовой системе Российской Федерации

Аннотация. Предметом исследования является правовая проблема выявления места и значения лесного права в российской правовой системе. Анализируются вопросы самостоятельности лесного права как отрасли правовой системы в контексте его взаимосвязи с другими отраслями права, в первую очередь — с экологическим правом, а также с земельным правом и гражданским правом. Исследуются предмет, метод, источники, система и принципы лесного права. Подчеркивается сложность и многоструктурность лесных отношений. Формируется вывод о междисциплинарном характере правового регулирования лесных отношений нормами лесного права, экологического права и смежных отраслей — земельного, гражданского, конституционного и административного права. Выявляется тенденция формирования международного лесного права.

Ключевые слова: лесное право; экологическое право; земельное право; лесные правоотношения; охрана окружающей среды; правовая система; лесной фонд.

Для цитирования: Ключанова Л. Г. К вопросу о месте и значении лесного права в правовой системе Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 193–205. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.193-205.

On Place and Significance of Forestry Law in the Legal System of the Russian Federation

Larisa G. Klyukanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Environmental Protection, Faculty of Law, St. Petersburg State University
22-ya Liniya Vasilevskogo ostrova, d. 7, Sankt-Peterburg, Rossiya, 199106
klyukanova.l@yandex.ru

Abstract. The subject of this research is the legal problem of identifying the place and significance of forestry law in the Russian legal system. The author analyzes the issues of independence of forestry law as a branch of the legal system in the context of its relationship with other branches of law, primarily with environmental law, as well as with land law and civil law. The subject, method, sources, system and principles of forestry law are investigated. The complexity and multi-structure of forest relations is emphasized. The author draws a conclusion about the interdisciplinary nature of the legal regulation of forest relations by the norms of forestry law, environmental law

---

© Ключанова Л. Г., 2021

* Ключанова Лариса Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой охраны окружающей среды юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
22-я Линия Васильевского острова, д. 7, г. Санкт-Петербург, Россия, 199106
klyukanova.l@yandex.ru

and related industries, namely land, civil, constitutional and administrative law. The tendency of the formation of international forestry law is revealed.

Keywords: forestry law; environmental law; land law; forest legal relations; environmental protection; legal system; forest fund.

Cite as: Klyukanova LG. K voprosu o meste i znachenii lesnogo prava v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii [On Place and Significance of Forestry Law in the Legal System of the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(4):193-205. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.125.4.193-205. (In Russ., abstract in Eng.).

Доктринальная проблематика места и значения лесного права в российской правовой системе вызвала к жизни активную академическую дискуссию среди ученых и практиков.

Важнейшей правовой проблемой в обозначенной сфере является вопрос признания лесного права в качестве самостоятельной отрасли отечественной правовой системы.

В качестве таковой лесное право провозглашается рядом современных ведущих исследователей: В. К. Быковским¹, В. Н. Петровым², А. А. Седовым³.

Оппонирующий этому подход, изложенный, например, в работах А. Ю. Пуряевой, исходит из того, что, «лесное право является и должно оставаться подотраслью экологического права»⁴.

Высказывается также мнение, согласно которому лесное право одновременно представляет собой и самостоятельную отрасль права, и право, входящее в природоресурсное и природоохранное право⁵.

В ряде случаев исследователями признается точка зрения, сообразно которой целесо-

образно рассуждать о существовании лесного законодательства⁶, а не лесного права, при этом наличие специализированного Лесного кодекса само по себе еще не является доказательством самостоятельности отрасли; и даже более того, по мнению А. Ю. Пуряевой, в данном понимании применение самого термина «право» не является признаком самостоятельности отрасли⁷.

Признание самостоятельности лесного права как отрасли во многом зависит от толкования взаимосвязи лесного и экологического права.

Экологическое право представляет собой самостоятельную отрасль российской правовой системы, регулирующую общественные отношения по поводу охраны и использования окружающей среды, природных объектов и ресурсов, а также обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства. Это уникальная, универсальная и комплексная «суперотрасль»⁸ российской правовой системы, становление которой «есть результат взаимной заинтересованности юриспруденции, социальной экологии, социологии, социальной философии, теории культуры»⁹.

¹ Лесное право России : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. К. Быковский ; отв. ред. Н. Г. Жаворонкова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. С. 8.

² Петров В. Н. Лесная политика и право : учебное пособие. СПб. : СПбГЛТУ, 2015. С. 79.

³ Седов А. А. Правовые основы управления лесным хозяйством в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11.

⁴ Пуряева А. Ю. Проблемы соотношения смежных отраслей права в сфере природопользования // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 71 ; Пуряева А. Ю., Пуряев А. С. Лесное право : учебное пособие. М. : Деловой двор, 2009. С. 21.

⁵ Коростелев С. В. Земельное и лесное право : учеб. пособие. СПб. : Полиус, 1998. С. 179–183.

⁶ Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов : учеб. пособие для вузов. М. : Городец, 2012. С. 90.

⁷ Пуряева А. Ю. Проблемы соотношения смежных отраслей права в сфере природопользования. С. 71.

⁸ Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал российского права. 2000. № 5/6. С. 89–90.

⁹ Шестерюк А. С. Экологическое право. Вопросы теории и методологии анализа. СПб. : Издательство СПбГУ, 2000. С. 5.

Экологическое право обладает некоторыми индивидуальными особенностями, например: межотраслевым характером правового регулирования; отсутствием завершённой кодификации; сложной систематизацией; высокой степенью разнородности предмета эколого-правового регулирования и очень широким спектром охвата общественных отношений; «экологизацией» — процессом закрепления экологических требований в других отраслях права и заимствованием правовых институтов и норм у таковых¹⁰; сочетанием публично-правовых и частноправовых начал в механизмах правового регулирования в сфере обеспечения экологической безопасности и правопорядка¹¹; взаимосвязью с нормами международного экологического права (учитывая и нормы «мягкого» права, и юридически обязательные для применения документы) и пр.

Приведённая выше дискуссия о статусе лесного права основана на том, что традиционно экологическое право рассматривается в качестве комплексной отрасли права¹². Далее существует доктринальное расхождение: в одном случае лесное право трактуется как его подотрасль, в другом — как самостоятельная отрасль права, входящая в состав экологического; таким образом, отношения по использованию, охране, защите и воспроизводству лесов и лесоразведению регулируются нормами отдельной отрасли, но с позиций общих целей экологического права. Кроме того, признаётся и тот факт, что экологическое право включает в себя природо-

ресурсное и природоохранное право¹³, которые пересекаются между собой: так, нормы об использовании и охране лесов могут входить одновременно и в природоресурсное, и в природоохранное право.

Представляется, что следует согласиться с подходом, согласно которому экологическое право является интегрированной отраслью (семьей отраслей), а природоресурсное право и природоохранное право — подотраслями интегрированной отрасли, а лесное право представляет собой самостоятельную отрасль права¹⁴.

Признание отрасли в качестве самостоятельной определяется наличием собственных: предмета и метода правового регулирования; источников права (системы законодательства); системы институтов; а также заинтересованности государства и общества в регулировании соответствующих качественно определённых отношений. Отраслями права признаются «наиболее крупные, центральные звенья структуры права. Они охватывают основные, качественно особые виды общественных отношений, которые по своему глубинному экономическому, социально-политическому содержанию требуют обособленного, юридически своеобразного регулирования»¹⁵.

Предметом лесного права являются лесные отношения.

Модельный лесной кодекс для государств — участников СНГ в ст. 5 определяет лесные отношения как «отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов,

¹⁰ Петров В. В. Концепция экологического права как правовой общности, науки и учебной дисциплины // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. 1987. № 5. С. 37.

¹¹ См.: п. 1 постановления Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства РФ “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Бакаева О. Ю. Соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законодательства Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 22.

¹² Бринчук М. М. Комплексность в экологическом праве // Экологическое право. 2004. № 6. С. 1–28.

¹³ Петров В. В. Указ. соч. С. 35.

¹⁴ См.: Боголюбов С. А., Сулейменов М. К. Экологическое право — интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог // Экологическое право. 2014. № 4. С. 32–38.

¹⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. М. : ТК Велби, Проспект, 2008. С. 172.

а также лесных земель, как покрытых лесной растительностью, так и не покрытых ею»¹⁶.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 3 Лесного кодекса РФ¹⁷ лесные отношения — это отношения по поводу использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, лесоразведения, а имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, древесины, иных добытых лесных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, а также Земельным кодексом РФ, если иное не установлено ЛК РФ и иными федеральными законами.

В теории лесного права сформировался подход, согласно которому можно выделить лесные отношения в широком смысле¹⁸ (которые регулируются нормами не только лесного, но и иного законодательства — земельного, гражданского, экологического, конституционного, административного и пр.) и в узком смысле¹⁹ (которые необходимо регулировать нормами лесного законодательства).

Из анализа действующих норм и теоретических источников можно сделать вывод о том,

что лесное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих имущественные и неимущественные отношения²⁰ по поводу использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, произрастающих на землях всех категорий; отношения по поводу использования и охраны земель лесного фонда; отношения по государственному управлению в данной области; имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, древесины и иных добытых лесных ресурсов²¹.

Для выявления предмета современного российского лесного права необходимо выделить объекты лесных отношений. В качестве таковых уместно рассмотреть леса, лесные участки, лесные насаждения, древесину и иные добытые лесные ресурсы.

Согласно ст. 5 ЛК РФ использование, охрана, защита, воспроизводство лесов осуществляются исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе²². Приведенная формулировка носит обобщающий

¹⁶ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 15.11.2003 № 22-11 «О Модельном лесном кодексе для государств — участников СНГ» // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2004. № 33.

¹⁷ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Российская газета. 08.12.2006.

¹⁸ Лесное право России : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 15.

¹⁹ Быстров Г. Е. О кодификации лесного законодательства и праве государственной собственности на леса // Экологическое право. 2005. № 2. С. 14–18.

²⁰ Подразделение лесных отношений на имущественные и неимущественные — проблематика, достойная самостоятельного исследования. Так, по мнению В. К. Быковского, к лесным имущественным отношениям относятся отношения, связанные с оборотом лесных участков и лесных насаждений (исходя из контекста актуальной редакции ч. 2 ст. 3 ЛК РФ также следует включить и отношения, связанные с оборотом древесины и иных добытых лесных ресурсов), а к лесным неимущественным отношениям относятся отношения по охране и защите лесов; воспроизводству и разведению лесов; лесоустройству; управлению в области использования, охраны, защиты воспроизводства лесов (Быковский В. К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 40–43).

²¹ См. об этом: Петров В. Н. Указ. соч. С. 80 ; Лесное право России : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 11.

²² При этом согласно ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Российская газета. 12.01.2002) природный объект — это естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства; природные ресурсы — компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

характер и не вполне отражает специфику леса как объекта лесных отношений. Этот факт подтверждает и судебная практика. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 02.06.2015 № 12-П отметил существование двойственности в толковании понятия «лесá»: в одном случае, когда леса рассматриваются как экосистема, превалирует экологический фактор; если же речь идет о лесах как природном ресурсе, то они рассматриваются в качестве экономической категории²³.

На глобальном, общепланетарном уровне леса представляют собой универсальный природный ресурс Земли и общее достояние человечества²⁴.

В современной отечественной доктрине сложился определенный подход, согласно которому «лес» представляет собой сложный природный комплекс²⁵ (или «экологический комплекс»²⁶), т.е. обширную экологическую систему, в которой важнейшие ее элементы: лесная (древесная, кустарниковая, травянистая и иная) растительность, ландшафт, почвы, микроорганизмы, животный мир и другие живые и неживые элементы — находятся в непрерывном взаимодействии, взаимосвязи с внутренней и внешней средой²⁷ и выполняют жизнеобеспечивающую функцию.

Леса можно рассматривать в качестве возобновляемого источника сырья; объекта имущественных правоотношений; стратегически важного объекта, способствующего обеспечению

национальной безопасности (в первую очередь экологической); объекта, обладающего потребительской ценностью; средства производства; объекта рекреационного назначения; объекта экономической политики и пр.

Кроме того, юридическое понятие лесов связано с понятием лесного фонда России²⁸. И, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 09.01.1998 № 1-П²⁹, лесной фонд — ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития (сбалансированного развития экономики и улучшения состояния окружающей природной среды в условиях возрастания глобального экологического значения лесов России и выполнения ею соответствующих международных обязательств), а также рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов — представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим.

По своему целевому назначению леса подразделяются на защитные, резервные и эксплуатационные (ст. 10 ЛК РФ), что также имеет значение для выявления особенностей объекта лесных отношений³⁰.

Леса могут располагаться в пределах различных категорий земель — не только на землях лесного фонда, но и в пределах, например, зе-

²³ П. 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П.

²⁴ См. об этом: Принципы лесоводства. Приняты Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/forest.shtml.

²⁵ См. об этом: Газизуллин А. Х. Лесоведение : курс лекций. Казань, 2004. С. 11.

²⁶ Пуряева А. Ю. Проблемы определения понятия «лес» в законодательстве РФ // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 179–185.

²⁷ См.: приказ Рослесхоза от 03.12.1998 № 203 «Об утверждении отраслевого стандарта ОСТ-56-108-98: «Лесоводство. Термины и определения»». М. : ВНИЦлесресурс, 1999. С. 56.

²⁸ Ерофеев Б. В. Земельное право России. М., 2001. С. 554.

²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации». См. также: постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П ; определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О // СПС «Консультант-Плюс».

³⁰ Подробнее о видах и методах таксации лесов см.: приказ Минприроды России от 29.03.2018 № 122 «Об утверждении Лесоустроительной инструкции» // СПС «КонсультантПлюс».

мель сельскохозяйственного назначения, населенных пунктов, особо охраняемых природных территорий, обороны и безопасности. Использование, охрана, защита, воспроизводство лесов, расположенных на землях, не относящихся к землям лесного фонда, осуществляются в соответствии с целевым назначением таких земель (ч. 1 ст. 120 ЛК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 101 ЗК РФ к землям лесного фонда относятся лесные земли и нелесные земли, состав которых устанавливается лесным законодательством, а части 2 и 3 ст. 6.1 ЛК РФ уточняют, что к лесным землям относятся земли, на которых расположены леса, и земли, предназначенные для лесовосстановления (вырубки, гари, редины, пустоши, прогалины и др.), а к нелесным землям относятся земли, необходимые для освоения лесов (просеки, дороги и др.), и земли, неудобные для использования (болота, каменистые россыпи и др.).

Проблематика использования и охраны земель лесного фонда, лесных участков и государственного управления в данной сфере регулируется нормами и лесного, и земельного, и экологического, и гражданского законодательства.

Лесным участком, согласно ст. 7 ЛК РФ, является земельный участок, который расположен в границах лесничеств и образован в соответствии с требованиями земельного законодательства и ЛК РФ³¹. Часть 3 ст. 6 Земельного кодекса РФ³² раскрывает базовое для данного термина понятие: земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных ЗК РФ прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи.

Индивидуализация земельного участка осуществляется на основании положений гражданского и земельного законодательства, Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»³³, Федерального закона «О землеустройстве»³⁴, Федерального закона «О кадастровой деятельности»³⁵ посредством установления его местоположения, размеров и границ, проведения процедуры межевания, осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации объекта недвижимости и прав на него (согласно правилам ведения Единого государственного реестра недвижимости), а также определения его целевого назначения и вида разрешенного использования.

В данном контексте следует назвать решение Верховного Суда РФ от 19.09.2007 № ГКПИ07-936, установившее, что правовая природа лесных и земельных участков не тождественна, и отметившее, что «лесные участки являются самостоятельными природными объектами, имеющими специальный правовой режим, определяемый лесным законодательством, ввиду жизненно важной многофункциональной роли лесов и их значимости для общества в целом»³⁶. Кроме того, следует отметить значение процедуры лесоустройства и порядок ведения Государственного лесного реестра.

Ряд исследователей отмечают тенденцию к постепенной замене понятия «лес» на «лесной участок»³⁷.

Расположенные в пределах лесного участка лесные насаждения — деревья, кустарники и лианы в лесах (ч. 1 ст. 16 ЛК РФ) и лесные почвы (ч. 2 ст. 60.12 ЛК РФ) в большинстве случаев принимаются во внимание в качестве признака лесного участка или как его полезное (или даже

³¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Российская газета. 08.12.2006.

³² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. 30.10.2001.

³³ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. 17.07.2015.

³⁴ Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» // Российская газета. 23.06.2001.

³⁵ Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // Российская газета. 01.08.2007.

³⁶ Решение Верховного Суда РФ от 19.09.2007 № ГКПИ07-936 // URL: <http://www.supcourt.ru>.

³⁷ См.: Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 274.

вторичное) свойство, хотя они являются объектами лесных отношений.

Н. И. Фалеев, автор одного из старейших отечественных исследований в сфере лесного права, исходил из того, что лес — это прежде всего объект права собственности (отмечал также, что, в Германии, например, лесное право — это часть общего права) и имущественное благо; и рассматривал лес как принадлежность земельного участка. По его мнению, лесное право «есть совокупность юридических норм, определяющих лесной быт во всех его проявлениях»³⁸. В исследовании Н. В. Шелгунова также отмечалось, что леса исстари составляли предмет собственности и владения³⁹ и основы управления ими вытекали из народной жизни и из понимания действительной цены и важности леса.

Древесина, полученная при использовании лесов и при осуществлении мероприятий по их охране, защите, воспроизводству, и иные добытые лесные ресурсы (живица, недревесные лесные ресурсы, пищевые лесные ресурсы) также выступают в качестве объекта лесных отношений, в одном случае — имущественных (охватывающих отношения права собственности, экономического оборота и пр.), урегулированных нормами гражданского законодательства; в других случаях — собственно лесных отношений, урегулированных нормами лесного законодательства (правила заготовки, некоторые аспекты учета и маркировки древесины и пр.).

Метод лесного права характеризуется сочетанием императивного и диспозитивного начал в регулировании лесных отношений⁴⁰. Их соотношение также не вполне однозначно трактуемый в доктрине вопрос. Так, высказывается мнение, что ни один из этих методов не преобладает в

регулировании лесных отношений⁴¹. Отмечается и то, что соотношение императивного и диспозитивного методов регулирования лесных отношений меняется с течением времени и при высоком уровне развития лесных отношений, построенных на различных формах собственности, доминируют диспозитивные методы⁴².

Представляется, впрочем, что императивный метод в настоящее время все же носит до некоторой степени преобладающий характер (это касается установления правил лесопользования, ограничений, запретов, конкретных мер юридической ответственности и пр., т.е. всего того, что выражает содержание правомочий и активную роль государства (как собственника природных ресурсов, участника хозяйственного оборота, выразителя социальных интересов) в обеспечении многоцелевого и рационального использования и охраны лесных ресурсов.

Если обратить внимание на систему лесного права, то ее составными элементами являются институты, группируемые по относительно однородным видам лесных отношений, и состоящие из соответствующих правовых норм⁴³. Например, можно обозначить важнейшие институты лесопользования, охраны и защиты лесов, воспроизводства лесов, государственного управления лесами, лесоустройства и др.

Что касается источников, то лесное право представляет собой кодифицированную отрасль. Лесной кодекс РФ — кодифицированный нормативный акт, призванный регулировать лесные отношения.

Понятие лесного законодательства сформулировано в ст. 2 ЛК РФ и определяется как система законодательных актов, включающая ЛК РФ, другие федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы субъектов Российской

³⁸ Фалеев Н. И. Лесное право. СПб. : Издание товарищества И. Д. Сытина, 1912. С. V.

³⁹ Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. СПб., 1857. СПб. : Тип. Министерства гос. имуществ, 1857. С. 1–2.

⁴⁰ См. об этом: Быковский В. К. Лесное право — традиционная отрасль российского права // Аграрное и земельное право. 2010. № 6 (66). С. 94–99 ; Васильева М. И. О методах, средствах и способах правового регулирования экологических отношений // Экологическое право 2009. № 2/3 (спец. выпуск). С. 56.

⁴¹ Лесное право России : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 13.

⁴² Петров В. Н. Указ. соч. С. 142.

⁴³ См. об этом: Петров В. Н. Указ. соч. С. 80.

Федерации, указы Президента РФ, нормативные правовые акты Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти (Министерства природных ресурсов и экологии РФ, а также Федерального агентства лесного хозяйства России и пр.), прочие подзаконные нормативные акты, правовые акты субъектов РФ и муниципальные правовые акты (принимаемые уполномоченными органами в пределах своей компетенции), регулирующие лесные отношения.

Совокупность названных нормативных правовых актов формирует систему лесного законодательства, обладающую единством и внутренней согласованностью, определяемую традиционными механизмами систематизации отрасли, регулиющую и закрепляющую лесные отношения. Весьма интересно развивается и правоприменительная практика в данной сфере.

Вместе с тем очевидно, что лесные отношения выходят за пределы отношений, регулируемых непосредственно нормами лесного законодательства, и подлежат регулированию нормами других отраслей права.

Притом что доктринально признается, что лесное право имеет свой предмет и метод правового регулирования, свои источники права, однако, по мнению С. А. Боголюбова и С. В. Коростелева, это не прекратило его связи с экологическим и земельным правом и другими отраслями права, равно как и не выделило его из совокупности природоресурсных и природоохранных отраслей права⁴⁴.

Из вышесказанного следует, что правовая проблема соотношения лесного и земельного права также обладает большим теоретическим и практическим значением.

В ряде случаев лесное право даже относят к подотрасли земельного права⁴⁵.

Вопрос о самостоятельности земельного права как отрасли российской правовой системы также породил активную дискуссию: в одном случае земельное право признается самостоятельной, отдельной отраслью национальной правовой системы⁴⁶; в другом случае оно рассматривается как входящее в сообщество отраслей под названием «природоресурсное право»; в третьем случае происходит констатация связи земельного права с природоресурсным, гражданским и экологическим правом⁴⁷.

Предметом земельного права являются земельные отношения — совокупность общественных отношений, объектом которых являются блага, предоставляемые землей. Их «можно классифицировать на правоотношения собственности на землю и земельные участки, правоотношения землепользования, государственного земельного управления, правоотношения в области охраны земель и правоотношения юридической ответственности за земельные правонарушения»⁴⁸. Кроме того, существует точка зрения, согласно которой земельные отношения представляют собой отношения по поводу использования не только поверхности земельного участка, но и объектов недвижимости, находящихся на участке и под его поверхностью⁴⁹. Выделение земельных отношений в самостоятельную группу возможно уже в силу того, что земля в качестве объекта земельных правоотношений обладает особым значением не только как природный объект и ресурс (ст. 6 ЗК РФ), но и как основа жизни и деятельности людей, проживающих на соответствующей тер-

⁴⁴ Боголюбов С. А., Сулейменов М. К. Указ. соч. ; Коростелев С. В. Указ. соч. С. 179–183.

⁴⁵ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 398 ; Голиченков А. К. Указ. соч. С. 90.

⁴⁶ Крассов О. И. Земельное право. М. : Юрист, 2000. С. 31.

⁴⁷ Земельное право : учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М. : Проспект, 2002. С. 9–10.

⁴⁸ См.: Земельное право : учебник для бакалавров / под ред. Н. Г. Жаворонковой, И. О. Красновой. М. : Юрайт, 2017. С. 25.

⁴⁹ Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М. : Статут, 2017. 80 с. ; Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: практ. пособие. М. : Юрайт, 2018. 411 с.

ритории (ч. 1 ст. 9 Конституции РФ⁵⁰, ч. 1 ст. 3 ЗК РФ), как национальное богатство и источник благосостояния общества и государства, важная часть национального суверенитета⁵¹, средство производства (учитывая свойство плодородия — в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве), пространственно-территориальный базис, предназначенный для проживания людей и размещения разнообразных объектов; как объект имущественных отношений и экономического оборота, отношений права собственности; объект экономического, в том числе налогового и бюджетного регулирования.

Несомненно, земельное право представляет собой самостоятельную отрасль права⁵², обладающую собственными предметом и методом правового регулирования, источниками и системой.

Но при этом в рамках, например, экологического права остаются правовые нормы, которые регулируют отношения по охране земель как природного объекта и природного ресурса (п. 1 ч. 1 ст. 6 ЗК РФ).

Поэтому, признавая междисциплинарный характер земельного права как самостоятельной отрасли, отметим, что земельное право также характеризуется высокой степенью разнородности предмета правового регулирования и его нормы имеют пересечения с нормами экологического права⁵³, равно как и с нормами природоресурсного и гражданского права.

В целом земельное и лесное право базируются на разных правовых принципах, целях и задачах и имеют различные предметы и объекты правового регулирования. Так, одним из основных объектов лесных правоотношений является лесной участок, а земельных — земельный участок, и, как уже отмечалось ранее, правовая природа лесных и земельных участков не тождественна⁵⁴. Различия можно обнаружить

и в методах правового регулирования соответствующих правоотношений.

Полная дифференциация лесного права от экологического, природоохранного, природоресурсного, земельного невозможна. Нормы названных отраслей проникают в правовую ткань лесного законодательства. Кроме того, следует иметь в виду и влияние норм гражданского, конституционного и административного права. Но при этом происходит и обратная связь — очевидно заимствование и влияние норм лесного права на указанные отрасли.

Следует также обозначить существование принципов лесного законодательства и права. Принципы лесного права представляют собой руководящие, направляющие и основополагающие идеи и рекомендации, «выраженные в нормах, пронизывающие и объединяющие все институты этой отрасли права такие ее качественные особенности (руководящие начала), которые обеспечивают рациональное и комплексное использование лесов, их воспроизводство и охрану»⁵⁵.

Существующая система принципов лесного права, наряду с общеправовыми принципами, дополняется собственно отраслевыми и межотраслевыми принципами (следует в первую очередь отметить существование определенной взаимосвязи основных принципов лесного законодательства с основными принципами охраны окружающей среды, изложенными в ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Основные принципы лесного законодательства и права обозначены в ст. 1 ЛК РФ. Среди них такие, как: устойчивое управление лесами, сохранение биологического разнообразия лесов, повышение их потенциала; сохранение средообразующих, водоохраных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и

⁵⁰ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993.

⁵¹ См.: п. 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П ; определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵² Крассов О. И. Земельное право. С. 31.

⁵³ Волков Г. А. Принципы земельного законодательства России. М. : Городец, 2005. С. 110.

⁵⁴ Решение Верховного Суда РФ от 19.09.2007 № ГКПИ07-936 // URL: <http://www.supcourt.ru>.

⁵⁵ Горбовой В. Ф. Лесное право : курс лекций. Свердловск, 1977. С. 13.

иных полезных функций лесов в интересах обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду; обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах; использование лесов по целевому назначению, определяемому в соответствии с видами лесов и выполняемыми ими полезными функциями; платность использования лесов и пр.

Таким образом, учитывая сложность и многоструктурность лесных отношений, можно сформулировать вывод о междисциплинарном характере правового регулирования лесных отношений нормами лесного права и связанных с ним отраслей — экологического, природоохранного, природоресурсного, земельного, гражданского, конституционного и административного.

Среди современных тенденций развития лесного права можно выделить формирование международного лесного права. Под международным лесным правом предлагается понимать совокупность принципов, норм и иных международных правовых инструментов, регулирующих отношения субъектов международного права с целью охраны, защиты, обеспечения неистощительного ведения лесного хозяйства, устойчивого использования лесов с учетом их глобального значения и сохранения биосферных функций, а также в иных, более специальных целях (например, во имя сохранения биологического разнообразия на Земле; противодействия опасному антропогенному воздействию на климатическую систему; охраны ареалов обитания

диких птиц и животных и др.), и одновременно предписывающих действия субъектов международного права в отношении лесов⁵⁶.

Таким образом, исходя из важности признания суверенного права государства разрабатывать свои собственные природные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды, необходимо учитывать соответствующие методологии и критерии, согласованные на международном уровне, обозначенные в ряде важных международно-правовых документов⁵⁷.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что динамичное развитие современного лесного права обусловлено политико-правовыми, экономическими и организационно-управленческими факторами. Очевидны все основания для признания лесного права в качестве самостоятельной отрасли российской правовой системы: наличие собственных предмета и методов правового регулирования, кодифицированной системы источников, системы собственных правовых институтов и принципов. Вместе с тем взаимосвязь и взаимозависимость норм лесного права как от экологического, так и от земельного права представляется бесспорной. Многоструктурные, сложные по своей правовой природе лесные отношения — как отраслевые, так и комплексные — нуждаются в междисциплинарном характере правового регулирования нормами не только собственно лесного права, но и смежных, связанных с ним отраслей — в первую очередь экологического права как интегрированной отрасли, а также земельного, гражданского, конституционного и административного права.

⁵⁶ Устинова А. Н., Абанина Е. Н. Предпосылки выделения международного лесного права как отдельной отрасли права // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. / под ред. А. В. Рагулина, М. С. Шайхуллина. Уфа : Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2014. С. 106–108.

⁵⁷ Например: Принципы лесоводства. Приняты Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/forest.shtml ; постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 15.11.2003 № 22-11 ; Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, утв. резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2000 // СПС Гарант.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей: практ. пособие. — М. : Юрайт, 2018. — 411 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. — М. : ТК Велби, Проспект, 2008. — 565 с.
3. Бажайкин А. Л. Нормы-принципы в законодательстве об охране окружающей среды и земельном законодательстве // Экологическое право. — 2013. — № 1. — С. 5–10.
4. Бакаева О. Ю. Соотношение частных и публичных интересов в условиях реформирования законодательства Российской Федерации. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 264 с.
5. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. — М. : Статут, 2017. — 80 с.
6. Боголюбов С. А., Сулейменов М. К. Экологическое право — интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог // Экологическое право. — 2014. — № 4. — С. 32–38.
7. Бринчук М. М. Комплексность в экологическом праве // Экологическое право. — 2004. — № 6. — С. 1–28.
8. Быковский В. К. Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 232 с.
9. Быковский В. К. Лесное право — традиционная отрасль российского права // Аграрное и земельное право. — 2010. — № 6 (66). — С. 94–99.
10. Быстров Г. Е. О кодификации лесного законодательства и праве государственной собственности на леса // Экологическое право. — 2005. — № 2. — С. 14–18.
11. Васильева М. И. О методах, средствах и способах правового регулирования экологических отношений // Экологическое право. — 2009. — № 2/3 (спец. выпуск). — С. 56–67.
12. Волков Г. А. Принципы земельного права России. — М. : Городец, 2005. — 336 с.
13. Газизуллин А. Х. Лесоведение : курс лекций. — Казань, 2004. — 218 с.
14. Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов : учеб. пособие для вузов. — М. : Городец, 2012. — 448 с.
15. Горбовой В. Ф. Лесное право : курс лекций. — Свердловск, 1977. — 48 с.
16. Ерофеев Б. В. Земельное право России. — М., 2001. — 656 с.
17. Земельное право : учебник / под ред. С. А. Боголюбова. — М. : Проспект, 2002. — 400 с.
18. Земельное право : учебник для бакалавров / под ред. Н. Г. Жаворонковой, И. О. Красновой. — М. : Юрайт, 2017. — 580 с.
19. Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал российского права. — 2000. — № 5/6. — С. 89–90.
20. Коростелев С. В. Земельное и лесное право : учеб. пособие. — СПб. : Полиус, 1998. — 535 с.
21. Крассов О. И. Земельное право. — М. : Юристъ, 2000. — 624 с.
22. Крассов О. И. Право собственности на землю в странах Европы. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 400 с.
23. Лесное право России : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. К. Быковский ; отв. ред. Н. Г. Жаворонкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2018. — 247 с.
24. Петров В. В. Концепция экологического права как правовой общности, науки и учебной дисциплины // Вестник МГУ. Серия 11 : Право. — 1987. — № 5. — С. 34–39.
25. Петров В. Н. Лесная политика и право : учебное пособие. — СПб. : СПбГЛТУ, 2015. — 216 с.
26. Пуряева А. Ю. Проблемы соотношения смежных отраслей права в сфере природопользования // Журнал российского права. — 2008. — № 8. — С. 61–71.
27. Пуряева А. Ю. Проблемы определения понятия «лес» в законодательстве РФ // Российский юридический журнал. — 2011. — № 5. — С. 179–185.
28. Пуряева А. Ю., Пуряев А. С. Лесное право : учебное пособие. — М. : Деловой двор, 2009. — 217 с.
29. Седов А. А. Правовые основы управления лесным хозяйством в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. — М., 2005. — 30 с.

30. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006. — 776 с.
31. Устинова А. Н., Абанина Е. Н. Предпосылки выделения международного лесного права как отдельной отрасли права // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : материалы IV Международной научно-практической конференции, Уфа, 8 февраля 2014 г. : в 2 ч. / под ред. А. В. Рагулина, М. С. Шайхуллина. — Уфа, Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2014. — Ч. 2. — С. 106–108.
32. Фалеев Н. И. Лесное право. — СПб. : Издание товарищества И. Д. Сытина, 1912. — 364 с.
33. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. — СПб. : Тип. Министерства государственных имуществ, 1857. — 390 с.
34. Шестерюк А. С. Экологическое право. Вопросы теории и методологии анализа. — СПб. : Издательство СПбГУ, 2000. — 92 с.

Материал поступил в редакцию 12 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev V. A. Pravo nedvizhimosti Rossijskoj Federacii. Ponyatie i vidy nedvizhimyh veshchey: prakt. posobie. — М. : Yurajt, 2018. — 411 s.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava. — М. : TK Velbi, Prospekt, 2008. — 565 s.
3. Bazhajkin A. L. Normy-principy v zakonodatel'stve ob ohrane okruzhayushchej sredy i zemel'nom zakonodatel'stve // *Ekologicheskoe pravo*. — 2013. — № 1. — S. 5–10.
4. Bakaeva O. Yu. Sootnoshenie chastnyh i publicnyh interesov v usloviyah reformirovaniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — М. : Yurlitinform, 2010. — 264 s.
5. Bevzenko R. S. Zemel'nyj uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. — М. : Statut, 2017. — 80 s.
6. Bogolyubov S. A., Sulejmenov M. K. Ekologicheskoe pravo — integrirovannaya otrasl'. Problemy teorii ekologicheskogo prava. Dialog // *Ekologicheskoe pravo*. — 2014. — № 4. — S. 32–38.
7. Brinchuk M. M. Kompleksnost' v ekologicheskom prave // *Ekologicheskoe pravo*. — 2004. — № 6. — S. 1–28.
8. Bykovskij V. K. Ispol'zovanie lesov v Rossijskoj Federacii: pravovoe regulirovanie. — М. : Volters Kluver, 2009. — 232 s.
9. Bykovskij V. K. Lesnoe pravo — tradicionnaya otrasl' rossijskogo prava // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. — 2010. — № 1 (66). — S. 94–99.
10. Bystrov G. E. O kodifikacii lesnogo zakonodatel'stva i prave gosudarstvennoj sobstvennosti na lesa // *Ekologicheskoe pravo*. — 2005. — № 2. — S. 14–18.
11. Vasil'eva M. I. O metodah, sredstvah i sposobah pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh otnoshenij // *Ekologicheskoe pravo*. — 2009. — № 2/3 (spec. vypusk). — S. 56–67.
12. Volkov G. A. Principy zemel'nogo prava Rossii. — М. : Gorodec, 2005. — 336 s.
13. Gazizullin A. H. Lesovedenie : kurs lekcij. — Kazan', 2004. — 218 s.
14. Golichenkov A. K. Ekologicheskoe pravo Rossii: slovar' yuridicheskikh terminov : ucheb. posobie dlya vuzov. — М. : Gorodec, 2012. — 448 s.
15. Gorbovoj V. F. Lesnoe pravo : kurs lekcij. — Sverdlovsk, 1977. — 48 s.
16. Erofeev B. V. Zemel'noe pravo Rossii. — М., 2001. — 656 s.
17. Zemel'noe pravo : uchebnik / pod red. S. A. Bogolyubova. — М. : Prospekt, 2002. — 400 s.
18. Zemel'noe pravo : uchebnik dlya bakalavrov / pod red. N. G. Zhavoronkovej, I. O. Krasnoj. — М. : Yurajt, 2017. — 580 s.
19. Kolbasov O. S. Zaveshchanie ekologam // *Zhurnal rossijskogo prava*. — 2000. — № 5/6. — S. 89–90.

20. Korostelev S. V. Zemel'noe i lesnoe pravo : ucheb. posobie. — SPb. : Polius, 1998. — 535 s.
21. Krassov O. I. Zemel'noe pravo. — M. : Yurist", 2000. — 624 s.
22. Krassov O. I. Pravo sobstvennosti na zemlyu v stranah Evropy. — M. : Norma, Infra-M, 2014. — 400 s.
23. Lesnoe pravo Rossii : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury / V. K. Bykovskij ; otv. red. N. G. Zhavoronkova. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : Yurajt, 2018. — 247 s.
24. Petrov V. V. Konceptsiya ekologicheskogo prava kak pravovoj obshchnosti, nauki i uchebnoj discipliny // Vestnik MGU. Seriya 11 : Pravo. — 1987. — № 5. — S. 34–39.
25. Petrov V. N. Lesnaya politika i pravo : uchebnoe posobie. — SPb. : SPbGLTU, 2015. — 216 s.
26. Puryaeva A. Yu. Problemy sootnosheniya smezhnyh otraslej prava v sfere prirodopol'zovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. — 2008. — № 8. — S. 61–71.
27. Puryaeva A. Yu. Problemy opredeleniya ponyatiya «les» v zakonodatel'stve RF // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. — 2011. — № 5. — S. 179–185.
28. Puryaeva A. Yu., Puryaev A. S. Lesnoe pravo : uchebnoe posobie. — M. : Delovoj dvor, 2009. — 217 s.
29. Sedov A. A. Pravovye osnovy upravleniya lesnym hozyajstvom v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.06. — M., 2005. — 30 s.
30. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. — 2-e izd., pererab. i dop. — M., 2006. — 776 s.
31. Ustinova A. N., Abanina E. N. Predposylki vydeleniya mezhdunarodnogo lesnogo prava kak otdel'noj otrasli prava // Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i pravoprimeneniya : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 8 fevralya 2014 g. : v 2 ch. / pod red. A. V. Ragulina, M. S. Shajhullina. — Ufa, Evrazijskij nauchno-issledovatel'skij institut problem prava, 2014. — Ch. 2. — S. 106–108.
32. Faleev N. I. Lesnoe pravo. — SPb. : Izdanie tovarishchestva I. D. Sytina, 1912. — 364 s.
33. Shelgunov N. V. Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva. — SPb. : Tip. Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv, 1857. — 390 s.
34. Shesteryuk A. S. Ekologicheskoe pravo. Voprosy teorii i metodologii analiza. — SPb. : Izdatel'stvo SPbGU, 2000. — 92 s.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN UNIVERSITY LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin University Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 16 № 4 (125) апрель 2021

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002